

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук

На правах рукописи

Степанов Алексей Сергеевич

Военная политика США в отношении Китая в начале XXI века

Специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

диссертация на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
руководитель Отдела военно-
политических исследований,
главный научный сотрудник ИСКРАН

БАТЮК В.И.

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Контекстуальные особенности изучения военной политики США в отношении Китая.....	22
1.1. Разграничение основных теоретических понятий в контексте исследования военной политики США	22
1.2. Государственные субъекты, ответственные за проведение военной политики США	28
1.3. Фактор Конгресса в формировании американо-китайских отношений.....	30
1.4. Краткая характеристика американо-китайских отношений после окончания холодной войны.....	50
Глава 2. Рост геополитической и военной мощи Китайской Народной Республики	56
2.1. Усиление геополитического влияния КНР.....	56
2.2. Рост военной мощи КНР	80
Глава 3. Эволюция американского подхода к военной политике в отношении Китая в доктринальных документах США.....	115
Глава 4. Практическая реализация военной политики США в отношении Китая.....	144
4.1. Политика администрации Дж. Буша-мл.	144
4.2. Политика администрации Б. Обамы	160
4.3. Политика администраций Д. Трампа и Дж. Байдена	178
Заключение	210
Список принятых сокращений.....	224
Список источников и литературы	226
Список иллюстративного материала.....	256

Введение

1. Обоснование темы исследования и актуальность.

Китайско-американское соперничество в настоящее время является одной из определяющих тенденций в международных отношениях, влияющей на поведение многих стран мира. В выступлениях официальных лиц и в официальных документах США, Китая, России и других стран говорится о соперничестве великих держав. Действия, соответствующие данным декларациям, воплощаются и на практике в экономической дипломатической и военной сферах. Среди держав-соперников США и Китай занимают центральное место. От развития этого противостояния зависит внешнеполитический курс США и их союзников. Россия как стратегический партнёр Китая также не может оставаться в стороне от этого процесса. В настоящее время противостояние США с Россией и Китаем в военной, дипломатической и экономической сферах уже называют «холодной войной на два фронта». В этой связи крайне важно проследить развитие этого противостояния и становления его наиболее острой фазы, выявить его причины и особенности.

Огромная территориальная протяжённость, численность населения Китая, его быстрый экономический рост, твёрдая позиция и желание принимать участие во многих процессах мировой политики позволяют этому государству играть значительную роль в распределении баланса сил в мире.

С конца 1970-х годов, то есть со времён введения в стране элементов рыночной экономики, Китай занимает одно из важнейших мест в американской внешней политике. Этому способствует ряд факторов. Во-первых, это геополитическая значимость Китая как ведущей державы региона, являющегося зоной жизненно важных интересов США. Во-вторых, это растущий экономический и технический потенциал Китая, который одновременно является крупнейшим рынком сбыта, объектом крупных иностранных капиталовложений, поставщиком большого объёма товаров, а также конкурентом США во многих отраслях. В-третьих, Китай является страной с политической системой, отличной от

американской, внешнюю и внутреннюю политику КНР Америка рассматривает как недемократическую.

Несмотря на сильную взаимозависимость США и Китая, в двусторонних отношениях существует ряд фундаментальных проблем, таких как возможность конфронтации по поводу статуса о. Тайвань, возможное участие Китая в распространении оружия массового уничтожения, частые торгово-экономические противоречия, обвинения Китая в несоблюдении им международных экономических норм, разногласия по поводу соблюдения прав человека в КНР. Всё это создаёт атмосферу недоверия и усиливает конфликтность между двумя странами.

В XXI веке отношения между США и Китаем вступили в новую фазу, в связи с появлением новых процессов и тенденций на мировой арене.

Все вышеперечисленные факторы оказывают прямое влияние на соотношение военных потенциалов двух стран, взаимодействие которых, в зависимости от выбранного курса, способно как подорвать, так и укрепить международную стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом.

Тот факт, что Китай наращивает и модернизирует свой военный потенциал, необратимо вносит коррективы как в представления США о безопасности, так и в баланс сил в АТР. Из этого вытекает ряд возможных последствий для безопасности региона и мира. Это и возможная конкуренция в военной сфере между Китаем и другими ведущими державами, например Японией или Индией, вплоть до гонки вооружений; и ухудшение обстановки в очагах потенциальной конфликтности региона: Тайваньском проливе, Корейском полуострове, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Для Соединённых Штатов это потенциальный вызов их военному доминированию на Тихом океане. Способствует этому и изменение глобальной роли США относительно других великих держав, из-за чего США уже не могут считаться «единственной сверхдержавой» в том смысле, в котором она считалась таковой после окончания холодной войны.

Таким образом, целью американских военных в регионе является выработка и претворение в жизнь такого подхода к взаимоотношениям с КНР, который позволил бы использовать настоящее изменение положения Китая в АТР и мире в интересах США и в то же время не позволить Китаю нанести ущерб американским жизненно важным интересам.

От того, каким образом и в какой степени эта цель будет достигнута, и от ответной реакции КНР во многом будет зависеть безопасность и стабильность в XXI веке, поэтому исследование данной проблемы представляется нам важным и актуальным.

2. Степень научной разработанности темы.

Тематика американо-китайских отношений в военной сфере рассматривается как российскими, так и зарубежными учёными. Отечественные специалисты начали исследовать тему политики США в отношении АТР ещё в 50-е годы XX века, однако в период «разрядки», в середине семидесятых годов тема стала особенно популярна. Прежде всего следует выделить работы коллектива авторов под руководством В.П. Лукина «Политика США в Азии»¹ и «США и проблемы Тихого океана»². Примерно в одно время с ними вышли работы таких советских учёных, как Е.М. Жуков³, Г.В. Астафьев⁴, М.С. Капица⁵, М.И. Сладковский⁶, В.Д. Писарев⁷, И.И. Коваленко⁸. Их успех развили В.А. Кременюк⁹, М.Г. Носов¹⁰, А.Б.

¹ Кременюк В.А., Лукин В.П., Руднев В.С. Политика США в Азии. М.: Наука, 1977.

² США и проблемы Тихого океана: Международно-политические аспекты. Под ред. В.П. Лукина. М.: Международные отношения, 1979.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870-1945 гг.): историческая литература / ред. Е. М. Жуков. М.: Госполитиздат, 1951. 791 С.

⁴ Астафьев Г.В. Интервенция США в Китае, 1945-1949. М., Мысль, 1985. 399 С.; Астафьев Г.В. Внешняя политика КНР: О сущности внешнеполитического курса современного китайского руководства. М., Международные отношения, 1971. 191 С.

⁵ Капица М.С. КНР: три десятилетия-три политики. М., Политиздат, 1979. 574 С.; М.С. Капица, Д.В. Петров, Б.Н. Славинский и др. История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945-1977. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1978. 558 С.

⁶ Сладковский М. И. Китай—основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1977. 225 С.

⁷ Писарев В.Д. 1977. США и мировой океан: экономико-политические тенденции освоения. М., Наука, 1977. 267 С.

⁸ Коваленко И.И. Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., Наука, 1976. 431 С.

⁹ Кременюк В.А. США – Азия: дипломатическая "психотерапия" // Международная жизнь. 1970. № 2; Кременюк В.А., Давыдов В.Ф. Стратегия США в Индийском океане // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 5. С. 6-17.

¹⁰ Носов М.Г. Тихоокеанская политика США: взгляд из Москвы // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 1. С. 25–33.

Парканский¹¹, В.С. Руднев¹², Б.Н. Славинский¹³, Г.А. Трофименко¹⁴. Нельзя не упомянуть отдельно работу известного российского востоковеда А.Д. Богатурова «Великие державы на Тихом океане», в которой впервые тема была освящена без оглядки на положение СССР как противника США по Холодной войне.

В настоящее время главным научным центром, занимающимся изучением Китая в России, является Институт Дальнего Востока РАН. Вопросы военной политики Китая, а также китайско-американских отношений в военной сфере разрабатывались в статьях и монографиях П.Б. Каменнова¹⁵, А.В. Болятко¹⁶, А.Ф. Клименко¹⁷, Д.В. Гордиенко¹⁸, Б.В. Кашина¹⁹, С.В. Уянаева²⁰, С.Г. Лузянина²¹ и других исследователей. Кроме того, особенности военной политики КНР

¹¹ Нагорный А.А., Парканский А.Б. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона. М.: Наука, 1982. 218 С.

¹² Руднев В.С. Политика США в Юго-Восточной Азии. М., Наука, 1986. 192 С.

¹³ Некоторые вопросы советско-американского сотрудничества на Тихом океане // США и проблемы Тихого океана. Международно-полит. аспекты. М.: Международные отношения, 1979. С. 260-275.

¹⁴ Трофименко Г.А. Новый передел мира? // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 3. С. 20-29; Трофименко Г.А. Подлесный П. Т. Механизм формирования внешней политики США. - М.: Наука, 1986. - 203 с.; Трофименко Г.А. Отношения России и США в Восточной Азии. США: экономика, политика, идеология. 1996. № 1. С. 32-43.

¹⁵ Каменнов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. 224 С.; Каменнов П.Б. Китайский военно-промышленный комплекс при Си Цзиньпине // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 135-151.; Каменнов П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. 2010. № 4. С. 40-56.

¹⁶ Болятко А.В. Отношения США-КНР: переломный период? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. № 16. С. 85-95; Болятко А.В. Эволюция американской военной стратегии в Восточной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. С. 73-86; Болятко А.В. Роль США и Китая в развитии военно-политической ситуации в зоне Тихого океана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 18. С. 84-95.

¹⁷ Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая // Военная мысль. 2005. № 4. С.2-17.

¹⁸ Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. Оценка уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. 88 С.; Гордиенко Д.В. Военный компонент политики Китайской Народной Республики в "стратегическом треугольнике" Россия - Китай - США: руководящие и доктринальные документы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 12. С. 71-90; Гордиенко Д.В. Защищенность Китая от военных угроз и сравнительная оценка уровней военной безопасности государств Центральной и Северо-Восточной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19. С. 163-182.

¹⁹ Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. 272 С.; Кашин В.Б. КНР и «Третья стратегия компенсации» Министерства обороны США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 3. С. 52-71; Кашин В.Б. Эволюция китайской военной политики // Экспорт вооружений. 2012. № 6.

²⁰ Уянаев С.В. Слом договора по РСМД: фактор Китая // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6. С. 5-11.

²¹ Лузянин С.Г. Безопасность в Восточной Азии: только по американскому рецепту? // Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии. сборник статей. [сост. Д. В. Гордиенко]. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 5-15; Лузянин С.Г. Китай в системе глобальной и региональной безопасности // Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2014. № 19. С. 22-30; Лузянин С.Г. "Россия - Китай" или "великая Америка". Будет ли конец истории? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 8; Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 8. С. 75-80.

рассматривались в работах А.А. Кокошина (НИУ ВШЭ)²², К.В. Богданова (ИМЭМО РАН)²³. Геополитическим противоречиям между США и Китаем посвящён ряд работ Я.В. Лексютиной (СПбГУ)²⁴, А.Г. Арбатова (ИМЭМО РАН)²⁵, Ф.Г. Войтоловского (ИМЭМО РАН)²⁶, А.В. Ломанова (ИМЭМО РАН)²⁷, а также Д.В. Суслowa (НИУ ВШЭ)²⁸, Д.Б. Графова (ИВ РАН)²⁹, особенности военной политики США исследуют такие эксперты, как В.И. Бартенев (МГУ)³⁰, Е.П. Бужинский, особенности соперничества США и КНР в Юго-Восточной Азии исследовал Д.В. Мосяков (ИВ РАН)³¹. В Институте США и Канады РАН проблематика военного и других аспектов американо-китайского противостояния исследуется учёными-американистами, за счёт чего исследования приобретают

²² Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 11. С. 3-22; Кокошин А.А. К прогнозированию отношений КНР и США // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 71-78.

²³ Богданов К.В. Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 6. С. 81-95; Богданов К.В. Ядерные силы КНР и контроль над вооружениями // Безопасность и контроль над вооружениями 2017-2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 73-84.

²⁴ Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. С-Пб.: СПбГУ, 2011; Лексютина Я.В. Обострение напряженности в Южно-Китайском Море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 30-41; Лексютина Я.В. Роль Китая в стратегии "Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион" Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. № 1. С. 22-34.

²⁵ Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник. М.: ПрессКлуб Сервис, 2013. 55 С.; Арбатов А.Г. Китай и ограничение вооружений: не утопия, а возможность // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 36-54.

²⁶ Войтоловский Ф.Г. Пространство американо-китайских отношений // Вода К., Войтоловский Ф., Журавлева В., Канаев Е., Ларин В., Леонтьева Е., Луконин С., Потапов М., Рябов А., Савельев А., Федоровский А. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 140-162.

²⁷ Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики. // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8-18; Ломанов А.В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С. 40-56; Ломанов А.В. Современная китайская концепция "мягкой силы" // "Мягкая сила" в отношениях Китая с внешним миром. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. С. 13-61; Ломанов А.В. Китайские дискуссии об отношениях с США и торговой войне // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 10. С. 17-29; Ломанов А.В. Неоконсерватизм с китайской спецификой. // Россия в глобальной политике. 2017. № 4. С. 17-31.

²⁸ Братерский М.В., Суслов Д.В. Возвращение США на Тихий океан // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сборник научных трудов. Сер. "Социально-экономические проблемы стран Запада" Отв. ред. Братерский М.В., Ред.-сост. Роуз К.Б., Щербинина Ю.В., М.: ИНИОН РАН, 2014; Братерский М.В., Суслов Д.В. Россия, Китай и США в Центральной Азии // США & Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 4. С. 3-17.

²⁹ Графов Д.Б. Отношения Китая и США в связи с территориальным спором в Южно-Китайском море // США & Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 9. С. 24-39; Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 3. С. 41-60.

³⁰ Бартенев В.И. США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы "третьей стратегии компенсации" // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 3. С. 30-42; Бартенев В.И. Стратегия национальной безопасности США 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 48-66.

³¹ Мосяков Д.В. США-Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2007. № 7; Мосяков Д.В. ЮВА и американо-китайское соперничество // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2007. № 10. С. 78-89; Мосяков Д.В. Конфликт в Южно-Китайском море и возможные пути его разрешения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21. С. 16-22.

уникальный подход. Речь идёт прежде всего о работах С.М. Рогова³², П.С. Золотарёва³³, В.И. Батюка³⁴, А.Н. Панова³⁵, С.М. Труша³⁶, О.В. Приходько и других экспертов.

Интерес американских учёных к теме политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе начал проявляться в 1960-е годы, когда были написаны фундаментальные труды «Азия и великие державы» Роберта Скалапино, «Американские интересы в Азии» Дрю Миддлтона и «США и китайско-советский блок в Юго-Восточной Азии». Одной из первых научных организаций, посвятивших себя изучению американо-китайских отношений, стал Центр изучения американской внешней и военной политики при Чикагском университете. Возглавил центр известный учёный-международник Ганс Моргентау*. В настоящее время изучением Китая занимается целый ряд организаций. В Институте Брукингса подобные исследования осуществляются в рамках Центра восточноазиатских политических исследований и Китайского центра им. Джона Торнтона. С институтом связаны имена таких известных китаистов, как Кеннет Либертал, Дэвид Шамбо, Томас Кристенсен и Бэйтс Гилл. В Фонде Карнеги за международный мир китайские исследования проводятся в рамках Азиатской

³² Рогов С.М. Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 6-24.

³³ Золотарёв П.С. Китай и Индия в глобальном балансе военных сил // Россия и Америка в XXI веке. 2009. №1 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rusus.ru/?act=read&id=126> (26.08.2022); Золотарёв П.С. Современная ядерная стратегия Китая // Россия и Америка в XXI веке. 2008. № 3 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rusus.ru/?act=read&id=139>

³⁴ Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты. М.: ИСКРАН, 2009. 147 С.; Батюк В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции // США & Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 7. С. 21-38; Батюк В.И. Индо-тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1. С. 135-153; Батюк В.И. Военная политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе при администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 29-48.

³⁵ Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг. // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 11. С. 22-45.

³⁶ Trough S. China's Changing Oil Strategy and its Foreign Policy Implications. Washington DC, Brookings Institution Center for Northeast Asian Policy Studies, 1999. 18 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/chinas-changing-oil-strategy-and-its-foreign-policy-implications/> (26.08.2022); Труш С.М. Россия - США - Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 3. С. 5-24; Труш С.М. Отношения КНР и США на рубеже Обама - Трамп: политические и военно-политические аспекты // США & Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 3. С. 48-67; Труш С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 12. С. 45-61.

* О состоянии китайских исследований в Соединённых Штатах говорится в одной из опубликованных работ автора. См. Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США-КНР // США & Канада: экономика, политика, культура, 2021, №9, с. 89-105.

программы. Сотрудниками фонда являются такие признанные эксперты по Китаю, как Эшли Теллис, Дуглас Паал, Александр Габуев и Тун Жао. «В Центре стратегических и международных исследований (CSIS) «Этой проблематике целенаправленно посвящены три программы: Кафедра китайских исследований им. Фримена, Проект исследования китайской мощи, Китайский бизнес и экономика»³⁷. Китайский вопрос активно исследуется в рамках проекта «Инициатива морской транспарентности в Азии», а также «Программы изучения международной безопасности»». Одним из ведущих специалистов по КНР в CSIS является Б. Глэйзер. Китаю посвящены несколько работ специалиста по Ближнему Востоку и Корейскому полуострову Энтони Кордсмана. Широкий резонанс в кругах экспертов в области международных отношений вызвал доклад Корпорации РЭНД 2016 года «Война с Китаем: размышляя о немыслимом», где авторы говорили о вероятности военного конфликта между США и Китаем в случае применения сторонами обычного вооружения. Большое число исследований американо-китайских отношений в военной сфере опираются на доклад «Сравнительная оценка военного потенциала США и Китая» (The U.S.-China Military Scorecard) 2015 года. Главными специалистами РЭНД по Китаю являются Э. Скобелл, Д. Шлапак, К. Купер, Э. Бёрк, К. Ганнесс и другие. Большой интерес представляют работы Р. Каплана «Месть географии» и «Возвращение мира Марко Поло. Значительный резонанс вызвала работа этого эксперта «Как мы будем драться с Китаем», опубликованная в 2005 году.

Нельзя оставить без внимания и сотрудников консервативных исследовательских организаций, таких как Гудзоновский институт, а также фонд «Наследие». Здесь необходимо выделить таких исследователей, как Майкл Пиллсбери, Герберт Макмастер, Патрик Кронин, Уолтер Рассел Мид, Ричард Вайтц, Джеймс Карафано и Дин Чэн.

Главным аргументом экспертов, отстаивающих необходимость взаимодействия с Китаем, была уверенность в возможности демократизации и

³⁷ Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США-КНР // США & Канада: экономика, политика, культура, 2021, №9, с. 92

либерализации этой страны. В начале 2000-х годов стало очевидно, что китайское государство довольно стабильно, а его руководство контролирует внутреннюю ситуацию в стране. Таким образом, аргументы о скором распаде страны стали терять актуальность, хотя это всё ещё имело место³⁸. Вместо этого начали появляться работы, описывающие, какой прогресс был достигнут в Китае в плане либерализации и открытости. В качестве примера можно привести коллективную монографию об экономическом развитии КНР и его влиянии на американо-китайские отношения под названием «Китай: сводный баланс - что мир должен знать о зарождающейся сверхдержаве»³⁹, написанную коллективом авторов, состоящем из экспертов CSIS. «В третьей главе этой работы говорится о таких признаках либерализации и демократизации, как проведение выборов на местном уровне, развитии организаций гражданского общества. Авторы предполагают, что большая открытость и встраивание в мировую экономику будет способствовать продвижению политических реформ в Китае. Однако они отмечают, что идеи западной либеральной демократии непопулярны в китайском обществе. Способность США влиять на внешнеполитический курс Китая отмечается в монографии Т. Кристенсена «Китайский вызов», о которой будет сказано ниже. Кроме того, Д. Шамбо в своей книге о трансформации Коммунистической партии Китая писал об ослаблении её контроля над жизнью общества писал»⁴⁰.

Следующий логичный вопрос для рассмотрения экспертов заключается в том, представляет ли Китай угрозу для Соединённых Штатов. Консервативные эксперты обычно отвечают на этот вопрос утвердительно. Одними из первых монографий, относящихся к периоду, рассматриваемому в настоящем исследовании, стали «Китайская угроза: как Китайская Народная Республика угрожает Америке» и «Гегемон: китайский план по доминированию в Азии и в мире»⁴¹. Обе книги по-прежнему высоко ценятся в консервативных кругах. Однако

³⁸ См., напр., Chang G. *The Coming Collapse of China*. New York: Random House, 2001.

³⁹ Bergsten F., Gill B., Lardy N., Mitchell D. *China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know Now About the Emerging Superpower*. New York: PublicAffairs, 2006.

⁴⁰ Shambaugh D. *China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. Berkeley: University of California Press, 2008. Цит. по: Степанов А.С. Американские эксперты... с. 94-95

⁴¹ Gertz B. *The China Threat: How the People's Republic Targets America*. Washington DC: Regnery Publishing, 2002; Mosher S. *Hegemon: China's Plan to Dominate Asia and the World*. New York: Encounter Books, 2002.

большинство экспертов придерживалось мнения, согласно которому в международных отношениях Китай настроен на проявление сдержанности, соблюдения норм существующего международного порядка, а также отказ от экспорта своей модели развития⁴². После прихода к власти Си Цзиньпина и продвижения идеи «китайской мечты» такие разговоры практически прекратились.

Эксперты также оценивали вероятность военного конфликта между США и Китаем. В пользу неизбежности или высокой вероятности такого конфликта высказываются представители школы политического реализма. Одной из важнейших работ этого направления (а именно, наступательного реализма) в XXI веке можно считать книгу «Трагедия политики великих держав» за авторством Дж. Миршаймера. «По его мнению, в условиях «анархического» характера системы международных отношений, ведущие державы всегда стремятся к гегемонии и стараются использовать все возможности, чтобы получить преимущество над своими конкурентами»⁴³. Китай здесь не является исключением, что приведёт к тому, что его конкуренты, в том числе США, попытаются «окружить» его и предотвратить дальнейшее расширение его влияния⁴⁴. Многие эксперты полагают, что имеют место исторические параллели и проводят сравнения между современным Китаем и Германией на рубеже XIX–XX веков⁴⁵, а КНР после прихода к власти Си Цзиньпина сравнивают с Германией времён А. Гитлера⁴⁶. По мнению Р. Кагана, исторический опыт «умиротворения» растущих держав, в основном, носит негативный характер. Поэтому мирная интеграция Китая в международное сообщество также не увенчается успехом⁴⁷. Политолог Г. Эллисон обобщил такие взгляды в статьях, опубликованных в изданиях Financial Times и

⁴² Policy Making Process for Post Cold War China. 2018. Ed. by Wenzhao Tao. Singapore: Springer. P. 351

⁴³ Mearshimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001. P. 29. Цит. по: Степанов А.С. Американские эксперты... с. 95

⁴⁴ Ibid. P. 400.

⁴⁵ China's parallel with Germany before WWI. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.smh.com.au/opinion/chinas-parallel-with-germany-before-wwi-20140820-10631j.html> (05.04.2021)

⁴⁶ Xi Jinping's China and Hitler's Germany: Growing parallels. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://thehill.com/opinion/international/532978-xi-jinpings-china-and-hitlers-germany-growing-parallels> (31.05.2021)

⁴⁷ Statement of William Kristol. The Taiwan Relations Act: the Next Twenty-Five Years. Hearing before the Committee on International Relations, House of Representatives, Washington DC, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa93229.000/hfa93229_0f.htm (20.08.2022)

The Atlantic⁴⁸, где он разработал такую концепцию, как «ловушка Фукидида» (Thucydides Trap). Согласно этой концепции, противостояние между державой-гегемоном и страной, претендующей на её место, в большинстве случаев приводит к войне.

Некоторые эксперты попытались оспорить данное утверждение наступательного реализма. Так А. Джонсон в статье «Является ли Китай державой статус-кво?» он делит страны на ревизионистов и тех, которые удовлетворены своим текущим положением⁴⁹. Учёный приходит к выводу о том, что за последние 40 лет своей истории КНР в значительной степени перешла из первой категории во вторую. Несмотря на это, автор не исключает возможности возвращения страны на позиции ревизионизма⁵⁰. В книге China: The Balance Sheet «делается предположение о том, что Китай не пойдёт по пути таких стран, как Германия и Япония, так как политика Китая основывается на идее мирного развития и поддержания сотрудничества с Соединёнными Штатами по глобальным и региональным вопросам»⁵¹.

Многие эксперты выразили мнение о том, что КНР не представляет военной угрозы для США, поскольку, несмотря на увеличение военного бюджета, военный потенциал Китая далёк от того, чтобы конкурировать с американским. Также они отмечали, что Китай на тот момент не демонстрировал желания бросить вызов Америке⁵². Китай продемонстрировал «миролюбивое поведение на международной арене – последний военный конфликт, в котором он принимал участие, была Ккитайско-Вьетнамская война 1979 г.»⁵³.

«После 2010 г. и особенно после прихода к власти Си Цзиньпина многие представители американского экспертного сообщества начали вновь задумываться

⁴⁸ Allison G. Thucydides's trap has been sprung in the Pacific // Financial Times, August 21, 2012; Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic, September 24, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (26.08.2022)

⁴⁹ Johnson A.I. Is China a Status Quo Power? // International Security. 2003. No. 4. P. 10.

⁵⁰ Ibid. P. 49.

⁵¹ Bergsten F., Gill B., Lardy N., Mitchell D. Op. cit. Цит. по: Степанов А.С. Американские эксперты... с. 96

⁵² См. напр. Lieberthal K. Is China Catching Up with the US? // Ethos. 2010. No. 8. P. 12-16.

⁵³ Степанов А.С. Американские эксперты... с. 96

о «китайской угрозе», выражая сомнение в том, что дальнейший рост влияния Китая в мире представляет собой благо для Соединённых Штатов»⁵⁴.

Одним из наиболее влиятельных исследований, критикующих политику взаимодействия в этой новой дискуссии, является работа М. Пиллсбери «Столетний марафон: секретная стратегия Китая по замене Соединённых Штатов в качестве глобальной супердержавы»⁵⁵. «По мнению автора, взаимодействие с Китаем бесполезно с точки зрения предотвращения китайской агрессии. В своей книге он приходит к выводу о том, что вынашивание тайного агрессивного плана по достижению гегемонии в мире обусловлено китайской историей, культурой, военной мыслью и даже языком. Традиционная китайская государственность, на которую оказали влияние иерархические принципы конфуцианства, реализм Сунь-Цзы, а также исторический опыт, включающий в себя «столетие унижения» и борьбу за власть во времена Эпохи сражающихся царств, определяют современное агрессивное поведение Китая на международной арене»⁵⁶.

А. Фридберг занимает аналогичную позицию. В книге «Соревнование за превосходство: Китай, Америка и борьба за господство в Азии» он рассматривает внутрикитайские факторы в качестве главных элементов противостояния между КНР и Соединёнными Штатами. По его мнению, политика взаимодействия неэффективна, поскольку если США смягчат свою политику и пойдут на сближение, китайские «ястребы» сочтут это признаком слабости и следствием их жёсткого курса, в политики, стоящие на умеренных позициях, не усилятся, а наоборот⁵⁷. Неспособность Китая осуществить либерализацию Фридберг объясняет особенностями Коммунистической партии Китая, любой ценой стремящейся к удержанию у власти. В результате у коммунистов возникает

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Pillsbury M. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. New York: Henry Holt and Company, 2015.

⁵⁶ Степанов А.С. Американские эксперты... с. 96

⁵⁷ Friedberg A. A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. New York: W.W. Norton & Company, 2011. P. 261.

недоверие и подозрительность в отношении других стран, а также сама вызывает подозрения за счёт собственной скрытности⁵⁸.

Противоположной позиции придерживаются Дж. Стейнберг и М. О'Хэнлон в своей книге «Стратегические гарантии и решимость: отношения США и Китая в XXI веке». В ней авторы говорят, что существует несколько факторов, которые влияют на поведение Китая и ослабляют или усиливают его склонность к агрессии. В первую категорию входят, прежде всего, экономические интересы Китая, а во вторую – рост национализма. «Одним из определяющих факторов является китайская интерпретация американской внешнеполитической стратегии и намерений»⁵⁹. В связи с этим, США должны попытаться оказать поддержку внутривластным силам в Китае, склонных к сдержанному и прагматичному поведению, а также продемонстрировать готовность «делиться властью» с КНР на мировой политике⁶⁰. Кроме того, существует множество других факторов и невозможно предсказать, какие из них будут играть решающую роль⁶¹.

На эту же тему рассуждает и бывший член Совета национальной безопасности Дж. Бэйдер в своей книге об азиатской политике времён первого срока Б. Обамы, где он также отстаивает идею взаимодействия. По его мнению, оно должно основываться на принципах, лежащих в основе политики данной администрации: доброжелательный подход к легитимному расширению влияния Китая; осуществление надзора за тем, чтобы рост Китая соответствовал международному праву и международным нормам; готовность формировать обстановку в АТР таким образом, чтобы влияние Китая в нём было стабилизирующим, а не разрушительным⁶².

Вопрос влияния США на поведение Китая и проблема взаимодействия двух стран рассматривается Т. Кристенсеном в книге «Китайский вызов: формирование

⁵⁸ Ibid. P. 159.

⁵⁹ Степанов А.С. Американские эксперты... с. 97

⁶⁰ Steinberg J., O'Hanlon M. Strategic Reassurance and Resolve: U.S.-China Relations in the Twenty-First Century. Princeton, Princeton University Press, 2014. P. 47.

⁶¹ Ibid. P. 41.

⁶² Bader J. Obama and China's Rise: An Insider's Account of America's Asia Strategy. Washington DC: Brookings Institution Press, 2012. P. 7.

поведения восходящей державы». По мнению автора, Соединённые Штаты способны направить националистические амбиции Китая в направлении сотрудничества⁶³. Эта позиция подкрепляется опытом, полученным самим Кристенсеном во времена администрации Дж. Буша-мл. Фактически он предлагает использовать в отношении Китая политику «кнута и пряника», которая увеличивала бы как выгоду Китая от сотрудничества с США, так и издержки от возможных конфликтов. С точки зрения автора, Соединённым Штатам также необходимо сотрудничество с Китаем, особенно в сфере решения глобальных проблем⁶⁴. По мнению Кристенсена, укрепление обороноспособности США необходимо как средство уменьшения уровня агрессии не только в отношении Америки, но и в отношении соседей Китая.

Американскими экспертами рассматривался и вопрос о наиболее эффективной военной стратегии по отношению к КНР. Одной из самых нашумевших стала дискуссия вокруг концепции «воздушно-морских операций». Впервые термин «воздушно-морские операции» был упомянут в работе 1992 г. адмирала Дж. Ставридиса, будущего командующего Южным и Европейским командованиями США, «Новая концепция военно-морских операций: интеграция ударных сил». В работе отстаивается идея интеграции военно-морских и военно-воздушных сил, однако связи с Китаем не прослеживается⁶⁵.

«Важную роль в разработке концепции воздушно-морских операций сыграл Э. Крепиневич, полковник ВВС в отставке, долгое время работавший в Управлении общих оценок (Office of Net Assessment) – научно-исследовательской структуре Министерства обороны под началом его директора Эндрю Маршалла»⁶⁶. После увольнения из вооружённых сил он возглавил Центр стратегических и бюджетных оценок (CSBA), который был впоследствии привлечён Управлением общих оценок к разработке оперативной концепции для противостояния китайскому потенциалу

⁶³ Christensen T. The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. New York: W.W. Norton & Company, 2015. P. XXII.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Stavridis J. A New Air Sea Battle: Integrated Strike Forces. Washington D.C., National War College, 1992.

⁶⁶ Степанов А.С. Американские эксперты... с. 100

ограничения доступа / блокирования зоны (A2/AD)». «Другим экспертом, внесшим свой вклад, был Джим Томас, также сотрудник CSBA, бывший специальный помощник заместителя министра обороны при администрации Дж. Буша-мл»⁶⁷.

«Альтернативой концепции «воздушно-морские операции» была представлена стратегия «морского контроля». Она была разработана также по заказу Минобороны, а именно Управления заместителя министра обороны по вопросам политики»⁶⁸. Стратегия была впервые обнародована в 2012 г. Т. Хэмсом в публикации Стратегического форума Национального оборонного университета «Морской контроль: возможная стратегия для маловероятного конфликта»⁶⁹. «Согласно этой стратегии, ожидается, что в случае конфликта будет создана запретная зона для прохода судов и объявлено, что любое судно, чьё нахождение в ней несанкционированно может быть уничтожено. Первый круг блокады должен быть ограничен «первой цепью островов», второй – следовать сразу за ней. Морская и авиационная инфраструктура союзников должна быть использована, но не для нанесения ударов по КНР»⁷⁰. Основными средствами реализации стратегии являются подводные лодки, минные заграждения и ограниченное использование авиации. Морская блокада предполагает затяжной характер конфликта, что, по мнению автора концепции, даёт сторонам время для его разрешения.

3. Объектом исследования является военная политика Соединённых Штатов Америки. Предмет исследования – военная политика США в отношении Китайской Народной Республики.

4. Цель и задачи исследования.

Цель исследования – проследить эволюцию военной стратегии США в отношении Китая.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

⁶⁷ Степанов А.С. Американские эксперты... с. 101

⁶⁸ Там же, с. 102

⁶⁹ Hammes T. Offshore Control: A Proposed Strategy for an Unlikely Conflict. National Defense University Strategic Forum No. 278, June 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-278.pdf> (10.05.2021)

⁷⁰ Степанов А.С. Американские эксперты... с. 102

1) проанализировать предпосылки формирования военной политики США в отношении Китая, а именно геополитическое влияние КНР на Азиатско-Тихоокеанский регион, а также особенности военной политики и военного строительства Китайской Народной Республики;

2) рассмотреть доктринальные документы Соединённых Штатов на предмет особенностей военного строительства США, военной политики этой страны в отношении Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

3) рассмотреть практическую реализацию вышеупомянутых особенностей военной политики США при администрациях Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа и действующей администрации Дж. Байдена.

5. Географические рамки исследования охватывают Соединённые Штаты Америки, Китайскую Народную Республику, а также страны Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, Австралию, Океанию, акваторию Тихого океана (за исключением территорий, прилегающих к Северной и Южной Америке), а также Восточную часть Индийского Океана. Исследование американской политики в отношении Китая было бы неполным без рассмотрения взаимодействия с союзниками и партнёрами США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также с Индией. Географические рамки данного исследования примерно соответствуют зоне ответственности Индо-Тихоокеанского командования США.

6. Хронологические рамки исследования включают в себя период с начала президентства Дж. Буша-мл. до начала первого срока пребывания у власти Дж. Байдена (2000-2022 гг.). Хронологические рамки обусловлены тем, что начало XXI века стало переломным моментом, во многом определившим современные американо-китайские отношения и, в значительной степени, международные отношения в целом. Соединённые Штаты осознали свою уязвимость, а также пределы своих военных возможностей, как «единственной сверхдержавы». В Китае же начали приносить существенные плоды элементы политики «реформ и открытости», причём непосредственно в плане усиления геополитического влияния КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Дальнейшему развитию этих процессов способствовало принятие Китая в ВТО в 2002 году. При администрации

Трампа же был подведён своеобразный итог американской политики взаимодействия с Китаем и попыток США и их союзников встроить Китай в мировую систему в надежде получить до некоторой степени управляемое государство. На официальном уровне в США было декларировано, что противоречия между двумя государствами настолько сильны, что свою политику в отношении КНР, в том числе и военную, США отныне будут строить исходя из этого факта.

7. В данном исследовании был использован комплекс методов. При подготовке диссертации были применены политологические методы, такие как сравнительно-политологический метод для сравнения различных периодов развития военной политики США в отношении Китая. Для исследования доктринальных документов, выступлений государственных деятелей материалов, касающихся практической реализации военной политики США в АТР, а также американского и китайского военного строительства были применены методы анализа и синтеза, а также индукции и дедукции. Для исследования выступлений политических деятелей, был применён такой метод исследования коммуникации, как дискурс-анализ.

Так как работа затрагивает рассмотрение истории определённых аспектов международных отношений и внутривнутриполитических процессов, в ней были использованы исторические методы. Для изложения исторических фактов использовался нарративный и историко-описательный метод. Сопоставление различных элементов исторического нарратива осуществлялось за счёт историко-сравнительного метода. В ходе исследования были выделены различные временные периоды в развитии исследуемой проблемы – при помощи метода исторической периодизации.

8. Источники и литературу, использованные при написании работы, можно подразделить на несколько групп:

Законодательные акты Соединённых Штатов Америки. Прежде всего, речь идёт о бюджетном законодательстве, а именно о Законах на оборонные

ассигнования. Кроме того, были использованы законодательные акты, связанные с политикой США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, такие как закон «О посещении Тайваня» или *Asia Reassurance Initiative Act*.

Доктринальные и другие официальные документы Соединённых Штатов Америки и КНР. Сюда относятся официальные директивные документы, касающиеся обеспечения национальной безопасности США, опубликованные за рассматриваемый период. Это Стратегии национальной безопасности, национальные оборонные стратегии, четырёхлетние обзоры в области обороны, документы касающиеся стратегии обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, были рассмотрены ежегодные доклады Министерства обороны Конгрессу о военной мощи КНР.

Выступления официальных лиц. При подготовке работы были использованы выступления высокопоставленных должностных лиц США, сделанные как на территории США, так и во время официальных зарубежных визитов, а также выступлений на международных форумах. Сюда же относятся выступления на слушаниях в Конгрессе США.

Публикации должностных лиц в средствах массовой информации. Имеются в виду программные статьи действующих должностных лиц США в крупных СМИ, таких как *Foreign Affairs*, *Foreign Policy*, *New York Times* и *Washington Post*, посвящённые рассматриваемой проблеме и имевшие целью донести подход администрации к выстраиванию политической линии до широкой международной аудитории.

Научные статьи и монографии, посвящённые исследуемой проблеме. Были использованы работы, посвящённые военной политике США в отношении Китая, китайскому военному строительству, развитию вооружённых сил США. Авторами большинства работ выступали американские и отечественные исследователи, а также японские эксперты из Национального института оборонных исследований.

Материалы средств массовой информации. Прежде всего имеются в виду материалы новостных СМИ из интернет-ресурсов, написанные журналистами этих изданий.

9. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что рассмотрение военной политики США в отношении Китая впервые в отечественной науке осуществляется в контексте подробного анализа военной и внешней политики КНР, а также общих особенностей военного строительства США. Исследование данной проблемы в широком контексте позволяет выявить неявные закономерности, связанные с рассматриваемой проблемой, а также произвести анализ данной проблемы на основании учёта большого количества факторов.

10. Степень достоверности исследования.

Достоверность исследования обеспечивается за счёт обращения к широкому кругу официальных источников, содержащих значительный объём фактологического материала, а также к многочисленным экспертным оценкам.

11. Практическая значимость исследования

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты можно использовать для подготовки рекомендаций государственным органам Российской Федерации по формированию внешнеполитического курса и военного планирования страны. Также работу можно использовать в учебных планах по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология».

12. Выводы исследования, выносимые на защиту.

1) Фундаментом военного потенциала Китая является его экономический потенциал и научно-технические достижения;

2) Цель наращивания военного потенциала Китая – не только усиление своего влияния, но и защита от реальных угроз его безопасности;

3) Китай стремится усилить своё влияние на Азиатско-Тихоокеанской регион и мировую политику в целом, чем представляет угрозу глобальному лидерству США;

4) Западная часть Тихого океана и Тайваньский пролив – наиболее вероятные районы американо-китайского вооружённого конфликта;

5) США обладают решающим военным преимуществом перед китайскими вооружёнными силами, которое со временем сокращается;

6) Одним из ключевых элементов военной политики США в отношении КНР является недопущение военно-технического паритета;

7) Одной из движущих сил военной политики США в отношении КНР является невозможность допустить доминирования одной державы в каком-либо регионе мира, тем более, в таком существенном, как Азия;

8) Одной из неотъемлемых частей военной политики США в начале XXI века является привлечение к военному сотрудничеству союзников в АТР, как в двухстороннем, так и в коллективном форматах, в целях сдерживания распространения влияния КНР;

9) Несмотря на наличие значительного потенциала и опыта сотрудничества двух стран в области безопасности, между ними нарастает конфликтность с потенциалом роста в краткосрочной перспективе;

10) Развитие военного потенциала КНР играет серьёзную, но не определяющую роль в военной политике США.

13. Апробация результатов исследования.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. Г.А. Арбатова. Положения диссертации были представлены на ряде научных конференций, в том числе международных, при участии ведущих экспертов в сфере международной безопасности и региональных исследований. По теме исследования опубликованы научные статьи в журналах, рекомендованных

Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных работ⁷¹.

Глава 1. Контекстуальные особенности изучения военной политики США в отношении Китая

1.1. Разграничение основных теоретических понятий в контексте исследования военной политики США

Рассматривая вопрос о военной политике Соединённых Штатов, одному из географических аспектов которой посвящена данная работа, представляется необходимым остановиться на рассмотрении самого понятия военной политики и установить его сходство и различие с близкими по значению понятиями «внешняя политика», «политика в области безопасности» и «большая стратегия», а также выделить различия в американской и отечественной интерпретации этих понятий.

Обнаружить определение внешней политики в официальных доктринальных документах США довольно трудно. Как правило, она либо отождествляется со стратегией национальной безопасности, либо (или одновременно с этим) сводится к перечислению её основных целей и направлений. Так, в частности, происходит в Стратегии национальной безопасности администрации У. Клинтона 2000 года, где основными целями внешней политики заявляются повышение внутренней и внешней безопасности, улучшение благосостояния и продвижение демократии и прав человека⁷². В учебном пособии «Внешняя политика США: структура и

⁷¹ Степанов А.С. Отношения в треугольнике Россия-США-Китай в контексте современного состояния системы международных отношений // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760008365-8-1/> (26.08.2022); Степанов А.С. Перспективы военной политики США в отношении Китая при администрации Дональда Трампа // Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760004917-5-1/> (26.08.2022); Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s2070547600016496-2-1/> (26.08.2022); Степанов А.С. Ядерная политика Китая и контроль над вооружениями // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760008216-4-1/> (26.08.2022); Степанов А.С. Океания, Австралия и Новая Зеландия в контексте американо-китайского соперничества // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. №12. С. 62-71; Степанов А.С. Наращивание ядерного арсенала Китая: возможные причины и последствия // Россия и Америка в XXI веке, 2021, № S1; Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США-КНР // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. №9. С. 89-105; Степанов А.С. Политика США в Юго-Восточной Азии от Б. Обамы до Дж. Байдена // США & Канада: экономика, политика, культура, 2022, №8, с. 90-101.

⁷² A National Security Strategy For A New Century. The White House. December 2000. P. 5. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf?ver=vuu1vGIkFVV1HusDPL21Aw%3D%3D> (26.08.2022)

процесс» внешняя политика определяется, как «цели, которые государственные должностные лица стремятся достичь за границей, ценности, порождающие эти цели, а также средства или инструменты, используемые для их достижения»⁷³. Целями внешней политики США называются: защита американских граждан на территории США и за её пределами; обеспечение доступа США к ключевым мировым ресурсам и рынкам; поддержание выгодного США баланса сил в мире; защита прав человека и демократии⁷⁴. В российских учебных пособиях встречаются следующие определения: «совокупность действий государства и его институтов за пределами своей суверенной территории для реализации национальных интересов»; «воплощение на практике специализированным внешнеполитическим ведомством страны его [государства – прим. автора] целей и интересов во взаимоотношениях с другими государственными субъектами, международными организациями и т.д.»; «деятельность государства на международной арене, регулирующая отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, зарубежными партиями и иными общественными организациями, всемирными и региональными международными организациями»⁷⁵.

Термин «военная политика» в самом общем смысле представляет собой действия государства, направленные на обеспечение физической безопасности граждан и интересов страны от военной угрозы, а также использование военной силы для обеспечения национальных интересов страны. В доктринальных документах США военная стратегия определяется как использование вооружённых сил для защиты и продвижения национальных интересов страны. В наиболее общем виде цели военной политики США были сформулированы в Четырёхлетнем обзоре в области обороны 2001 г.: «предоставление гарантий безопасности союзникам и партнёрам; предотвращение военного соперничества в

⁷³ Wittkopf E., Jones C., Kegley Ch. American Foreign Policy: Pattern and Process. Belmont, Thomson Wadsworth, 2008. P. 556.

⁷⁴ American Government. Module 17: Foreign Policy. Defining Foreign Policy [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://courses.lumenlearning.com/amgovernment/chapter/defining-foreign-policy/#return-footnote-126-1> (15.01.2022)

⁷⁵ Хайруллин Э.Р. К вопросу об определении внешней политики // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №3. С. 50.

будущем; сдерживание угроз национальным интересам США; нанесение поражения противнику в случае неудачи сдерживания»⁷⁶.

Согласно Словарю военных и смежных терминов Министерства обороны США, национальная безопасность – это «собираательный термин, охватывающий как национальную оборону, так и внешнюю политику Соединённых Штатов с целью достижения: а) военного преимущества перед иностранным государством или группой государств; б) благоприятной внешнеполитической обстановки или в) оборонная стратегия, позволяющая успешно противостоять явным или скрытым враждебным или разрушительным действиям изнутри страны или извне»⁷⁷.

В западной историко-политической традиции присутствует несвойственное для России понятие, описывающее как внешнеполитическую, так и военную составляющую государственной политики под названием «большая стратегия» (grand strategy).

В нынешнем виде понятие возникло в начале XX века, чему способствовало развитие промышленности, идеологии, а также военного дела. Среди современных мыслителей можно выделить определение П. Кеннеди, согласно которому «Суть «большой стратегии» состоит в «способности руководителей государства объединить как военные, так и невоенные ресурсы для сохранения и укрепления долгосрочных интересов страны»⁷⁸. По словам Б. Позена, «Большая стратегия – это представление национального государства о производстве собственной безопасности»⁷⁹. Дж. Л. Гэддис определяет «большую стратегию» как управление ограниченными ресурсами для достижения долговременных целей государства. По определению Х. Брэндса, «большая стратегия» – это умозрительная архитектура

⁷⁶ Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. September 2001. P. 11. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2001.pdf?ver=AFts7axkH2zWUHncRd8yUg%3d%3d> (26.08.2022)

⁷⁷ DOD Dictionary of Military and Associated Terms. As of November 2021. P. 150. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://irp.fas.org/doddir/dod/dictionary.pdf> (26.08.2022)

⁷⁸ Grand Strategies in War and Peace // Ed. by P. Kennedy. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. P. 5. Цит. по: Lissner R. What Is Grand Strategy? Sweeping a Conceptual Minefield // Texas National Security Review. 2018. No. 1. P. 55.

⁷⁹ Posen B. Restraint: a New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca, Cornell University Press, 2014. P. 1.

внешней политики и подхода к международным отношениям⁸⁰. Несмотря на то, что слово «стратегия» имеет военное происхождение, понятие «большая стратегия» отличается от военной стратегии и её практического воплощения – военной политики, тем, что оно оперирует не только военными инструментами. «Большая стратегия» не может быть сведена и к внешней политике, поскольку к первой можно отнести только ключевые внешнеполитические решения, имеющие долгосрочные последствия. В отличие от внешней политики понятие «большая стратегия» всегда сопряжено с соперничеством. Экономика также важна для осуществления «большой стратегии» как средство её финансирования.

Наиболее классический вариант «большой стратегии» для США – это сдерживание Советского Союза, начатое при Трумэне и Эйзенхауэре, одним из главных идеологов которой являлся Джордж Кеннан. С тех пор в отношении основных внешнеполитических оппонентов США стратегии различались только в плане используемых средств, но не целей.

Согласно военно-энциклопедическому словарю Министерства обороны РФ, военная политика представляет собой «совокупность действий и мер органов власти, институтов и структур государства по предотвращению войны, военно-политических кризисов и вооружённых конфликтов, сдерживанию агрессии, отражению вооружённых нападений и разгрому агрессора, организации военного строительства и подготовки вооружённых сил, населения и экономики страны к защите её национальных интересов»⁸¹.

В Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. под национальной безопасностью понимается «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана

⁸⁰ Brands H. What Good Is Grand Strategy?: Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush. New York: Cornell University Press, 2014.

⁸¹ Политика военная // Военный энциклопедический словарь. Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14609@morfDictionary> (26.08.2022)

суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»⁸². Обеспечением национальной безопасности называется «реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности».

Как видно из вышесказанного, военная политика имеет тесную связь с политикой обеспечения национальной безопасности. Часть военной политики – это обеспечение национальной безопасности военными средствами. Одновременно с появлением нетрадиционных функций государства, обеспечение национальной безопасности стало сводиться не только к защите от государственных и негосударственных субъектов международных отношений, но и от таких угроз, как миграционные потоки, инфекционные заболевания и изменение климата.

На формирование военной политики оказывает влияние целый ряд внутриполитических и внешнеполитических факторов. В частности, экономика и экономическая политика страны служит фундаментом как военной, так и внешней политики в целом. Обеспечение экономической мощи США является одной из основных целей как внешней, так и внутренней политики страны. Большое влияние на военную политику США оказала глобализация, которая привела, в частности, к подъёму стран с высокой численностью населения и низким уровнем подушевого ВВП, которые начали теснить экономически развитые страны в сферах мировой экономики, где те традиционно доминировали. Самым ярким примером такого подъёма является экономический рост Китая. В частности, многие отрасли промышленности, традиционно развитые в США, не выдержали конкуренции извне и вынуждены были переместить производство. Одним из следствий глобализации стал и финансово-экономический кризис 2008 года.

⁸² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (26.08.2022)

Влияние на претворение в жизнь военной политики также оказывают присущие ей особенности. Прежде всего, речь идёт о высоких ставках, то есть о высоких рисках и высоком приоритете целей и задач военной политики, поскольку главными целями являются обеспечение военной безопасности государства и физической безопасности его граждан. Во-вторых, главным объектом военной политики являются иностранные государства, знания о которых как правило ниже уровня информированности лиц, принимающих решения во внутренней политике. В-третьих, в отличие от внутренней политики, государство имеет весьма ограниченные инструменты контроля над тем, что происходит за рубежом. В-четвёртых, из иностранных государств главными объектами военной политики являются недружественные государства, поэтому её формирование происходит в обстановке недоверия и подозрений. Всё вышеперечисленное, в свою очередь, заставляет лиц, принимающих военно-политические решения, в первую очередь рассматривать наиболее пессимистические варианты развития событий и страховаться от наихудших возможных последствий. Это может привести к преувеличению существующих военных угроз и к затратам сверх необходимого, а также спровоцировать страну-оппонента на ответные действия. Подготовленность к наихудшим сценариям, однако, не означает готовности противостоять менее опасным вариантам развития событий. Осуществление военной политики является весьма дорогостоящим мероприятием, что накладывает экономические ограничения на деятельность в этом направлении. Военная политика и политика обеспечения национальной безопасности зачастую связаны с понятием жизненно-важных интересов. В наиболее общем смысле, такими интересами являются те, по которым государство не готово идти на компромиссы и в случае их ущемления другим государством готово применять военную силу⁸³.

Большое влияние на внешнюю и военную политику США оказывает её политическая культура. Так, основные идеологические позиции, которых придерживаются современные американские политики, можно отследить в

⁸³ Drew D., Snow D. Making Strategy: An Introduction to National Security Processes and Problems. Air University Press, 1988. P. 28.

американской истории, например изоляционизм (Дж. Вашингтон, Дж. К. Адамс), экономическая открытость (А. Гамильтон), популизм (Э. Джексон) и т.д.

1.2. Государственные субъекты, ответственные за проведение военной политики США

Ключевую роль в осуществлении военной политики США играет президент, наделённый по Конституции полномочиями верховного главнокомандующего, а также главы исполнительной власти. Согласно Конституции, он также имеет право заключать договоры с иностранными государствами, а также назначать и смещать должностных лиц со своих постов. Согласно закону «О контроле над экспортом вооружений» (Arms Export Control Act) 1976 г., президент США имеет право контролировать экспорт и импорт товаров и услуг оборонного назначения. Несмотря на то что правом объявления войны обладает Конгресс, президент может инициировать проведение ограниченных военных операций. Напомним, что военные операции США в Корее, Вьетнаме, Ираке и Афганистане осуществлялись без формального объявления войны. Однако согласно закону «О военных полномочиях» (War Powers Act) 1973 г. президент обязан в течение 48 часов проинформировать Конгресс о любых военных операциях с участием ВС США. Также запрещается использовать вооружённые силы за рубежом без одобрения Конгресса в течение более 60 дней (без учёта 30 дней на вывод войск). Кроме того, для заключения международных договоров президенту необходима поддержка двух третей Сената, а большинство назначений должностных лиц должно быть им же одобрено, за исключением членов администрации. Президент и его администрация традиционно стремится как можно больше ограничить влияние Конгресса на принятие военно-политических решений. Однако Конгресс посредством законодательной власти может оказывать влияние на разработку и имплементацию военно-политических решений. Это осуществляется за счёт функции утверждения бюджета на те или иные проекты («власть кошелька»), проведения слушаний и консультаций с участием представителей исполнительной власти, а также возможности направлять делегации Конгресса в различные страны

мира. Министерство обороны, Объединённый комитет начальников штабов и Совет по национальной безопасности при президенте США также играют важную роль при формировании военной политики. Кадровые военные зачастую являются консультантами и их роль в принятии военно-политических решений очень важна. Министерство обороны осуществляет не только военную, но и дипломатическую, информационную и экономическую деятельность. Эта концепция носит название DIME. Дипломатическая деятельность, в частности, осуществляется всякий раз, когда представители Министерства обороны встречаются с представителями иностранных государств, например, при обсуждении взаимодействия с союзниками или при подписании военных соглашений.

С.М. Самуйлов выделяет три ключевых элемента структуры Совета национальной безопасности: совет безопасности как вневедомственный внешнеполитический орган, специальные комитеты СНБ и его аппарат, подчиняющийся непосредственно помощнику президента по национальной безопасности⁸⁴. Постоянными членами Совета национальной безопасности являются президент США, вице-президент, госсекретарь, министры обороны и энергетики, председатель ОКНШ и Директор национальной разведки. Кроме того, на момент начала 2000-х участие в заседаниях совета принимали руководитель аппарата Белого дома, юридический советник президента и его помощники по внутренней безопасности и экономической политике⁸⁵. В дополнение к постоянным членам совета президент по своему усмотрению может назначить и дополнительных. Сам помощник президента по национальной безопасности по закону исполняет функции секретаря СНБ и формулирует повестку дня Совета совместно с его постоянными членами, готовит необходимые материалы и доводит до его членов решения президента. В число обязанностей помощника на практике входит также донесение до президента и членов совета необходимой информации по рассматриваемым проблемам и текущему процессу принятия релевантных

⁸⁴ Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. М., ИСКРАН, 2013. С. 69.

⁸⁵ Там же.

политических решений, анализ политико-правовых аспектов, связанных с рассматриваемыми темами⁸⁶. С.М. Самуйлов отмечает, что помощник по национальной безопасности обычно стремится к тому, чтобы как можно большее число вопросов было решено на низовом уровне, без вовлечения президента⁸⁷. Аппарат совета имеет, в основном, коммуникационные и организаторские функции. Совет национальной безопасности выступает своего рода вневедомственным арбитром, призванным разбирать спорные и конфликтные ситуации между другими элементами внешнеполитического механизма США⁸⁸.

Кроме того, влияние на внешнюю, военную (как и любую другую) политику США оказывают так называемые группы влияния или группы интересов, количество которых в США исчисляется тысячами. Многие из них заинтересованы в продвижении своих интересов в таких областях, как дипломатические и торговые отношения с теми или иными странами, военные закупки и даже контроль над вооружениями. Одними из наиболее значимых «групп влияния» можно считать научно-исследовательские центры в области практической политики или «мозговые центры», а также производителей как военной, так и гражданской продукции. В эту же категорию можно отнести лидеров общественного мнения, отставных военных и политиков, журналистов, владельцев компаний, ведущих дела за пределами США.

При этом нужно отметить, что все рассматриваемые нами понятия, хотя и касаются в первую очередь внешней деятельности государства, являются продолжением внутренней политики.

1.3. Фактор Конгресса в формировании американо-китайских отношений

Цель и задачи настоящего исследования предполагают изучение военной политики США в контексте инициатив, предпринимаемых в первую очередь исполнительной ветвью власти. Фактор законодательной власти выносится за

⁸⁶ Там же. С. 70.

⁸⁷ Там же. С. 71.

⁸⁸ Там же. С. 81.

скобки исследования, однако считаем необходимым указать на роль Конгресса в выстраивании двухсторонних отношений. Она связана в значительной степени с бюджетными вопросами, которые затронуты при анализе особенностей подхода той или иной администрации. Также важным аспектом двухсторонних отношений, в том числе в военной сфере, являются законодательные инициативы Конгресса США, оказывающие влияние на американо-китайские отношения.

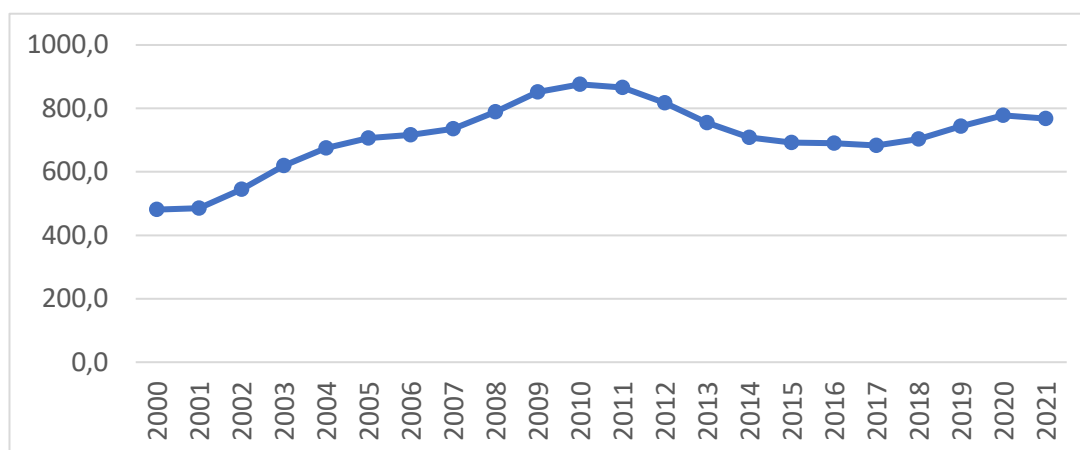
Конституция США наделяет Конгресс так называемой «властью кошелька». Это означает, что государственные средства могут выделяться на те или иные цели только посредством ассигнования со стороны законодательного органа. Решение о выделении финансирования является ответом на бюджетный запрос президента на соответствующий финансовый год, начинающийся в США с 1 октября. Анализом и аудитом бюджетного запроса президента занимается Бюджетное управление Конгресса (БУК). Рассмотрением вопросов выделения финансирования занимаются комитеты по ассигнованиям в обеих палатах Конгресса и подкомитеты, занимающиеся соответствующими сферами. Финансирование деятельности, связанной с военной политикой, осуществляется посредством законодательных актов, таких как закон «Об ассигнованиях на национальную оборону» (National Defense Authorization Act, NDAA). Принимается данный закон по стандартной для Конгресса схеме. В комитетах по ассигнованиям проходят слушания по вопросам бюджета, затем в результате дебатов в этих же комитетах составляется предварительный вариант законопроекта, который выносится на обсуждение в Палате представителей. Если палата принимает его большинством голосов, законопроект передаётся в Сенат, где также обсуждается в комитетах. Во время всех обсуждений в законопроект могут вноситься поправки. После согласования сенатского варианта законопроекта созывается согласительная конференция представителей обеих палат, где вырабатывается единый вариант законопроекта. После утверждения этого варианта обеими палатами, документ отправляется на подпись президенту⁸⁹. Закон об оборонных ассигнованиях

⁸⁹ См. Самуйлов С.М. Указ. соч. С. 255.

представляет собой руководство относительно того, как именно федеральные ведомства (Министерство обороны, Министерство энергетики и другие) должны расходовать выделенные Конгрессом средства. Именно в этом законе говорится о продлении или прекращении финансирования тех или иных государственных программ, а также о выделении средств на новые.

Некоторые положения закона затрагивают Китай напрямую. Так в §891 закона «Об ассигнованиях» на 2018 фин. г. Министерству обороны запрещалось приобретать телекоммуникационное оборудование у компаний Huawei и ZTE, связанных с китайскими государственными структурами. Одна из поправок к закону за тот же год, предложенная Палатой Представителей, состояла в наращивании информационных операций и противодействии пропаганде со стороны Китая и Северной Кореи.

Диаграмма 1. Оборонные расходы США 2000-2021 гг., в пост. долл. (2020)

Составлено автором по SIPRI Military Expenditure Database [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://milex.sipri.org/sipri> (20.08.2022)

Основная причина таких значительных расходов на оборону – глобальное военное присутствие США, сопряжённое с необходимостью проецирования военной силы на расстоянии, способностью к которому является одним из главных составляющих систем союзов во главе с США как в Европе, так и в Азии. Главными элементами обеспечения этой возможности являются т.н. базы передового присутствия и военно-морские силы, на поддержание которых ежегодно

выделяются значительные средства. Однако эти силы и средства обладают уязвимостью перед средствами т.н. ограничения доступа/блокирования зоны, под которыми подразумевается прежде всего ракетное вооружение (крылатые и баллистические ракеты), подводные лодки и бомбардировочная авиация. Развитие таких возможностей у Китая провоцирует более активное финансирование средств преодоления таких возможностей, прежде всего ударного вооружения дальнего радиуса действия, беспилотных аппаратов, усовершенствованных подводных лодок, средств радиоэлектронной борьбы и др. Так, в бюджетном запросе администрации Обамы на 2012 фин. г. 4,8 млрд долл. запрашивалось на разработку и развитие беспилотных летательных аппаратов. В рамках концепции военного строительства США под названием «Третья стратегия компенсации» предполагалось отдавать приоритетную роль развитию таких направлений, как управляемые боеприпасы, средства ведения подводной войны, радиоэлектронной борьбы, средств разведки и наблюдения, ведения войны в киберпространстве, а также человеко-машинное взаимодействие. Предполагалось, что США должны иметь возможность противостоять наиболее технологически развитым потенциальным противникам, используя обычные вооружения и при наличии численного преимущества у противника. Упор при этом делался на инновации, модернизацию оборудования и организации вооружённых сил и новые оперативные концепции применения ВС.

Теперь рассмотрим вопросы финансирования конкретных программ. В области противоракетной обороны в 2010 году министр обороны Р. Гейтс предложил реструктуризацию программы ПРО с тем, чтобы сместить внимание в сторону противостояния угрозам со стороны стран-изгоев и укрепления потенциала ПРО ТВД, а также улучшения существующего потенциала ПРО дальнего радиуса действия⁹⁰. В частности, предлагалось увеличить финансирование на развёртывание большего количества систем «ТХААД» (*THAAD*). Одновременно с этим предлагалось сокращение общего объёма

⁹⁰ Towell P. Defense: FY2010 Authorization and Appropriations. Washington DC: Congressional Research Service, 2010. p. 39

финансирования программ ПРО. В связи с этим группа сенаторов в составе Дж. Либермана, Дж. Кила, Л. Мурковски, М. Бегича, Дж. Сешнса и Дж. Инхофа направили министру обороны письмо, в котором говорилось, что сокращение финансирования подорвёт способность США защищаться от растущих угроз. В ответ Р. Гейтс выразил надежду на то, что сенаторов удастся переубедить⁹¹. В итоге в версии NDAA, прошедшей Палату представителей и Сенат количество ракет-перехватчиков GBI, размещённых на Аляске и в Калифорнии было решено ограничить 30 единицами в отличие от планируемых 42. Одновременно с этим было решено выделить дополнительно 20 млн долларов для возможной закупки компонентов, необходимых для развёртывания дополнительного числа ракет-перехватчиков⁹². В другие годы Конгресс увеличивал финансирование на наращивание числа и ускоренное производство ракет SM-3, радаров AN/TPY-2, которые могут использоваться в том числе и в комплексах «ТХААД», одобрял увеличение финансирования на закупку кораблей, оснащённых БИУС «Иджис» Aegis⁹³. При президентстве Дж. Байдена началось ускорение развития американской ПРО ТВД на Тихом океане, явно направленной против угроз со стороны КНР. Речь идёт о таких проектах, как размещение средств защиты на о. Гуам и размещении радара дальнего радиуса действия на Гавайях. Конгресс выделял на эти цели средства в соответствии с запросом или изменяя его в сторону увеличения.

Что касается систем быстрого глобального удара (БГУ), вызывающих серьёзную обеспокоенность в Китае, то Конгресс сначала урезал запрос президента в связи с недостаточностью данных об организации программы и разрабатываемых вариантах её технического исполнения⁹⁴, а с 2019 фин. г. стал значительно увеличивать средства по сравнению с запросом⁹⁵.

⁹¹ Ibid. P. 41.

⁹² Ibid. P. 45.

⁹³ Ibid. P. 38.

⁹⁴ Ibid. P. 357.

⁹⁵ Towell P. FY2019 Defense Appropriations Act (P.L. 115-245). Washington DC: Congressional Research Service, 2019. p. 11

Что касается финансирования военно-морских программ, то при администрации Б. Обамы представители комитетов по закупкам как Палаты представителей, так и Сената выражали недовольство тем, что запрос администрации на постройку новых военных кораблей недостаточен для поддержания числа кораблей в 313 единиц, что в те времена было целевым показателем МО (в среднем запрашивались средства на постройку 8 кораблей в год, а для поддержания целевого показателя с учётом истечения срока службы некоторых из них требовалось в среднем 10 кораблей в год)⁹⁶. В результате финансирование судостроения увеличивалось Конгрессом, к примеру, на 2010 фин. г. на 1,2 млрд долл.⁹⁷. Однако в том же году, в целях экономии средств было решено закупить 3 вместо 7 эсминцев типа «Замволт», а также возобновить закупки более старых эсминцев класса «Арли Бёрк»⁹⁸. Запросы президента на закупку подводных лодок класса «Вирджиния» и НИКОР в этой сфере также увеличивались Конгрессом в среднем на 100 и более млн долл. при Б. Обаме и до 5 млрд долл. — при Д. Трампе. В 2016 г. ВМС США установили новый целевой показатель в 355 кораблей. С 2010 фин. г. Конгресс начал финансирование НИОКР, направленных на создание нового поколения ПЛАРБ на смену существующим ПЛАРБ типа «Огайо» (проект SSBN (X)). Первую подлодку такого типа планировалось закупить в 2019 фин. г. Однако высокая стоимость производства данных подлодок ставила под угрозу планы по закупкам кораблей других типов, в том числе надводных, что вызвало обеспокоенность Комитета по вооружённым силам палаты представителей⁹⁹. В результате ВМФ США был вынужден снизить расчётную стоимость новой подводной лодки с 7 до 4,5 млрд долл. за единицу¹⁰⁰. После прихода к власти администрации Д. Трампа расходы на разработку и закупку подлодки стали авторизовываться в полном объёме¹⁰¹. В то же время известны

⁹⁶ См. напр. O'Rourke R. Navy Force Structure and Shipbuilding Plans: Background and Issues for Congress. Washington DC: Congressional Research Service, 2022.

⁹⁷ Towell, P. 2010. Defense: FY2010 Authorization and Appropriations. P. 62

⁹⁸ Ibid. P. 47.

⁹⁹ O'Rourke R. Navy SSBN (X) Ballistic Missile Submarine Program: Background and Issues for Congress. Washington DC: Congressional Research Service, 2010.

¹⁰⁰ Towell P. Defense: FY2012 Budget Request, Authorization and Appropriations. Washington DC: Congressional Research Service, 2012. P. 48

¹⁰¹ Towell P. FY2018 National Defense Authorization Act. Washington DC: Congressional Research Service, 2018. P. 20

случаи выделения дополнительных средств на закупку уже имеющихся на вооружении субмарин и на увеличение их боекомплекта (пример с подлолками типа «Вирджиния» - закон «Об оборонных ассигнованиях» на 2014 фин. г.¹⁰²).

Финансирование беспилотных систем изначально предполагалось для использования их на Ближнем Востоке. Оно значительно возросло ещё при администрации Дж. Буша-мл. с 284 млн долл. в 2000 фин. г. до 2,5 млрд долл. в 2008 фин. г.¹⁰³. А их число возросло в 167 в 2002 г. до более 6000 в 2008-м. Окончательные версии законов об ассигнованиях в целом не содержали значительных изменений по сравнению с запросами администрации. В 2012 фин. г. Конгресс одобрил финансирование ряда БПЛА авианосного базирования: разведывательно-ударного беспилотного летательного аппарата (UCLASS), системы авианосных БПЛА UCAS и перспективного беспилотного бомбардировщика FCUSS¹⁰⁴. Все они обладают дальним радиусом действия и могут использоваться в разведывательных целях. Финансирование беспилотных летательных аппаратов, за редкими исключениями, либо соответствовало запросам администрации, либо изменялось в сторону увеличения. Хуже обстояли дела с финансированием беспилотных подводных аппаратов, так в 2014 фин. г. Сенат отказал в выделении 59 млрд долл. на установку на подлодки класса «Вирджиния» специальных модулей, в которых могли бы размещаться подобные устройства¹⁰⁵. Активное выделение Конгрессом средств на закупку подводных и надводных беспилотных аппаратов началось в 2020 фин. г., при этом объём финансирования, одобренный Конгрессом, был снижен по сравнению с запросом примерно на треть¹⁰⁶.

При администрации Б. Обамы началась масштабная волна модернизации ядерной триады США. Конгресс выделял средства на модернизацию

¹⁰² Towell P., Belasco A. Defense: FY 2014 Authorization and Appropriations. Washington DC: Congressional Research Service, 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fas.org/sgp/crs/natsec/R43323.pdf> (20.08.2014)

¹⁰³ Department of Defense, Quadrennial Roles and Missions Review Report. Washington DC: Department of Defense, 2009, p. 25

¹⁰⁴ Towell P. Defense: FY2012 Budget Request, Authorization and Appropriations. P. 35

¹⁰⁵ Towell P., Belasco A. 2014. Defense: FY2014 Authorization and Appropriations. P. 61

¹⁰⁶ Towell P. FY2020 National Defense Authorization Act: P.L. 116-92 (H.R. 2500, S. 1790). Washington DC: Congressional Research Service. P. 19

существующих бомбардировщиков В-1, В-2, В-52. В 2012 фин. г. Конгресс одобрил выделение средств на разработку нового бомбардировщика дальнего радиуса действия. Кроме того, были удовлетворены запросы администрации по модернизации БРПЛ «Трайдент-2» (*Trident II*) и разработку ракеты воздушного базирования LRSO. В ряде случаев имело место сокращение финансирования по сравнению с бюджетным запросом. При администрации Д. Трампа Конгресс выделял финансирование на новую МБР наземного базирования, которыми в 2029 г. планируется начать замену имеющихся на вооружении «Минитмен-3» (*Minuteman III - Ground-Based Strategic Deterrent (GBSD)*). С 2019 фин. г. Конгресс выделял средства (максимально 65 млн долл. в 2019 фин. г.) на оснащение неутонченного количества БРПЛ «Трайдент-2» ядерными боеголовками малой мощности. Однако данное положение вызывало активные дебаты. В 2020 фин. г. законопроект в редакции Палаты представителей даже включал в себя положение о запрете выделения каких-либо средств на эти цели¹⁰⁷. Однако в итоговый вариант законопроекта это положение не вошло.

Что касается гиперзвукового оружия (систем доставки боеприпасов, которые могут перемещаться со скоростью в 5 раз и более превышающей скорость звука и способные маневрировать на большей части траектории полёта), его разработка была названа одним из главных приоритетов МО в запросе на 2019 фин. г. и получила поддержку Конгресса. Кроме того, в 2020 фин. г. Конгресс выделил сумму в 3 раза превышающую запрос на разработку средств защиты от такого оружия, а также по своей инициативе выделил 100 млн долл. на создание специального ведомства, которое координировало бы все НИОКР в этой сфере в рамках Министерства обороны¹⁰⁸.

С 2011 фин. г. начинается финансирование закупок дополнительных самолётов радиоэлектронной борьбы EA 18 Growler. Кроме того, зачастую в

¹⁰⁷ Towell, P. FY2020 National Defense Authorization Act: P.L. 116-92 (H.R. 2500, S. 1790). P. 11.

¹⁰⁸ Towell, P. FY2020 Defense Appropriations Act: P.L. 116-93 (H.R. 2968, S. 2474, H.R. 1158). Washington DC: Congressional Research Service, 2020. p. 11

сторону увеличения пересматривались запросы на закупку самолётов палубной авиации F/A-18E/F Super Hornet и конвертопланов V-22 Osprey.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Конгресс обычно склонялся к тому, чтобы полностью финансировать бюджетные программы на основные системы вооружений, за исключением тех, расходы на которые на момент рассмотрения не получили надёжного экономического обоснования, или тех, разработка и закупка которых имеет перспективы растянуться на несколько лет.

Активность американских законодателей по тем или иным политическим вопросам можно проследить по таким формам деятельности, как законодательные инициативы и выступления на слушаниях и дебатах в Конгрессе.

Если говорить о военно-политических аспектах политики США в отношении Китая, можно констатировать, что подавляющее большинство тематических законодательных инициатив и выступлений исходит от представителей Республиканской партии. Эта тенденция прослеживается с начала XXI века. Первая волна роста числа выступлений и законодательных инициатив, касающихся отношений с Китаем прослеживается с начала мирового финансово-экономического кризиса 2008 года, вторая волна – с 2017 года.

Если говорить о персоналиях, то одними из первых, кто начал поднимать в Конгрессе проблему «китайской угрозы» и значимости КНР для США стали

сенаторы Джон Кил¹⁰⁹ и Марк Кирк¹¹⁰, конгрессмены Боб Шэфер¹¹¹ и Стив Чабот. Для времени пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. и ранней администрации Б. Обамы (Конгресс 108-111 созывов) характерно определяющее влияние на китайский дискурс в Конгрессе таких сенаторов, как Линдси Грэм и Джеймс Инхоф, и таких конгрессменов, как Фрэнк Вулф, Дэйна Рорабэйкер, Тим Мёрфи, Линкольн Диас-Баларт и Клифф Стэрнс. Со второй половины пребывания у власти администрации Б. Обамы и по настоящее время можно отметить таких деятелей Конгресса, как сенаторы Марко Рубио, Том Коттон, Джеймс Риш, Рик Скотт, Джош Хоули, представители Энди Барр, Джим Бэнкс, Кристофер Смит, Майк Гэллагер, Ронни Джексон.

Все перечисленные сенаторы и конгрессмены являются представителями Республиканской партии. Одним из немногих демократов, активных в плане законодательных инициатив в области тихоокеанской политики США является сенатор Роберт Менендес.

Одной из особенностей законодательных инициатив со стороны республиканцев является их направленность на ввод запретительных мер и

¹⁰⁹ China's Military Policy. Congressional Record Vol. 147, No. 45. March 30, 2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-147/issue-45/senate-section/article/S3208-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=3> (15.08.2022); Chinese Military's Use of Foreign Technology. Congressional Record Vol. 148, No. 5. January 29, 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-5/senate-section/article/S227-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=5> (15.08.2022); United States-China Relations. Congressional Record Vol. 147, No. 98. July 16, 2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-147/issue-98/senate-section/article/S7713-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=19> (15.08.2022)

¹¹⁰ The Case for a Special Relationship with China. Congressional Record Vol. 150, No. 76. June 3, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-150/issue-76/house-section/article/H3773-3?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=3&r=7> (15.08.2022)

¹¹¹ China's Military Expansion. Congressional Record Vol. 148, No. 29. March 14, 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-29/extensions-of-remarks-section/article/E355-3?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=2> (15.08.2022); China's Ballistic Missile Threat. Congressional Record Vol. 148, No. 148. November 15, 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-148/extensions-of-remarks-section/article/E2061-4?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=20> (15.08.2022)

применение экономических или военных мер: призывы к дипломатическому признанию Тайваня в качестве суверенного государства¹¹²; поддержка Тайваня, в том числе военная¹¹³; пересмотр подхода к отношениям с КНР с упором на военную составляющую¹¹⁴; осуждение политики КНР в отношении Тайваня¹¹⁵ и других стран, таких как Республика Корея¹¹⁶ и Индия¹¹⁷; призывы к другим странам поддерживать эмбарго на поставку вооружений в КНР¹¹⁸; ограничение контактов между военными ведомствами США и Китая¹¹⁹; введение санкций против физических, юридических лиц и государственных ведомств, связанных со строительством искусственных участков суши в Южно-китайском море¹²⁰;

¹¹² H.Con.Res.440 - Expressing the sense of Congress that the United States should resume normal diplomatic relations with the Republic of China on Taiwan, and for other purposes. 108th Congress (2003-2004) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-concurrent-resolution/440?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=3&r=3> (16.08.2022)

¹¹³ S.Res.228 - A resolution supporting measures taken by the Government of Taiwan to deter, or if so compelled, defeat, aggression by the Government of the People's Republic of China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/228?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=23> (16.08.2022)

¹¹⁴ H.Res.616 - Expressing the sense of the House of Representatives regarding United States relations with the People's Republic of China. 112th Congress (2011-2012) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-resolution/616?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=9&r=5> (16.08.2022)

¹¹⁵ S.Res.220 - A resolution to express the concern of the Senate regarding the passage of the anti-secession law by the National People's Congress of the People's Republic of China and Taiwan on an equal footing without preconditions. 109th Congress (2005-2006) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-resolution/220?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=6> (16.08.2022)

¹¹⁶ H.Res.223 - Calling on the People's Republic of China (PRC) to cease its retaliatory measures against the Republic of Korea in response to the deployment of the U.S. Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) to U.S. Forces Korea (USFK), and for other purposes. 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-resolution/223?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=11> (16.08.2022)

¹¹⁷ S.Res.680 - A resolution condemning the People's Republic of China's use of military aggression to change the status quo at the Line of Actual Control between India and China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/680?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=1> (16.08.2022)

¹¹⁸ H.Res.356 - Urging the European Union and its member states to maintain the arms embargo against the People's Republic of China. 112th Congress (2011-2012) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-resolution/356?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=9&r=6> (16.08.2022)

¹¹⁹ H.Res.643 - Calling for further defense against the People's Republic of China's state-sponsored cyber-enabled theft of trade secrets, including by the People's Liberation Army. 113th Congress (2013-2014) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-resolution/643?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=3&r=7> (16.08.2022)

¹²⁰ S.3509 - South China Sea and East China Sea Sanctions Act of 2016. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate->

осуждение действий КНР в Южно-Китайском море¹²¹; пресечение влияния Компартии Китая в США¹²²; запрет закупок у физических и юридических лиц, связанных с китайским ВПК¹²³; выражение представления о Китае, как об угрозе США¹²⁴.

Инициативы же демократов в большей степени содержат: предложения по пересмотру стратегического подхода США в отношении КНР¹²⁵, проекты

[bill/3509?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=1](https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/659?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=1) (16.08.2022); S.659 - South China Sea and East China Sea Sanctions Act of 2017 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/659?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=1> (16.08.2022); S.1634 - South China Sea and East China Sea Sanctions Act of 2019. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1634?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=5> (16.08.2022)

¹²¹ S.Res.103 - A resolution condemning military aggression and use of force by the Chinese Coast Guard against peaceful foreign vessels that purportedly violate the unlawful maritime sovereignty of China. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-resolution/103?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=2> (16.08.2022)

¹²² S.3171 - Countering the Chinese Government and Communist Party's Political Influence Operations Act. 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3171?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=7> (16.08.2022); H.R.6010 - To require an unclassified interagency report on the political influence operations of the Chinese Government and Communist Party with respect to the United States, and for other purposes. 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/6010?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=8> (16.08.2022); H.R.6386 - No CHINA Act. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6386?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=21> (16.08.2022)

¹²³ S.4256 - No Funds to China's Military Act of 2020. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/4256?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=3> (16.08.2022); S.2171 - A bill to prohibit Presidential appointees from subsequently acting on behalf of the Government of the People's Republic of China, the Chinese Communist Party, and Chinese military companies. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/2171?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=1> (16.08.2022)

¹²⁴ H.Con.Res.121 - Recognizing the People's Republic of China as the greatest foreign threat to United States peace, security, and stability. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-concurrent-resolution/121?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=19> (16.08.2022)

¹²⁵ H.Con.Res.121 - Expressing the sense of Congress that the United States Government should conduct a policy review of its relations with the People's Republic of China. 107th Congress (2001-2002) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-concurrent-resolution/121?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=8&r=15> (16.08.2022); H.R.3524 - EAGLE Act. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3524?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=44> (16.08.2022)

сотрудничества (в том числе в сфере контроля над вооружениями)¹²⁶, инициативы с предложениями о проведении исследования ситуации¹²⁷ или различные призывы, в том числе к сдержанности, включая призывы к мирному урегулированию споров в Южно-Китайском море¹²⁸.

Ещё одной группой источников, по которым можно сделать выводы о деятельности Конгресса США, связанной с военной политикой в отношении Китая, являются материалы слушаний. Слушания представляют собой специальные заседания, проводящиеся с целью прояснения каких-либо аспектов рассматриваемых законопроектов, рассмотрения деятельности государственных ведомств, исполнения уже существующих законов и федеральных программ, рассмотрения каких-либо проблем, которые могут потребовать принятия законов в будущем, а также с целью получения мнения компетентных лиц по каким-либо другим вопросам. Таким образом осуществляется, в том числе, контроль законодательной власти США над исполнительной, в частности над исполнением законов федеральными ведомствами¹²⁹. Слушания проводятся в тех или иных комитетах Сената или Палаты представителей, однако возможны и совместные слушания в обеих палатах. Как правило, материалы слушаний находятся в публичном доступе.

Местом проведения слушаний по вопросам военной политики США в отношении Китая чаще всего служат комитеты по иностранным делам и

¹²⁶ S.3010 - U.S.-China Nuclear Cooperation and Nonproliferation Act of 2016. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/3010> (16.08.2022); S.3844 - A bill to require a study conducted by the Secretary of State on the future of arms control with the People's Republic of China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3844?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=9> (16.08.2022)

¹²⁷ H.R.2479 - Assessing China's Presence and Influence in Latin America and the Caribbean Act of 2021. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2479?r=32&s=1> (17.08.2022); S.3844 - A bill to require a study conducted by the Secretary of State on the future of arms control with the People's Republic of China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3844/committees?r=27&s=1> (17.08.2022)

¹²⁸ S.Res.183 - A resolution calling for suspension of construction of artificial land formations on islands, reefs, shoals, and other features of the Spratly Islands and for a peaceful and multilateral resolution to the South China Sea territorial dispute. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-resolution/183?s=1&r=7> (17.08.2022)

¹²⁹ Самуйлов С.М. Указ. соч. С. 253.

вооружённым силами Палаты представителей и Сената. Каждый сенатор или конгрессмен, как правило, входит в состав нескольких комитетов: для конгрессмена это число обычно равно 2-3, для сенатора – 4 и более¹³⁰. Среди подкомитетов можно выделить Подкомитет по делам Восточной Азии и Тихого океана, а также Подкомитет по делам Восточной Азии, Тихого океана и международной политики в области кибербезопасности, входящие в состав Комитета по иностранным делам Сената, а также Подкомитет по Азии и Тихому океану Комитета по иностранным делам Палаты представителей. Вопросы, связанные с китайским проектом «Один пояс – один путь», обсуждались в том числе в Подкомитете по международной торговле, таможне и глобальной конкуренции Комитета по финансам Сената и Подкомитете по Береговой охране и морским перевозкам Комитета по транспорту и инфраструктуре Палаты представителей.

Участников, выступающих на упомянутых слушаниях, можно условно разделить на три группы: члены Конгресса, эксперты из «мозговых центров» и представители исполнительной власти. Главная роль в обсуждении рассматриваемой нами тематики отводится выступлениям представителей экспертного сообщества. Наиболее частыми участниками слушаний становятся исследователи из Центра стратегических и международных исследований (CSIS). Также весьма популярными являются эксперты из Центра новой американской безопасности (CNAS), Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute, AEI*) и Военного колледжа ВМС США (*Naval War College*). Выступающими на слушаниях становились такие эксперты в области международных отношений, как Грэм Эллисон (Кембриджский университет), Элбридж Колби (CNAS), Майкл Пиллсберри (Институт Хадсона), Роберт Опп (Мэрилендский университет); военные эксперты, такие как Рональд О' Рурк (Исследовательская служба Конгресса); специалисты по странам Азии, такие как Ричард Кронин (Центр Стимсона), Майкл Ослин (AEI), Илай Ратнер (CNAS, по

¹³⁰ Самуйлов С.М. Указ. соч. С. 255.

состоянию на 2022 г. – помощник министра обороны США по делам Индо-Тихоокеанского региона), Абрахам Дэнмарк (Центр Вудро Вильсона), китаисты, такие как Элизабет Экономи (Стэнфордский университет) и Дэниел Блюменталь (AEI), специалисты в области китайской военной политики Ориана Мастро (AEI), Бонни Глэйзер (CSIS), Эндрю Эриксон (Naval War College), Дин Чэн (Фонд «Наследие») и многие другие.

Что касается представителей исполнительной власти, неудивительно, что чаще всего на обсуждение исследуемой темы приглашаются чиновники из Министерства обороны и Госдепартамента. К ним относятся сотрудники аппарата министра обороны, например, помощники министра по делам Азии и Тихого океана (в настоящее время – по делам Индо-Тихоокеанского региона), Восточной Азии, Южной и Юго-Восточной Азии и их заместители, помощник министра по вопросам безопасности в Азии и на Тихом океане. Наиболее частые гости из Госдепартамента – помощники госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана (с 2009 по 2013 г. эту должность занимал неоднократно выступавший на слушаниях Курт Кэмпбелл). Кроме того, заслушивались выступления как действующих, так и бывших военных и сотрудников спецслужб. В качестве примера можно привести директора РУМО, действующих и бывших командующих Тихоокеанского (Индо-Тихоокеанского) командования США, Директора по разведке ВВС США и других.

Рассматривая позицию Республиканской и Демократической партии США в отношении Китая, необходимо сначала сказать несколько слов о современном состоянии обеих партий. С начала XXI века они претерпели значительную идеологическую поляризацию. Так, согласно опросам Исследовательского центра Пью, в 1999 г. средний (медианный) представитель Демократической партии придерживался более левых взглядов, чем 64% республиканцев. В 2015 г. этот показатель составлял 92%. В отношении республиканцев можно сказать, что в 1999 г. средний представитель этой партии по своим взглядам был «правее», чем

70% демократов. К 2015 г. этот показатель достиг 94%¹³¹. Это зачастую оказывает парализующий эффект на политическую систему США, поскольку принцип сдержек и противовесов подразумевает достижение компромисса при принятии политических решений. Кроме того, существует мнение, что договороспособность Конгресса снизилась за счёт того, что некоторые конгрессмены, долгое время занимавшие свой пост и способные привлечь голоса за тот или иной законопроект, покинули законодательный орган¹³². В частности, это приводило к таким кризисам, как приостановка работы правительства (шатдаун). Возникали проблемы и в отношении выработки внешнеполитического курса в отношении АТР. В частности, при администрации Обамы, видевшей Транстихоокеанское партнёрство краеугольным камнем своей политики в регионе, доминировавшие в Конгрессе республиканцы не разделяли эту идею, хотя в итоге Конгресс её поддержал. Кроме того, необходимо понимать, что позиции представителей того или иного штата в Конгрессе зависят не от представлений о пользе для страны, а от его личных предпочтений или интересов избирателей, часть из которых может представлять из себя выходцев из стран Азии. Большое влияние на политику США в АТР имеют комитеты по делам видов вооружённых сил, которые составляют проект ежегодных Законов об оборонных ассигнованиях. Традиционно на повестке дня этих комитетов зачастую стоит вопрос противодействия китайской военной мощи.

Консерваторы и республиканцы в американском Конгрессе больше придерживаются идеи соперничества великих держав, главной из которых являются США, этатистского подхода к внешнеполитическому курсу. Консерваторам свойственна поддержка унилатерализма и неприятие ограничений, накладываемых на действия США другими субъектами международной политики. Кроме того, республиканцы выступают за максимально возможные военные расходы, в которых приоритет в последнее время отдаётся военно-морскому флоту. При Трампе фокус внешней политики сместился с таких традиционных для

¹³¹ Political Polarization in the American Public. Pew Research Center, June 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/> (15.08.2021)

¹³² Connelly A. Congress and Asia-Pacific policy: Dysfunction and neglect. Lowy Institute, 2015. P. 7.

республиканцев вопросов, как обеспечение свободной торговли, продвижение демократии, укрепление военного присутствия за рубежом к задачам отстаивания суверенитета США, укрепления их международных позиций за счёт интересов других стран, продвижения идеи американской исключительности. Согласно традиционной республиканской точки зрения Китай является главным игроком в АТР и обычно республиканцы концентрируются во внешней политике на нём, в меньшей степени – на других странах. Из отношений с союзниками особое внимание обращается на японо-американский альянс. В Республиканской партии есть деятели, такие как сенатор от штата Кентукки Рэнд Пол и другие участники так называемого Движения чаепития которые придерживаются откровенно изоляционистских позиций. Как и демократы, республиканцы выступают за технологическое и цифровое соперничество с Китаем. С инициативами по этому вопросу активно выступают такие сенаторы-республиканцы, как Марко Рубио, Том Коттон, Майк Галлагер и другие. В целом республиканцы склоняются к тому, что рано или поздно наступит необходимость уступить Китаю часть влияния США в АТР, по крайней мере, изменить своё поведение в этом регионе, чтобы таким образом сократить уязвимость США в АТР.

Демократическая партия принципиально отличается от Республиканской в ключевых вопросах внутренней и внешней политики. Во внутренней политике самая значительная разница заключается в понимании роли федерального правительства. Демократы стремятся к его расширению и призывают инвестировать средства внутри страны, прежде всего в необоронную сферу. Во внешней политике Демократическая партия придерживается институционалистского подхода и выступает за создание коалиций между странами, поддержку международных институтов и создание новых. В АТР демократы выступают за поддержку взаимодействия с АСЕАН (Б. Обама), АТЭС (У. Клинтон), АУКУС (Дж. Байден). В отношении Китая демократы придерживаются мнения о том, что трения между доминирующей и восходящей державой естественны, а конфликта между ними можно избежать. Одновременно с этим считается, что Китай – один из глобальных вызовов Соединённым Штатам,

основным способом противодействия которому является планирование промышленного развития США и грамотных инвестиций в НИОКР, включая искусственный интеллект, космическую сферу и киберпространство. Подтверждается, что сотрудничество с КНР необходимо США для решения глобальных проблем, таких как изменение климата и терроризм.

Отмеченные выше особенности можно отследить и в предвыборных платформах двух крупнейших партий, которые разрабатываются перед каждой президентской избирательной кампанией и отражают видение партий главных проблем внутренней и внешней политики и мер, которые они будут принимать.

В республиканских предвыборных платформах сквозными темами, связанными с Китаем, являются обеспокоенность ситуацией в Тайваньском проливе, нечестными рыночными практиками Китая, союзническими отношениями с КНДР. Начиная с 2012 г. добавилась риторика обеспокоенности ростом военной мощи Китая и его активностью в западной части Тихого океана. Ещё в платформе 2000 г. отмечалось, что Китай является стратегическим соперником, а не стратегическим партнёром США, хотя говорилось, что конфликт между двумя странами не является неизбежным. Там же содержалась обеспокоенность развитием китайского ракетно-ядерного вооружения. В 2012 году помимо прочего отмечалось стремление к высокоразвитому военному потенциалу «без какой-либо видимой причины». Одна из наиболее подробных в отношении Китая версий республиканской платформы была опубликована после утверждения Д. Трампа в качестве кандидата в президенты в 2016 году. Во многом она была посвящена критике политики предыдущей администрации на китайском направлении, якобы приведшей к ослаблению и отступлению Америки. Впервые в подобных документах были описаны намерения радикального пересмотра политики взаимодействия с Китаем и началу так называемого декаплинга. Кроме того, содержались озабоченности касательно развития военно-морского потенциала КНР и активного использования ей инструментария кибервойны.

Также затрагивается идеологический аспект – возвращение Китая к принципам маоизма.

Демократические предвыборные платформы начала XXI века содержат намерения сотрудничать с Китаем и способствовать дальнейшей открытости его экономики и общества, а его экономический и военный рост интерпретируется, по большей части, как признак его значимости в мировых делах. В 2008 году, когда Б. Обама стал кандидатом на пост президента от Демократической партии, предполагалось работать с Китаем по таким вопросам, как соблюдение прав человека, рыночная экономика, свобода прессы, собраний, вероисповедания, цензура в интернете, международная торговля, нераспространение ОМУ и др. Платформа 2012 г. была подготовлена с учётом официально утверждённой стратегии «разворота в Азию», в соответствии с которой предполагалось взаимодействие с ключевыми партнёрами, в числе главных – Япония, Республика Корея, Юго-Восточная Азия и Австралия, по целому ряду вопросов, связанных с безопасностью. Отдельно отмечалась необходимость взаимодействия с Китаем по военной линии. В платформе 2020 г., так же, как и у республиканцев, особых изменений не происходило, за исключением большей идеологизированности и критики действий администрации Д. Трампа.

Несмотря на бытующее мнение о том, что американские демократы и республиканцы занимают почти одинаково отрицательные позиции по отношению к Китаю, на самом деле, ситуация более сложная. Проведённый в 2021 г. Чикагским советом по мировой политике опрос сторонников обеих партий показал, что Китай считают противником США лишь незначительное меньшинство демократов (17%) и меньше половины республиканцев (41%). Большинство республиканцев (61%) считают важной целью американской внешней политики ограничение влияния Китая. Доля демократов, разделяющих эту точку зрения, составляет 39%. Подавляющее большинство республиканцев поддерживает введение повышенных торговых пошлин в отношении Китая (83% против 45% демократов) и ограничение научного сотрудничества двух стран (73%, в то время как 59% демократов

выступает против этого). Несмотря на то что исследователи отмечают тенденцию к негативизации отношения к Китаю у всего американского общества, у сторонников Республиканской и Демократической партий в этом смысле разные стартовые условия, поскольку республиканцы намного дольше выражают опасения по поводу китайской угрозы. На 2021 год 77% опрошенных республиканцев полагали, что американо-китайские отношения носят характер конфликта или соперничества и только 11% считали, что с КНР необходимо поддерживать партнёрские отношения. 68% республиканцев полагают, что военная мощь КНР представляет собой критическую угрозу для США, 66% придерживаются такой же точки зрения относительно её экономической мощи.

Что касается демократов, то за партнёрство с КНР выступает 28%, за то, что Китай – противник США – 17%. 35% респондентов полагают, что Китай – соперник США. Это говорит о том, что сторонники Демократической партии гораздо более разделены по этому вопросу, чем их оппоненты. Военную угрозу со стороны КНР считают критической 43% респондентов.

Большинство сторонников обеих партий считают, что Китай стремится заместить США в роли доминирующей мировой державы (78% республиканцев и 58% демократов), 14% и 22% соответственно считают, что задача КНР – добиться доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Интересно также отметить восприятие баланса сил между США и Китаем представителями обеих партий. США считают более сильной страной в военном плане только 45% республиканцев и 52 % демократов. В плане экономики «пальму первенства» США отдают лишь 31% республиканцев и 30% демократов.

В соответствии с этими представлениями, 71% республиканцев выступает за ограничение роста Китая и 67% - за ограничение его влияния в мире. Среди демократов с такими представлениями согласны 49% и 39% соответственно¹³³.

¹³³ Kafura C., Smeltz D. Cooperation, Competition, or Confrontation? Republicans and Democrats Split on China Policy. Chicago Council on Global Affairs, 2021. P. 1 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2021-12/Final%20China%20Brief.pdf> (10.02.2022)

Что касается военных расходов, то большинство республиканцев поддерживают либо сохранение их на текущем уровне (44%), либо повышение (40%). Сторонники Демократической партии в основном поддерживают либо сокращение (43%), либо поддержание на текущем уровне (32%)¹³⁴.

В соответствии с вышеизложенным, республиканцы проявляют гораздо большее беспокойство относительно намерений Китая и его возможностей и в большей степени готовы сокращать взаимодействие с КНР и поддерживать жёсткие инициативы в её адрес. Позиция демократов в отношении Китая и будущего двусторонних отношений остаётся неоднозначной, однако понятно, что они гораздо больше расположены к диалогу и более уверены в позиции своей страны по отношению к Китаю. По некоторым вопросам политики в отношении Китая партии придерживаются полного консенсуса. Прежде всего это касается гарантий безопасности в отношении Тайваня и защиты прав человека в Китае.

1.4. Краткая характеристика американо-китайских отношений после окончания холодной войны

Разобравшись с основными понятиями и субъектами военной и внешней политики США, представляется необходимым дать краткую характеристику внешней политики Соединённых Штатов с момента окончания холодной войны, поскольку это позволит понять ход военной политики США в отношении Китая.

После распада Советского Союза Соединённые Штаты оказались единственной в мире сверхдержавой. Ещё до фактического окончания холодной войны политолог Ф. Фукуяма написал в журнале *The National Interest* статью под названием «Конец истории?», впоследствии переработанную в книгу «Конец истории и последний человек», где выдвигалась гипотеза о том, что западная либеральная демократия становится универсальной формой правления в мире и не

¹³⁴ Kafura C. Republicans, Democrats Split on Increasing US Defense Budget. Chicago Council on Global Affairs, 2020. P. 1-4 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2020-12/report_republicans-democrats-split-on-increasing-defense-budget_.pdf (10.02.2022)

подлежит дальнейшей эволюции. В своей статье в журнале «Foreign Affairs» Ч. Краутхаммер назвал это состояние международных отношений «однополярным моментом»¹³⁵. Для США того периода был характерен поиск нового содержания внешней политики, поскольку старая парадигма, основанная на сдерживании СССР, изжила себя.

Уникальное положение Соединённых Штатов привело к тому, что они начали воспринимать себя в качестве «благожелательного гегемона» и «незаменимого государства», взявшего на себя функцию поддержания либерально-демократического порядка в мире за счёт как собственных действий, так и стимулирования к этому других стран. Опираясь на государственную мощь США предполагалось защищать и распространять принципы свободы, демократии и рыночной экономики. Данные принципы должны были быть привнесены и в другие страны, включив их в сеть союзников и партнёров США, сделав их членами организаций и соглашений, в которых США играли ведущую роль. Считалось, что чем большее число государств в мире будет походить на США, тем в лучшем положении в плане безопасности окажется сама страна и весь мир. Большую роль в реализации этой стратегии играла военная политика США, проявлявшаяся в виде обязательств по обеспечению безопасности и размещения военных систем. Вышеобозначенные принципы, в частности, легли в основу как расширения НАТО, так и военной операции в Югославии. После 11 сентября 2001 г. продвижение демократии стало проходить под эгидой борьбы с терроризмом, результатом чего стали военные вторжения в Афганистан и Ирак, которые тоже предполагалось демократизировать, а затем по их примеру и другие страны региона. Первые признаки окончания строгой однополярности в мире продемонстрировал финансово-экономический кризис 2008 года. Одновременно с этим стал особенно выделяться экономический рост таких стран, как Китай, Индия и другие азиатские государства, а также рост военной мощи России. Одновременно с этим отмечался рост влияния на международные отношения негосударственных субъектов.

¹³⁵ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. No. 1. P. 23-33.

Президент Б. Обама заявил о сокращении масштабов вмешательства в дела других стран, однако военная поддержка интервенции в Ливии и антиправительственных сил в Сирии, дипломатическая поддержка государственного переворота на Украине говорили в пользу сохранения этого курса несмотря на во многом неудачные предыдущие попытки. Администрация Б. Обамы сделала попытку налаживания отношений с Россией в рамках политики «перезагрузки», что привело к заключению договора СНВ-3, однако к концу его президентства отношения были гораздо более враждебными, чем в начале. Кроме того, одним из главных факторов, определяющих американскую внешнюю и военную политику во время президентства Б. Обамы стал рост китайской государственной мощи, что побудило экспертов и составителей официальных документов предположить, что именно Китай станет главным соперником США в мире в ближайшем будущем. Особенности роста КНР также поставили под сомнение тезис о её неизбежной политической либерализации по мере проведения экономических реформ и повышения уровня жизни населения. Именно ростом Китая объясняется повышенное внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону, начиная со времён Б. Обамы, хотя США одновременно с этим продолжали активно участвовать в делах Ближнего Востока и Европы. Д. Трамп сместил акцент внешней и военной политики с продвижения демократии на соперничество великих держав и пошёл на резкое обострение отношений с Китаем за счёт «торговой войны» и подогревания антикитайских настроений среди союзников и партнёров США. Несмотря на обещания Трампа наладить отношения с Россией, в ходе его президентства они деградировали ещё сильнее и стали заложником внутренней политики США, разногласий между республиканцами и демократами. Одной из отличительных черт внешней политики Трампа стал курс на пересмотр отношений с союзниками с целью более выгодного позиционирования США в них. Согласно Временному стратегическому руководству в сфере национальной безопасности администрации Дж. Байдена, международные отношения рассматриваются в основном как противостояние между демократическими и авторитарными режимами. Таким образом, сохраняется риторика о противостоянии великих держав, к которому

добавляется необходимость защиты демократических ценностей. Главными угрозами для США представляются Россия и Китай, причём Китай – в качестве равного конкурента (*peer competitor*), а Россия – в качестве источника угрозы в военной сфере. При этом укрепление отношений с союзниками вновь становится одним из главных приоритетов. В своих высказываниях представители администрации Байдена отмечали необходимость снижения напряжённости в отношениях как с Россией, так и с Китаем, однако можно констатировать, что в настоящее время ситуация, при которой США приходится заниматься двойным сдерживанием – одновременно России и Китая – сохраняется.

Теперь обозначим основные определяющие моменты американо-китайских отношений, помогающие понять текущую ситуацию. После установления коммунистического режима в Китае в 1949 году, он стал восприниматься Соединёнными Штатами как угроза безопасности для соседних стран, и США стали предпринимать усилия для его сдерживания и дестабилизации. Дипломатическое признание получило националистическое правительство на Тайване, с которым Америка сотрудничала ещё во времена Второй мировой войны. В частности, в АТР начали формироваться военные союзы США с Тайванем, Японией и Южной Кореей, а также организации под руководством США, такие как СЕАТО и АНЗЮС. Кроме того, США пытались препятствовать дипломатическим и экономическим связям между КНР и их союзниками, ограничивали поездки граждан США в Китай. В 1950-1951 гг. вооружённые силы Китая и США вступили в открытое вооружённое столкновение в ходе Корейской войны. В 1953 г. произошёл кризис в Тайваньском проливе, повторившийся в 1958 и 1996 гг.

Переломным моментом в двухсторонних отношениях стал разрыв между КНР и Советским Союзом, вылившийся в пограничные столкновения в 1969 г. В 1971 г. советник по национальной безопасности президента США Г. Киссинджер совершил тайный визит в Пекин. После этого в 1972 г. президент США Р. Никсон совершил визит в Китай, где встретился с Мао Цзэдуном и премьер-министром Китая Чжоу Эньлаем. Стороны подписали Шанхайское коммюнике, в котором

была впервые обозначена политика «одного Китая», частью которого является Тайвань. В 1979 году последовало дипломатическое признание КНР и разрыв формальных дипломатических отношений с Тайванем. За КНР также было закреплено место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В том же году был принят закон «Об отношениях с Тайванем». Этот закон не содержит обязательств по оказанию Тайваню военной помощи, однако открывает для США широкий круг возможностей по вмешательству в конфликт в Тайваньском проливе. В законе также сказано о том, что под защиту США попадают и находящиеся под управлением Тайваня острова Пэнху (Пескадорские о-ва), однако ничего не говорится о других островных территориях, на которые претендует Тайвань, например, о-в Пратас в Южно-Китайском море. Таким образом США целенаправленно придерживаются в отношении Тайваня политики «стратегической неопределённости», не уточняя, при каких условиях они вмешаются в военный конфликт в Тайваньском проливе и вмешаются ли вообще. Схожей неопределённости придерживается и Китай, не объявляя какие недружественные меры в отношении Тайваня он предпримет и при каких условиях. Политика США по взаимодействию с Китаем совпала по времени с началом политики «реформ и открытости» в КНР. В 1984 г. руководство США разрешило КНР покупать американское военное оборудование. Однако в 1989 году после подавления протестов на площади Тяньаньмэнь США и их союзники ввели против Китая ряд санкций, в том числе эмбарго на военные поставки.

Негативным фактором в американо-китайских отношениях служил вопрос прав человека, особенно серьёзно проявившийся после тибетского восстания и событий на площади Тяньаньмэнь.

Выводы

Таким образом, при анализе военной политики США будут учитываться её основные компоненты, связанные в первую очередь с понятиями «национальной обороны», «внешней политики» и «национальной безопасности». Основные вызовы в этих сферах связаны с уникальным положением единственной

сверхдержавы, в котором оказались Соединённые Штаты после распада Советского Союза и окончания холодной войны. Рост государственной и военной мощи Китая стал основной предпосылкой к нынешнему состоянию соперничества между двумя странами. Не менее важным фактором внешне- и военно-политической стратегии в отношении Китая является законодательная власть США. Роль Конгресса связана с её бюджетными аспектами, а также законодательными инициативами, оказывающими большое влияние на двусторонние отношения. Приводятся основные подходы к военной политике в отношении Китая со стороны Республиканской и Демократической партии США. Республиканцам принадлежит большая часть законодательных инициатив, направленных на дальнейшее развитие конфликта с КНР. Демократы скорее склоняются к сотрудничеству с ней. Несмотря на то, что определяющую роль в организации и проведении военной политики в отношении Китая играют ведомства, относящиеся к исполнительной власти, принимаемые ими решения учитывают интересы американских законодателей.

Глава 2. Рост геополитической и военной мощи Китайской Народной Республики

2.1. Усиление геополитического влияния КНР

В своей внешнеполитической стратегии после окончания холодной войны Китай прошёл несколько этапов. При председательстве Цзян Цземиня ключевой задачей была интеграция в мировую экономическую систему. Ху Цзиньтао же, выступая на заседании Политбюро ЦК КПК в 2003 году подчеркнул, что первые 20 лет XXI века являются для Китая периодом «стратегических возможностей», и, если ими не воспользоваться, страна может превратиться в отсталую державу¹³⁶. В свою очередь, ключевой внешнеполитической задачей Си Цзиньпина стала реализация «китайской мечты» и создание выгодной для этого международной обстановки.

Достижение «китайской мечты» с самого начала не сводились к действиям только внутри Китая. Так, на встрече с Б. Обамой в 2013 году Си Цзиньпин заявил: «Китай будет упорно трудиться, чтобы осуществить китайскую мечту о великом национальном возрождении, и будет упорно трудиться, стремясь к достижению благой цели мира и развития для всего человечества»¹³⁷. Запуск таких проектов, как «Один пояс – один путь» и создание таких институтов как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций подтверждают серьёзность намерений КНР. Кроме того, Си Цзиньпин ввёл в обиход концепцию «ключевых национальных интересов», которые представляют собой «красную линию» в международной политике, за которую Китай не намерен отступать ни при каких условиях.

В 2012 году Си Цзиньпин выступил с идеей «отношений между крупными державами нового типа», ключевыми принципами которых являются взаимное уважение, невмешательство во внутренние дела и взаимовыгодное сотрудничество. В 2015 году этот принцип, а также принцип «избежания конфликтов и

¹³⁶ Masuda M. China's Search for a New Foreign Policy Frontier; Concept and Practice of Harmonious World // China's Shift: Global Strategy of Rising Power / Ed. by Masafumi I. Tokyo: NIDS Joint Research Series, 2009. P. 62.

¹³⁷ Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting. June 08, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (07.03.2022)

конфронтации» был озвучен председателем КНР на встрече с Б. Обамой в ходе его визита в США.

В начале XXI века внешняя политика Китая базировалась на повышении своего внешнеэкономического, а затем и политического влияния за счёт «дипломатии обаяния». Таким образом, на определённом этапе большинство стран мира вынуждены были признать рост влияния Китая в мировых делах и наладить с ним более-менее тесное сотрудничество.

Периферийная дипломатия Китая основывается на том, что он предлагает странам, находящимся на его периферии, ряд совместных геополитических и экономических инициатив для создания сферы своего влияния в Азиатско-тихоокеанском регионе. Интенсификация китайских внешнеполитических усилий в АТР произошла на фоне усиления присутствия США в регионе в рамках стратегии «разворота в Азию», которую Китай расценил как попытку расшатать его позиции в АТР, отвлечь от дальнейшей экономической модернизации и замедлить его рост. По мнению китайских исследователей, после Второй мировой войны США всегда пытались сдерживать и ослаблять государство, являющееся «номером два» с целью не допустить перестановку сил на международной арене. Это, по их мнению, является одной из причин распада СССР и феномена «потерянного десятилетия» в Японии¹³⁸. Чтобы избежать этой участи, Китай должен продолжать поддерживать свой экономический рост как фундамент всеобъемлющей национальной мощи, и развивать как потенциал «жёсткой», так и «мягкой» силы в своей внешней политике, а также развивать свой военный потенциал в том числе для защиты путей поставок ресурсов, необходимых для экономического роста¹³⁹.

С точки зрения КНР, уклон в односторонние действия, гегемонизм и неоконсерватизм США представляют одну из главных угроз миру и стабильности.

¹³⁸ Lei Yu. China-Australia strategic partnership in the context of China's grand peripheral diplomacy // Cambridge Review of International Affairs. 2016. 29. P. 3.

¹³⁹ Zhang W. China's Energy Security and Policy Choices // World Economics and Politics. 2003. No. 5, pp. 11–16. Приводится по: Erickson A., Goldstein L. Gunboats for China's New "Grand Canals"? Probing the Intersection of Beijing's Naval and Oil Security Policies // Naval War College Review. 2009. No. 2, p. 46.

Военное присутствие США в АТР и «система оси и спиц» представляет собой пережиток холодной войны.

Кроме того, в 2014 году на шанхайском саммите «Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии» Си Цзиньпин выступил с идеей «новой концепции безопасности в Азии», где заявил: «В конечном счёте именно народы Азии должны управлять делами Азии, решать проблемы Азии и поддерживать безопасность Азии»¹⁴⁰.

Одна из ключевых концепций китайской дипломатии, в первую очередь периферийной – это концепция «сообщества единой судьбы». Впервые в дискуссии в руководстве страны она появилась на совещании политбюро ЦК КПК, посвящённом периферийной дипломатии, в 2013 году¹⁴¹. Впервые она была публично озвучена Си Цзиньпином на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., а затем - на первом форуме «Один пояс – один путь» в мае 2017 г. В настоящее время эта концепция входит в «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху». Ранее термин «единая судьба» использовался для описания связи между материковым Китаем и Тайванем¹⁴². По словам Си Цзиньпина, концепция включает в себя такие направления, как политическое партнёрство, безопасность, экономическое развитие, культурные обмены и защиту окружающей среды¹⁴³. Одной из причин появления этой концепции эксперты называют необходимость укрепления отношений со странами, испытывающими опасения в связи с подъёмом Китая, такими как страны Южно-Китайского моря¹⁴⁴, чтобы способствовать созданию в регионе обстановки, благоприятствующей его дальнейшему развитию. Претворение в жизнь стратегии

¹⁴⁰ The 4th Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) Summit Held in Shanghai Xi Jinping Presides over the Summit and Delivers Important Speech, Advocating Common, Comprehensive, Cooperative and Sustainable Security in Asia for New Progress in Security Cooperation of Asia. The Embassy of the People's Republic of China. 21.05.2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cenz/eng/ztbd/yxhfh/t1162057.htm> (03.08.2020)

¹⁴¹ Smith S. 2018. Community of common destiny: China's 'new assertiveness' and the changing Asian order // International Journal. 2018. No. 3. P. 461.

¹⁴² Zhang D. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // Asia and the Pacific Policy Studies. 2018. 5. P. 197.

¹⁴³ Ibid. P. 198.

¹⁴⁴ Ibid. P. 199.

США «разворот в Азию» косвенно способствовало активизации периферийной дипломатии Китая, так как породило у Китая опасения за свою безопасность, что стало одной из причин обострения территориальных споров с участием Китая, а также отношений между КНР и союзниками США. Помимо периферийной дипломатии, новая внешняя политика имеет своей целью и преобразование глобальных процессов. Так, Си Цзиньпин ввёл понятие двух руководств (liangge yindao) для внешней политики Китая: направлять международное сообщество к совместному построению более справедливого и равноправного мирового порядка и к совместному обеспечению международной безопасности¹⁴⁵.

В течение первого десятилетия XXI века Китай перехватил у США позицию крупнейшего торгового партнёра большинства стран мира. В настоящее время Китай является крупнейшим торговым партнёром всех стран АТР. Объем ВВП Китая в 2019-2020 гг. составлял 14,1 трлн долл. (в реальном выражении), ВВП Японии, следующей сразу после Китая по этому показателю, $\approx 5,2$ трлн долл., что более чем в 2,5 раза меньше. Расходы Китая на оборону в 2020 году составляли 237 млрд долл. У Индии, главного конкурента КНР по этому показателю в регионе – 61 млрд долл., разница почти в 4 раза. КНР возглавляет или обладает сильным влиянием в большинстве региональных организаций.

Общий объем китайских инвестиций в страны АТР (включая Юго-Восточную Азию, Корейский полуостров, Японию, Австралию и Океанию) за период с 2005 по 2020 гг составляет более 400 млрд долл. По этому показателю лидируют Австралия (116 млрд долл., Индонезия (52,5 млрд долл.) и Малайзия (44,8 млрд долл.)¹⁴⁶.

Экономический рост Китая, Японии и стран Юго-Восточной Азии повысил спрос как на ввоз природных ресурсов в эти страны через морские торговые пути, так и на добычу углеводородных и рыбных ресурсов в прилегающих морях. Кроме

¹⁴⁵ Ibid. P. 202.

¹⁴⁶ China Global Investment Tracker [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aci.org/china-global-investment-tracker/> (15.08.2022)

того, в ряде стран экономический рост привёл и к увеличению военных расходов, а также укреплению военно-морских сил, призванных защищать пути снабжения.

Восточно-Китайское море

Восточно-Китайское море, наряду с Южно-Китайским, играет важную стратегическую роль, в первую очередь за счёт потенциального участия Японии в возможном конфликте в Тайваньском проливе на стороне США.

Территориальный спор в Восточно-Китайском море является одним из факторов, негативно влияющих на китайско-японские отношения, наряду с наращиванием военного потенциала обеих сторон, разногласиями в интерпретации исторических событий и посещения японскими официальными лицами святилища Ясукуни. Спорные острова в восточно-китайском море представляют собой пять островов и три скальных образования, носящих названия Сенкаку (на японском языке) или Дяоюйдао (на китайском) общей площадью около 7 квадратных километров. Расположены они примерно на равном расстоянии от о. Тайвань и о. Окинава (около 120 морских миль). Китай, Япония и Тайвань предъявляют права на суверенитет над этими участками суши и право добычи ресурсов, в частности рыбных и углеводородных, в прилегающих водах.

По утверждению китайской стороны, острова были открыты, названы и использовались Китаем во времена династии Мин. С точки зрения Японии, на момент оккупации островов, которые отошли к Японии по Симоносекскому мирному договору в 1895 году, они не находились под китайским контролем и были включены в состав префектуры Окинава ещё до подписания договора. Этот договор был, в свою очередь, аннулирован Сан-Францисским мирным договором в 1951 году. С 1945 по 1972 год острова были под оккупацией США и формально не находились под японским контролем. В 1969 году Комитет по координации совместной разведки минеральных ресурсов в прибрежных районах Азии при Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока опубликовал отчёт, в котором говорилось о наличии богатых запасов углеводородных ресурсов в районе Восточно-Китайского моря. Это послужило отправной точкой для

нынешнего этапа территориальных споров. Этот территориальный спор был одним из проблемных вопросов при нормализации двусторонних отношений в 1978 году. В течении 1990-х годов также происходили незначительные инциденты, в том числе связанные с поездками на острова японских консервативных активистов. В 1996 году стороны ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, что ещё больше усложнило положение дел. Так как расстояние между Китаем и Японией составляет не более 360 морских миль, это привело к пересечению потенциальных исключительных экономических зон, на которые могут претендовать оба государства. Протяжённость этих зон, согласно Конвенции, составляет 200 морских миль. Японская сторона предложила при разделении привилегий на море отталкиваться от медианной линии между китайским и японским побережьем. Китайская сторона утверждает, что вся акватория вплоть до Окинавской впадины является продолжением её континентального шельфа. В 2008 году стороны договорились о создании зоны совместной разработки ресурсов площадью 2700 км²¹⁴⁷.

Обострение отношений между Китаем и Японией по поводу данных островов произошло после инцидента 2010 года, когда китайское рыболовецкое судно столкнулось с кораблём японской береговой охраны. Китай обвинил в инциденте японскую сторону и предпринял жёсткие ответные меры, в частности прервал ряд официальных контактов как на государственном уровне, так и на уровне провинций, отменил ряд совместных мероприятий, приостановил переговоры по совместной разработке ресурсов Восточно-Китайского моря, арестовал четверых граждан Японии по подозрению в шпионаже и кратковременно блокировал поставки редкоземельных материалов. Кроме того, на протяжении нескольких недель в ряде китайских городов продолжались антияпонские демонстрации. Японские власти в скором времени освободили капитана китайского судна, из-за чего находящаяся тогда у власти администрация Наото Кана подверглась резкой внутренней критике. Другой кризис произошёл в 2012 году, когда тогдашний мэр

¹⁴⁷ Patalano A. Seapower and Sino-Japanese Relations in the East China Sea // Asian Affairs. 2014. No. 1. P. 40.

Токио, праворадикальный политик Синтаро Исихара заявил о намерении выкупить спорные острова у их частного владельца. Опасаясь дальнейшей эскалации событий правительство Японии совершило покупку первым, что всё равно привело к обострению ситуации и отправке китайских военных кораблей в район спорных островов. С тех пор корабли береговой охраны и океанографические суда обеих сторон регулярно заходят в спорные воды. На практике Китай не осуществляет значимых шагов по деокупации островов, однако с конца 1990-х годов всё больше демонстрирует способности к осуществлению контроля над спорными водами через военно-морское присутствие и разработку ресурсов. Возникший кризис позволил Китаю значительно нарастить такое присутствие в районе островов. Соединённые Штаты, в свою очередь, неоднократно подтверждали, что острова Сенкаку подпадают под Статью 5 двустороннего Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, согласно которому США обязуются защищать территорию Японии в случае нападения¹⁴⁸. Кроме того, после инцидента 2010 года США и Япония провели ряд военных учений, задачей которых по сценарию являлась оборона прибрежных островов.

В 2013 году Китай объявил о введении в Восточно-Китайском море опознавательной зоны противовоздушной обороны, согласно которой все военные и гражданские самолёты, пролетающие над ВКМ, даже не направляющиеся на территорию Китая, обязаны следовать строгим правилам идентификации. США и Япония не признали некоторые из этих правил, однако большинство гражданских авиакомпаний делает предварительные уведомления о пролёте через данную зону. В свою очередь, Китай не предпринимает попыток перехвата самолётов, которые не следуют установленным правилам¹⁴⁹. Прежде всего это объясняется растущим потенциалом воздушного и морского наблюдения Китая, позволяющим ему самостоятельно идентифицировать большинство пролетающих воздушных судов.

¹⁴⁸ Ibid. P. 38.

¹⁴⁹ Cooper Z. Flashpoint East China Sea: Potential Shocks. Center for Strategic & International Studies, April 27, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://amti.csis.org/flashpoint-east-china-sea-potential-shocks/> (21.03.2022)

Япония же, помимо развития военно-воздушной инфраструктуры и численности береговой охраны на о. Окинава осуществляет строительство военных баз на островах к юго-западу от него, на которых планируется размещение личного состава, ракетных батарей и радарных комплексов¹⁵⁰.

К числу факторов, способствующих стабилизации двусторонних отношений, относятся тесные торговые и инвестиционные связи, интегрированные производственно-коммерческие цепочки. Трения вокруг Восточно-Китайского моря не оказали на это взаимодействие никакого существенного влияния.

Южно-Китайское море

Южно-Китайское море, является связующим звеном между ключевыми проливами, соединяющими Тихий и Индийский океан: Тайваньским проливом, Лусонским проливом, Малаккским проливом и другими. Согласно китайским представлениям, Южно-Китайское море входит в десятку наиболее значимых для Китая источников нефти и природного газа, а в некоторых работах называется «вторым Персидским заливом»¹⁵¹. По заявлениям китайской стороны, с начала 1980-х годов другие участники территориальных споров в этом субрегионе, воспользовавшись экономической слабостью Китая, незаконно активизировали усилия по добыче ресурсов Южно-Китайского моря, часть из которых они впоследствии продавали Китаю. Южно-Китайское море также представляет ценность за счёт своих рыбных ресурсов, добычей которых традиционно занимается прибрежное население Китая.

Кроме того, Южно-Китайское море воспринимается как естественный буфер, который может служить для защиты промышленно развитых и густонаселённых областей юго-востока и юга страны от внешних угроз с моря. Таким образом, развитие архитектуры безопасности в ЮКМ создаёт буферную зону радиусом не менее 1000 километров.

¹⁵⁰ Japan builds an island 'wall' to counter China's intensifying military, territorial incursions cc [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/japan-builds-an-island-wall-to-counter-chinas-intensifying-military-territorial-incursions/2019/08/20/802bc282-ae11-11e9-9411-a608f9d0c2d3_story.html (21.03.2022)

¹⁵¹ Li M. Reconciling Assertiveness and Cooperation? China's Changing Approach to the South China Sea Dispute // Security Challenges. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 51

Претензии КНР на акваторию Южно-Китайского моря основываются на том, что, по её мнению, китайские, преимущественно рыболовецкие, суда первыми начали исследование и добычу ресурсов ЮКМ, о чём свидетельствуют их описания морских путей и названия, которые они давали новооткрытым участкам суши. Кроме того, имеются свидетельства поселений и захоронений китайских рыбаков на островах Спратли¹⁵². В 1947 году гоминьдановское правительство опубликовало карту, на которой одиннадцатью пунктирными линиями была обозначена территория, на которую претендует Китай. После образования КНР коммунистическое правительство признало данную карту. В 1953 году из неё были убраны две линии, отмечавшие Тонкинский залив¹⁵³. С тех пор граница, обозначающая территориальные претензии Китая в ЮКМ, носит название «линия девяти пунктиров». В 2009 году карта была передана в Комиссию ООН по границам континентального шельфа без конкретизации характера претензий и их обоснования. Основания, на которых базируются данные претензии не соответствуют принципам Конвенции ООН по морскому праву, однако китайская сторона утверждает приоритетность «линии девяти пунктиров», существовавшей до появления современного международного морского права. В китайской трактовке Конвенция не определяет принадлежность островов или иных участков суши¹⁵⁴. Вместе с тем Китай не отказывается и от понятий, введённых в Конвенции, таких как «континентальный шельф» или «исключительная экономическая зона», которые активно используются в его доктринальных документах. Многие китайские исследователи, связанные с правительством страны утверждают, что спорные острова, принадлежащие КНР, образуют территориальное море и исключительную экономическую зону¹⁵⁵. Однако, по их мнению, поскольку исторически территория, очерченная линией, уже принадлежала Китаю, другие страны региона не имеют права претендовать на острова, входящие в их исключительную экономическую зону или континентальный шельф. В этой связи,

¹⁵² Ibid. P. 53.

¹⁵³ Ibid. P. 54.

¹⁵⁴ Ibid. P. 55.

¹⁵⁵ Ibid. P. 65.

неясно, что имеется в виду, когда в официальных заявлениях руководство Китая утверждает, что КНР обладает суверенитетом над островами в ЮКМ и «примыкающими водами».

Стратегия Китая состоит в непреклонности отстаивания своих претензий на суверенитет над островами Южно-Китайского моря и постепенном наращивании своего присутствия в регионе. При этом Китай отказывается уточнять свои требования, настаивает на исключительно двустороннем характере разрешения территориальных споров и невмешательстве стран, не являющихся претендентами. Несмотря на миролюбивую риторику и приглашение других стран к сотрудничеству в освоении ресурсов ЮКМ, Китай всегда отвечает жёсткой реакцией на любые действия, ставящие под сомнение его исключительный суверенитет в его акватории. Одновременно с этим Китай провозглашает свободу международного сообщения в акватории ЮКМ, включая навигацию, полёты в воздушном пространстве над ней, прокладку трубопроводов и кабелей на морском дне¹⁵⁶. Усиление влияния Китая в ЮКМ опосредованно проявляется через сотрудничество с такими странами, как Пакистан, который передал в управление Китаю порта г. Гвадар в Аравийском море, который Китай мог бы использовать в качестве альтернативного маршрута для транспортировки грузов в случае ограничения проходимости судов через Малаккский пролив.

Основные озабоченности Китая в отношении ситуации в Южно-Китайском море в начале XXI века сводились к агрессивным действиям других стран-претендентов в отношении китайских рыбаков; вовлечению внерегиональных государств, особенно США, которые проводят в регионе военные учения и осуществляют так называемые операции по обеспечению свободы судоходства, а также к росту напряжённости между Китаем и некоторыми странами-претендентами, в особенности с Вьетнамом, а также с Филиппинами и к укреплению военных связей между ними и Вашингтоном.

¹⁵⁶ Ibid.

Значение территориальных споров в ЮКМ для международного сообщества обусловлено ещё и тем, что в случае военной эскалации конфликтов под угрозой окажутся важнейшие морские пути сообщения, что затронет жизненно важные интересы США и стран АТР. Территориальные споры в Южно-Китайском море не раз становились причиной военных инцидентов. Самые значимые из них – военное столкновение между Китаем и Вьетнамом в районе Парасельских островов в 1974 году, в районе островов Спратли в 1988 году, захват рифа Мисчиф в 1995 году, ряд инцидентов с американскими океанографическими судами (USNS Bowditch в 2002, 2003 гг., USNS Impressable в 2009 г.), инциденты с Филиппинами вокруг рифа Скарборо начиная с 2012 г.

Однако возможности для жёстких действий Китая в ЮКМ ограничены, так как несоразмерная реакция может повлечь за собой ещё большее укрепление связей стран-претендентов в области безопасности с США и Японией. Кроме того, Пекину важно не допустить обострения напряжённости в Южно-Китайском море с США, а также одновременного обострения ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

На рубеже XX и XXI веков Китай предпринял значительные усилия по снижению напряжённости в этом регионе, в частности, предложив совместную разработку ресурсов, в том числе, Японии в Восточно-Китайском море и Вьетнаму в Тонкинском заливе. При этом от этих стран не требовалось первоначального признания суверенитета Китая в соответствующих акваториях.

Отношения с АСЕАН

Страны Юго-Восточной Азии являются наиболее доступной целью для внешней политики Китая благодаря их географической близости и тесным экономическим связям с ним. Взаимодействие со странами Юго-Восточной Азии крайне значимо для Китая, оно, в частности, способствует поддержанию экономического роста страны и помогает продвигать «азиатскую» повестку дня, увеличивая влияние Пекина в АТР и сдерживая влияние внерегиональных держав. Для развития отношений с АСЕАН Китаю потребовалось отойти от изначальной

позиции проведения переговоров только в двустороннем формате. Кроме того, перед Пекином стояла задача демонстрации дружелюбных намерений и развенчания представлений о «китайской угрозе». Участие Китая во взаимодействии с АСЕАН также в значительной степени отвечало интересам стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, Китаю предстояло смириться с тем фактом, что многие страны региона имеют плотные, в том числе и военные, союзнические и партнёрские отношения с США.

В 1997 году состоялся первый в истории саммит стран АСЕАН и Китая, на котором стороны договорились строить отношения на основе доверия и добрососедства. Вскоре после этого Китай и Вьетнам приступили к определению спорных участков морской и сухопутной границы между ними. В 1999 году был подписан Договор о сухопутной границе, в 2000 – Договор о демаркации Тонкинского залива. В 2002 году представители Китая и стран АСЕАН подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море.

В 2003 году Китай, наряду с Индией, подписала Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, запрещающий ему использовать силу против стран АСЕАН. Что касается экономического взаимодействия между Китаем и странами АСЕАН, то в 2001 году была создана зона свободной торговли между ними (China-ASEAN Free Trade Area – (CAFTA).

В настоящее время страны АСЕАН становятся частью производственных цепочек, замкнутых на Китай. Особенно это касается электронного машиностроения. Эти отрасли в значительной степени зависят от поставок сырья и оборудования из Китая. На фоне американо-китайского торгового конфликта в 2019 г. страны АСЕАН обогнали США по объёму торговли с Китаем, который составил 644 млрд долл. В первом квартале 2020 года АСЕАН стала крупнейшим торговым партнёром Китая, потеснив ЕС и США¹⁵⁷.

¹⁵⁷ ASEAN Overtakes EU to Become China's Top Trading Partner in Q1 2020 // ASEAN Briefing, May 15, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aseanbriefing.com/news/asean-overtakes-eu-become-chinas-top-trading-partner-q1-2020/> (12.03.2022)

Китай уделяет большое внимание отношениям со страной, являющейся председателем АСЕАН, особенно если это развивающаяся страна, как было в случае Камбоджи. КНР старается проявить усилия в отношении экономической поддержки данной страны для создания более благоприятной для себя атмосферы в организации.

Значительную роль в отношениях между Китаем и АСЕАН играет наличие многочисленной китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, которая со временем увеличивается и оказывает влияние на экономику государств региона. Наблюдается также рост числа китайских студентов в вузах упомянутых стран, а также распространение китайского языка, владение которым считается перспективным трудовым навыком.

Влияние Китая в Индийском океане

Говоря о военно-политической стратегии Китая по установлению контроля над Тихим океаном, эксперты часто используют термин «нить жемчужин» (String of Pearls). Впервые этот термин появился в докладе «Будущее энергетики в Азии», составленном компанией Booz-Allen & Hamilton по заказу Министерства обороны США. В ней говорится, что Китай намерен укреплять своё военно-морское присутствие в регионе за счёт строительства портовой инфраструктуры в дружественных странах региона. Дебаты о реальном наличии у Китая такой стратегии продолжаются по сей день, однако термин вскоре обрёл большую популярность у американских и индийских исследователей, которые трактуют её как геополитическую стратегию по «окружению» Индии с моря.

Присутствие Китая в Индийском океане обуславливается уже описанной выше зависимостью его экономики от торговых путей, проходящих через данную акваторию, прежде всего, путей транспортировки энергоносителей, что в свою очередь требует наличия возможности защитить данные интересы военным путём в случае необходимости. Для этого Китаю необходим доступ к портовым объектам в ключевых точках региона, прежде всего для пополнения запасов топлива и других

расходных материалов без необходимости возвращаться в порты, находящиеся на своей территории.

Одним из таких объектов стала первая в истории китайская военная база в Джибути, действующая с 2017 года. Строго говоря, в китайской терминологии база в Джибути является лишь базой логистической поддержки, созданной для ремонта и технического обслуживания судов и размещения на отдых китайских военных. Стоит отметить, что ранее Китай критиковал саму концепцию размещения военных баз на территории других стран как проявление гегемонизма и вмешательства во внутренние дела. База имеет выгодное географическое расположение в районе торговых путей, соединяющих Индийский океан с Красным морем. Идея строительства базы получила широкое одобрение в правительстве Джибути. Кроме китайской военной базы на территории этого государства расположены военные объекты США, Франции, Германии, Италии, Испании и Японии, в связи с чем эта страна, расположенная в крайне конфликтном регионе, отличается военно-политической стабильностью. Её дополняет доступ к портам в Пакистане, Бангладеш, Мьянме и Шри-Ланке. Уже имеющаяся и строящаяся там инфраструктура может иметь как гражданское, так и военное применение. Операция по борьбе с пиратством, которую Китай осуществляет в Аденском заливе, даёт его военно-морским силам ценный опыт проведения операций вдали от основной территории страны. Кроме того, китайские военные имеют возможность получать сведения об особенностях работы вооружённых сил других стран, также действующих в этом районе.

Китай активно укрепляет связи с островными государствами Индийского океана, такими как Шри-Ланка, Сейшелы и Маврикий.

Один пояс – один путь

Проект «Один пояс – один путь» был объявлен Си Цзиньпином в 2013 году. Он состоит из двух компонентов: «Экономического пояса Шёлкового пути», расширяющего идею исторического Шёлкового пути и «Морского Шёлкового пути

XXI века». В настоящее время этот проект является центральным элементом внешней политики КНР.

Проект «Один пояс – один путь» ставит задачу ещё теснее связать экономику Китая с целым рядом стран Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Ближнего Востока, Европы и Африки через создание эффективной инфраструктуры и новых институциональных связей. Это более 60 государств, в которых сосредоточено 45% мирового населения. Среди этих стран есть и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Согласно официальной китайской позиции, проект ставит перед собой пять главных целей: координация политики развития международной торговли, укрепление и создание инфраструктурных сетей, связывающих Азию и Европу, укрепление инвестиционных и торговых партнёрств, укрепление финансового сотрудничества между участниками, укрепление социальных и культурных связей¹⁵⁸. Многие развивающиеся страны этих регионов испытывают значительные внутри- и внешнеполитические проблемы, такие как внутренние конфликты, войны, экономическая нестабильность, наплыв беженцев и прочее. В этих условиях многие страны не имеют средств на строительство инфраструктуры, необходимой для обеспечения экономического роста.

Благодаря своему проекту Китай может за счёт своих инвестиций прочнее закрепиться на рынках развивающихся стран, а также получить доступ к имеющимся у них природным ресурсам.

Проект имеет ряд важных для Азиатско-Тихоокеанского региона составляющих, которые отличают его от традиционных экономических интеграционных проектов: он создаётся не путём многосторонних переговоров, а путём двусторонних переговоров каждой страны-участницы с Китаем, при этом условия участия также обсуждаются на индивидуальной основе; интеграция происходит преимущественно не за счёт либерализации торговли, а за счёт увеличения эффективности движения товаров из-за строительства инфраструктуры и координации торговой политики прежде всего между государствами, а не в

¹⁵⁸ Foo N., Lean H.H., Salim R. The impact of China's one belt one road initiative on international trade in the ASEAN region // The North American Journal of Economics and Finance. 2020. Vol. 54. Issue C. P. 3.

частном секторе¹⁵⁹. Эти особенности ставят Китай в гораздо более сильную переговорную позицию, нежели в многосторонних интеграционных объединениях.

Проект экономического коридора Ланьцан-Меконг имеет большое значение для материковых стран Юго-Восточной Азии: Лаоса, Камбоджи, Мьянмы, Вьетнама и Таиланда, в ходе которого предполагается строительство железнодорожных путей, автомобильных дорог, портов и аэропортов, линий электропередачи, телекоммуникационных сетей в районе бассейна реки Меконг, а также укрепление торговых, инвестиционных связей между этими странами. Наиболее крупные проекты включают в себя железную дорогу Китай-Лаос, скоростную автомагистраль Куньмин-Бангкок, китайско-вьетнамский индустриальный парк Лунцзян (*Long Jiang*). Также планировалось создание экономического коридора Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма, завершить который не удалось из-за выхода из проекта индийской стороны.

Австралия

Из всех союзников США в АТР именно Австралия и Япония в наибольшей степени усилили военное сотрудничество с США в рамках американской стратегии «разворота в Азию».

В отношениях с Австралией Китай заинтересован в обеспечении доступа к её обширному рынку и природным ресурсам для поддержания своего экономического роста страны. Кроме того, расширение влияния Китая в Австралии способствует реализации концепции «сообщества единой судьбы человечества». За счёт экспорта в Китай полезных ископаемых, таких как железная руда, бокситы и уголь, экономика Австралии пережила период так называемого сырьевого бума, когда в ряде регионов, особенно в западной части страны, ведущие позиции заняли отрасли, связанные с добычей полезных ископаемых. Кроме того, влияние Китая заметно в секторах сельского хозяйства, туризма и образования. Более 1,2 млн

¹⁵⁹ Smith S. Community of common destiny... P. 462.

граждан Австралии имеют китайские корни, чуть менее половины из них родились в КНР¹⁶⁰.

На рубеже XX и XXI веков Австралия в своей внешней политике придерживалась курса, называемого по фамилии тогдашнего премьер-министра страны «доктриной Говарда», в основе которой лежало продвижение в регионе интересов и ценностей западного мира, прежде всего, США, что вызвало неодобрение со стороны китайской общественности. Кроме того, в 2001 году министр иностранных дел Австралии А. Даунер предложил провести трёхсторонний диалог в области безопасности с участием США, Австралии и Японии. В октябре 2003 г. тогдашний председатель КНР по приглашению Дж. Говарда выступил в парламенте Австралии, что стало поворотным моментом в истории отношений двух стран. В частности, после введения в КНР жёсткого законодательства, направленного на недопущение отделения Тайваня, МИД Австралии заявил, что не будет вмешиваться в какие-либо потенциальные военные действия в этом регионе. Кроме того, его глава во время визита в Вашингтон заявил о позитивном характере подъёма Китая и высказался о вреде мышления, присущего играм с нулевой суммой¹⁶¹. Во время премьерства К. Радда усиление влияния Китая в Австралии продолжилось. КНР стала её крупнейшим торговым партнёром. Одновременно с этим, в доктринальных документах Австралии впервые была озвучена мысль о том, что Китай может представлять угрозу региональному миру и безопасности¹⁶². Это совпало с новой волной укрепления отношений в области безопасности с США и их союзниками в регионе. Подобная двоякая политика продолжилась и во время нахождения у власти Дж. Гиллард. Отношения с Китаем достигли уровня «стратегического партнёрства», при этом было принято решение о размещении на территории Австралии на ротационной основе контингента американских морских пехотинцев. В 2014 году Китай впервые принял участие в крупнейших военных учениях на Тихом океане *RIMPAC (Rim of the Pacific)* именно

¹⁶⁰ Medcalf R. Australia And China: understanding the reality check // Australian Journal of International Affairs. 2018. Vol. 73. Issue 2. P. 4.

¹⁶¹ Lei Yu. China-Australia strategic partnership... P. 10.

¹⁶² Ibid. P. 12.

по приглашению австралийской администрации Т. Эбботта. При нём же было заключено соглашение о создании зоны свободной торговли между двумя странами. После китайско-филиппинского конфликта в районе рифа Скарборо в 2012 г. Австралия потребовала у Китая прояснить, какие именно требования и на каком основании они выдвигают в рамках «линии девяти пунктиров». Объявление о введении опознавательной зоны ПВО над Восточно-Китайским морем послужило поводом для укрепления оборонных связей между Австралией и Японией. С 2016 года отношения двух стран вошли в кризисную фазу, которую эксперты и официальные лица называют «переоценкой» (reality check), в ходе которой стали предаваться огласке факты продвижения интересов КНР во внутренней политике Австралии, включая распространение пропаганды, пожертвования в адрес политиков, налаживание связей в научных кругах, кибератаки и шпионаж. В частности, выяснилось, что с 2006 года начался рост пожертвований из Китая в пользу австралийских политических партий. В 2014 году при Сиднейском технологическом университете был создан Институт австралийско-китайских отношений, на создание которого один из китайских предпринимателей пожертвовал 1,8 млн долл¹⁶³. В 2017 году парламент страны не ратифицировал меморандум о взаимопонимании относительно китайского проекта «Один пояс – один путь». В том же году разразился скандал, связанный с получением взяток и выдачей чувствительной информации китайской стороне одним из высокопоставленных сенаторов от Лейбористской партии. Кроме того, Австралия ограничила иностранное участие в создании национальной сети пятого поколения (5G), а также напрямую запретила участие в этом проекте компаниям *Huawei* и *ZTE*.

Всё это послужило поводом для ужесточения позиции внутри Австралии по отношению к Китаю, особенно со стороны консерваторов. На этом фоне было принято законодательство, усиливающее наказание за шпионаж, подрывную деятельность и т.п. введены новые наказания за иностранное вмешательство и экономический шпионаж, а также создан реестр иностранных агентов¹⁶⁴.

¹⁶³ Medcalf R. Australia And China... P. 5.

¹⁶⁴ Ibid. P. 9.

Новая Зеландия

Среди статей экспорта Новой Зеландии в Китай преобладает продукция сельского хозяйства и лесной промышленности. По мнению экспертов, торговля с Новой Зеландией имеет для Китая меньшую стратегическую значимость по сравнению с торговлей с Австралией, поэтому она более уязвима перед экономическим давлением со стороны КНР¹⁶⁵. Как и Австралия, Новая Зеландия заключила с КНР соглашение о зоне свободной торговли, обладает статусом стратегического партнёра Китая, Пекин является её крупнейшим торговым партнёром. Новая Зеландия является первой развитой страной, которая одобрила вступление Китая в ВТО, признала Китай страной с рыночной экономикой, начала переговоры о создании зоны свободной торговли с КНР, стала сооснователем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, поддержала инициативу «Один пояс – один путь» (расхождение с позицией Австралии)¹⁶⁶. Начиная с 2017 года в Новой Зеландии также развернулась кампания по борьбе с влиянием Китая на внутреннюю политику страны. Так, согласно докладу политолога А.-М. Брэди, ряд политических деятелей, включая известного учёного и парламентария Ян Цзяна, действовали в интересах Китая. Ян Цзян обвинялся в сотрудничестве с китайскими спецслужбами и членстве в КПК. Кроме того, Китай обвинили в краже коммерческой интеллектуальной собственности, а компании Huawei отказали в участии в проектах, связанных с технологией 5G.

Океания

Несмотря на то, что островные государства Тихого океана не играют заметной роли в военной или экономической политике Китая, на рубеже XX и XXI веков Китай начал значительно наращивать своё влияние в Океании. В 2006 году состоялся первый в истории визит премьер-министра КНР в регион, когда Вэнь Цзябао посетил Фиджи для открытия Форума по экономическому развитию и сотрудничеству между Китаем и тихоокеанскими островными

¹⁶⁵ Köllner P. Australia and New Zealand recalibrate their China policies: convergence and divergence // The Pacific Review. 2021. Volume 34. Issue 3. P. 408.

¹⁶⁶ Ibid. P. 416.

государствами. Китай активно участвует в оказании странам региона финансовой помощи. Её объём с 2006 по 2016 год составил 1,781 млрд долл¹⁶⁷. Большинство стран региона обладает преимущественно рыбными и лесными ресурсами, которые уже успешно экспортируются в Китай. Единственной страной региона, имеющий потенциал развития экономического взаимодействия с КНР является Папуа-Новая Гвинея. В 2005 году правительство страны заключило с Китаем соглашение, дающее КНР право разведки и разработки новых способов добычи золота, меди, хромитов, магния и других полезных ископаемых¹⁶⁸. Кроме того, было заключено соглашение с компанией Sinores, о продаже ей 2 млн т сжиженного газа производства Папуа-Новой Гвинеи ежегодно. В стране имеется принадлежащее Китаю предприятие по производству никеля и кобальта, куда одна из китайских госкорпораций вложила около 1,4 млрд долл. Некоторые страны региона, такие как Папуа-Новая Гвинея и Вануату оказывают дипломатическую поддержку Китаю, в частности, в таких вопросах, как территориальные споры в Южно-Китайском море.

Прежде всего, регион имеет значение для Китая потому, что там находится значительное количество стран, поддерживающих дипломатические отношения с Тайванем как с независимым государством. Были случаи, когда страны региона переключались от дипотношений с Тайванем к КНР и обратно. Обычно причиной таких перемен являлись обещания различных экономических благ. Однако отсутствие дипломатических отношений не мешает развитию торговли вплоть до того, что КНР становится крупнейшим торговым партнёром стран, не имевших на тот момент официальных дипломатических отношений с ней, как произошло с Соломоновыми островами. Некоторые страны, также не имеющие дипотношений с КНР, такие как Палау, принимают большие потоки туристов из Китая¹⁶⁹.

Военного присутствия в Океании Китай не имеет. Единственный военный объект в регионе – наземная станция спутниковой связи на Кирибати – был демонтирован после прекращения дипломатических отношений между двумя

¹⁶⁷ Chinese Aid to the Pacific [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://chineseaidmap.lowyinstitute.org/> (10.10.2020)

¹⁶⁸ Wesley-Smith T. China's Rise in Oceania: Issues and Perspectives // Pacific Affairs. 2013. No. 2. P. 363.

¹⁶⁹ Zhang D. China's Diplomacy in the Pacific Interests, Means and Implications // Security Challenges. 2017. No. 2. P. 39.

странами в 2003 году¹⁷⁰. Лидирующие позиции по взаимодействию с регионом в военной сфере прочно удерживают США, Австралия, Новая Зеландия и Франция. Большинство островных государств Тихого океана не расположено в стратегически значимых районах или контролируется Соединёнными Штатами.

Выводы

Как видно из вышесказанного, растущее влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет военное измерение. Однако в его основе лежит не классическое стремление «проецировать силу», а намерение поддерживать экономический рост, устанавливая отношения со странами региона прежде всего, на основе взаимного экономического интереса. Даже китайские объекты, имеющие военное применение – это объекты двойного назначения, которые могут использоваться как государственными, так и негосударственными субъектами. Рост китайского военного присутствия в регионе обусловлен, прежде всего, интересами защиты своих капиталовложений от возможных угроз.

В международных отношениях Китай нацелен на установление многополярности и выступает за развитие отношений как с великими державами, так и с малыми странами, а также часто заявляет о своём стремлении избежать конфликтов и конфронтаций. Будучи к моменту окончания холодной войны державой, находящейся в международной изоляции, Китай смог преодолеть её благодаря созданию позитивного образа надёжного делового партнёра. Этот образ подкреплялся реальным ростом макроэкономических показателей, таких как объём ВВП, внешней торговли и инвестиций.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на официальную риторику, согласно которой Китай отказывается от экспансионизма и сфер влияния, присутствующую в доктринальных документах, на практике его действия приводят к противоположным результатам. Экономический рост КНР требует не только новых рынков сбыта для его товаров, но и вызывает спрос на природные ресурсы. Расширение сферы влияния КНР происходит за счёт проактивной позиции Китая,

¹⁷⁰ Ibid. P. 40.

который предлагает странам в АТР и за его пределами совместные экономические и геополитические проекты. Именно тиражирование позиции невмешательства во внутренние дела во-многом помогает Китаю приобрести значительное влияние, особенно в развивающихся странах. Наибольшее внимание привлекает инициатива «Один пояс – один путь» – крупнейший проект по расширению геополитического влияния Китая на своё ближайшее окружение, а также влиянию на мировую экономику. За счёт этого происходит дальнейшее вовлечение стран ближайшего окружения в орбиту интересов КНР.

Особое значение для Китая имело развитие отношений со странами АСЕАН, особенно на рубеже XX-XXI веков, так как это – территориально близкие экономически развитые страны с большими рынками сбыта. В результате страны АСЕАН стали частью большого числа производственных цепочек, завязанных на Китай. Особенно это касается электронного машиностроения.

Используя ряд методов, Китай старается установить непрямой контроль над развивающимися странами региона, стремясь наладить тесные связи в политической, экономической и оборонной сферах, в результате чего приобретает возможность изменять внешне- и внутривнутриполитические приоритеты этих стран в соответствии со своими интересами. За счёт приоритизации двусторонних отношений со своими партнёрами, связи между ними оказываются недоразвитыми и замкнутыми на Китай. Кроме того, страны, рассчитывающие на тесное сотрудничество с Китаем, должны проявлять уважение к его национальным интересам, придерживаться политики «одного Китая», воздерживаться от критики действий китайских властей в Тибете и Синцзяне и т.д. Китай нередко пользуется влиянием среди развивающихся стран в своих целях.

Китай активно придаёт своим внутривнутриполитическим концепциям, таким как «Великое возрождение китайской нации» и «китайская мечта» внешнеполитическое содержание, заключающееся, например, в обязательстве поддержки китайских общин за рубежом.

Кроме того, от активного участия в существующих региональных международных организациях Китай перешёл к созданию собственных институтов, таких как проект «Один пояс – один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а также организации международных мероприятий на своей территории. Китай также предлагает свою идеологическую повестку международного сотрудничества, в основе которого лежит идея мирного сосуществования стран, каждая из которых может выбирать свой уникальный путь развития. Таким образом КНР укрепляет свой статус одного из мировых лидеров, а также имеет непосредственное влияние на повестку дня и состав участников данных форумов, в чём проявляется стремление Китая направлять международное сообщество в выгодную для себя сторону.

Издержки политики вовлечения стран АТР в орбиту интересов КНР приводит к возникновению конфликтогенных зон, каждая из которых имеет свой исторический бэкграунд. Одновременно с экономическим ростом происходил и рост военного потенциала Китая, который изначально не афишировался. Растущая военная мощь Китая позволяет ему добиться результатов во внешнеполитической сфере. Так, мнение международного сообщества относительно конфликтов Китая со своими соседями (страны Южно-Китайского моря, Япония, Тайвань) игнорируется Пекином, и оказать на него влияние по этим вопросам практически невозможно. Однако, если Китаю противостоит сильный соперник в военном отношении, такой как Япония, ситуация в зоне потенциального конфликта оказывается более стабильной, чем, например, в Южно-Китайском море, где страны-претенденты на спорные территории обладают слабым военным потенциалом. Также следует отметить, что Южно-Китайское море имеет для КНР большее значение, чем Восточно-Китайское, поскольку через ЮКМ проходят маршруты доставки грузов и энергоносителей. Также Южно-Китайское море является буфером, защищающим Китай от агрессии с Юга и Юго-Востока. Поэтому Южно-Китайское море превращается КНР в военный плацдарм. В отличие от конфликта в Восточно-Китайском море, наступающей стороной является Китай, а не противоположная сторона. В частности, китайские корабли

осуществляют регулярное патрулирование вод в районе островов Сенкаку/Дяоюйдао. В Южно-Китайском море за счёт создания искусственных участков суши и строительства на них военных объектов Пекину удалось создать ситуацию, позволяющую на практическом уровне игнорировать любые действия других претендентов в спорных водах и позволяющую выступать с сильных переговорных позиций. Также огромное значения для Китая в плане расширения своего военного влияния имеет Индийский океан, который является как буферной зоной, так и зоной, по которой проходят маршруты движения товаров и природных ресурсов. Когда военная безопасность Китая оказывается под угрозой (как в случае с размещением комплекса THAAD в Южной Корее), Китай не гнушается прибегать к жёстким пунитивным экономическим и политическим мерам, а также к открытой демонстрации силы (например, направления в Тайваньский пролив военных кораблей, включая авианосец, и самолётов). Таким образом, Китай выражает готовность принимать на себя определённые военные риски, за исключением действий, которые могли бы привести к прямому конфликту с США. Одновременно с этим происходит изменение внешнеполитической идеологии Китая, которое характеризуется ростом национализма и паназиатского мировоззрения.

Отдельно стоит отметить усиление активности Китая на море, особенно в западной части Тихого океана. Это приводит к конфликтам со странами, также претендующими на спорные акватории, а также с Соединёнными Штатами, заявляющими, что действия Китая ограничивают свободу судоходства. Однако остаётся неясным, что именно несёт в себе бóльшую угрозу безопасности в АТР – действия Китая по расширению своей сферы влияния или усиление китайско-американского соперничества за первенство в регионе. Кроме того, происходит усиление присутствия Китая в Пакистане и Африканском роге, что связано с необходимостью защиты морских транспортных линий.

Основное опасение со стороны США и их союзников связано с тем, что рост влияния Китая в регионе приведёт к изменению правил поведения и архитектуры международных институтов, которая лучше всего отвечает их интересам. Здесь

проявляется и идеологическое противоречие между США и Китаем относительно желательного устройства миропорядка, где США стремятся к сохранению своего первенства, а КНР выступает за многополярность и дисперсию влияния на несколько центров силы. Одновременно с этим упомянутые страны осознают растущую степень экономической взаимозависимости с Китаем, что вызывает у них серьёзную озабоченность. В свою очередь, расширение сферы влияния КНР приводит к ответным действиям США, таким как стратегия «разворота в Азию», которые стремятся сохранить своё доминирование в регионе. Стоит отметить, что после того, как стали усиливаться противоречия между Китаем и США, на стороне США выступили союзники последних в АТР, прежде всего, англосаксонские страны.

2.2. Рост военной мощи КНР*

В конце 1970-х – начале 1980-х годов Китай претерпел серьёзные экономические и политические изменения. Неудачи политики «большого скачка» и «культурной революции» серьёзно подорвали легитимность Коммунистической партии. «Начиная с 1978 года реформы, проводившиеся под руководством Дэн Сяопина, имели целью «переоформление» общественного договора с китайским обществом, который стал бы новой основой легитимности КПК. Его основой стало повышение уровня граждан и обеспечение внутренней стабильности. Это включало, среди прочего, поощрение частной инициативы, развитие промышленности, науки и финансового сектора»¹⁷¹. В духе этого парадигмального сдвига представление руководства страны о роли Китая в мире, а вместе с этим и его представление о задачах обеспечения национальной безопасности и военного планирования также изменилось. В своей монографии, посвящённой Китаю, Г. Киссинджер отмечает, что внешняя политика страны этого периода больше напоминала курс Бисмарка, нежели Мао Цзэдуна¹⁷². Перенимая опыт военно-

*Текст данного параграфа основан на исследовании, ранее опубликованном автором. См.: Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).

¹⁷¹ Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).

¹⁷² Kissinger H. On China. New York, New York: Penguin Books, 2012. P. 463

технической и военно-стратегической мысли других стран и учитывая особенности участия в военных конфликтах других стран, в частности США, Китай столкнулся с необходимостью модернизации своих вооружённых сил. К началу второго десятилетия XXI века перед Народно-освободительной армией Китая (НОАК) встала задача обеспечить превосходство КНР в прилегающих морях, а также добиться статуса равноправного игрока в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

До 1986 г. в основе китайской военной доктрины лежала концепция "народной войны", сформулированная Мао Цзэдуном. Она подразумевала неизбежность новой мировой войны, частью которой должна была стать агрессия империалистических держав против Китая. «Для борьбы с ней предлагалось использовать многочисленные как регулярные, так и нерегулярные вооружённые формирования из лояльных партии солдат, которые, пользуясь технически несовершенным вооружением, должны были втянуть войска противника в затяжную кампанию в глубине территории материкового Китая и таким образом измотать потенциального противника»¹⁷³. Крайне ограниченное внимание уделялось возможным военным действиям на море и в воздухе¹⁷⁴. Серьёзные недостатки состояния Народно-освободительной армии Китая в полной мере проявились во время китайско-вьетнамской войны 1979 г., в которой за месяц конфликта Китай потерял около 20 тыс. солдат, полагаясь почти полностью на плохо оснащённые сухопутные войска.

Дэн Сяопин заявил об отходе от прежних принципов провозгласил, заявив о необходимости развития военного потенциала страны в отсутствии крупных конфликтов. «Стала очевидной необходимость военной реформы с учётом реалий современного вооружённого конфликта, в котором необходимы компактные, манёвренные и гармонично развитые сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, способные к скоординированным совместным действиям, укомплектованные современным вооружением и предназначенные, прежде всего,

¹⁷³ Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).

¹⁷⁴ Каменнов П.Б. 2008. Указ. соч. С. 68. Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

для участия в локальных конфликтах»¹⁷⁵. В результате военный потенциал Китая получил возможность гармонично развиваться одновременно с ростом экономики и гражданской промышленности. Но на практике это произошло не сразу. Несмотря на значительный рост экономики, до середины 1990-х годов расходы Китая на оборону росли очень медленно. НОАК пыталась перейти к частичной самокупаемости, зачастую занимаясь необычной для себя деятельностью.

Изменению ситуации во многом способствовал так называемый Третий кризис в Тайваньском проливе. В 1995 и 1996 годах Китай осуществил испытания баллистических ракет малой дальности в водах недалеко от Тайваня. Это действие было направлено на то, чтобы запугать тогдашнее руководство Тайваня во главе с президентом Ли Дэнхуэем, действия которого рассматривались как отход от политики «одного Китая» и курс на чрезмерное сближение с Соединёнными Штатами. В ответ на запуски ракет администрация Клинтона решила направить две авианосные ударные группы в Тайваньский пролив. Руководители Китая убедились в том, что не могут каким-либо образом остановить американское военное вмешательство в потенциальное обострение китайско-тайваньских отношений. С 1998 года военный бюджет КНР начал расти в среднем примерно на 15% в год¹⁷⁶. Ежегодные темпы роста военных расходов немного замедлились в 2016 году по сравнению с 2015 годом и с тех пор составляют примерно 7% в год¹⁷⁷.

Операция ВС США по свержению режима Саддама Хусейна в Ираке продемонстрировала боевые возможности хорошо оснащённой армии XXI века, а именно: способность к эффективному сбору разведанных при помощи небольших подразделений и использования новых технологий; скорость прибытия военных частей на ТВД (в 2 раза быстрее, чем во время первой кампании в Персидском заливе); массированное применение высокоточного оружия; широкое применение

¹⁷⁵ Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).

¹⁷⁶ Military expenditure by country, in constant (2016) US\$ m., 1988-2017, SIPRI [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/1_Data%20for%20all%20countries%20from%201988-2017%20in%20constant%20%282016%29%20USD.pdf (06.10.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁷⁷ The Military Balance: The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. The International Institute for Strategic Studies, 2018. P. 235. Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

ВВС против наземных сил противника, что позволило сократить сухопутный контингент, участвовавший в операции¹⁷⁸. Всё это позволило проводить быстрые одновременные операции. За этими событиями активно наблюдали в мире, в том числе и в КНР. Успех был достигнут во многом из-за трансформации вооружённых сил и отходу от некоторых организационных принципов времён холодной войны. Сюда можно отнести, в частности, введение бригад, не входящих на постоянной основе в состав какой-либо одной дивизии, а объединяющихся в зависимости от необходимости. Кроме того, были активно задействованы спутниковые технологии. Всё это послужило примером для трансформации вооружённых сил КНР.

Основой новой концепции военного строительства Китая стала стратегия активной обороны, то есть готовность защищаться от нападения и готовность дать отпор в случае агрессии. В то же время стратегия предполагает такие характеристики, как: готовность вооружённых сил перехватывать и удерживать инициативу без попыток захвата территории; активное маневрирование в условиях локальной войны с использованием высоких технологий; создание благоприятной внешней обстановки в сфере безопасности; способность в короткие сроки перевести страну на военное положение; разработка мер по предотвращению и прекращению конфликта¹⁷⁹. «В случае столкновения с гораздо более сильным в военном отношении противником китайские вооружённые силы должны получить локальное военное преимущество и попытаться завершить конфликт до того, как противник введёт в бой свои основные силы»¹⁸⁰. Большое значение уделяется получению информационного преимущества над противником, что ставит перед ВС задачу уничтожения систем обнаружения, вычислительных систем и систем связи противника. Это может быть достигнуто с помощью физического уничтожения, средств радиоэлектронной борьбы или вредоносного ПО¹⁸¹. Во

¹⁷⁸ East Asian Strategic Review 2005. National Institute for Defense Studies, 2005. P. 196 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2005.html> (20.08.2022)

¹⁷⁹ Каменнов П.Б. 2008. Указ. соч. С. 72-73. Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁸⁰ Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).

¹⁸¹ Там же. С. 24

время председательства Ху Цзиньтао в военной доктрине Китая появился новый элемент – «невоенные действия вооружённых сил». Одной из «исторических миссий» НОАК Ху Цзиньтао назвал «поддержание мира во всём мире и содействие всеобщему развитию»¹⁸². Это заявление совпало с началом широкомасштабной миротворческой деятельности вооружённых сил Китая.

В связи со сменой приоритетов частью военной реформы стало сокращение личного состава вооружённых сил, в особенности сухопутных войск, конверсия военных предприятий, переоборудование объектов военной инфраструктуры, особенно в центральных районах страны, для гражданских нужд. Наряду с этим начался процесс сокращения штата военно-административных органов, сокращение числа военных округов, вывод вспомогательных и специальных формирований (железнодорожных, инженерных, пограничных, территориальных и др.) из структуры вооружённых сил. «К 1991 г. численность Народно-освободительной армии Китая была сокращена с 4,5 млн до 3 млн человек, в 2012 г. составляла 2,285 млн человек. В 2015 г. была поставлена задача сокращения личного состава НОАК ещё на 300 тыс. человек»¹⁸³. Одной из целей сокращений является изменение пропорций численности личного состава различных видов ВС. Предполагается увеличить долю военнослужащих ВВС и ВМС и снизить численность сухопутных войск до менее 50% общей численности НОАК.

В 2001 г., во время председательства Цзян Цзэминя, была предложена стратегия развития военно-промышленного потенциала и модернизации вооружённых сил, которая должна была пройти три этапа: создание основ преобразований (до 2010 г.), достижение уровня сильнейших вооружённых сил в Азии (до 2020 г.), достижение уровня развития вооружённых сил передовых стран (до 2049 г.)¹⁸⁴.

¹⁸² Там же. С. 29.

¹⁸³ Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).

¹⁸⁴ Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты. РСМД, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie-i-organizatsionno-upravlencheskie-aspekt/> (11.11.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

В 2006 г. при Ху Цзиньтао была принята дополнительная программа военной реформы. В её основу были положены следующие компоненты: 1) переход от механизации войск к информатизации, повышение эффективности взаимодействия различных видов и родов вооружённых сил, приоритет развития стратегических ядерных сил, военно-морских и военно-воздушных сил; 2) использование научно-технических достижений, подготовка высококвалифицированных кадров, повышения эффективности использования военных расходов; 3) повышение гибкости и оперативности НОАК за счёт оптимизации её организационной структуры; 4) повышение боеготовности вооружённых сил, проведение большего количества учений и тренировочных мероприятий в различных условиях; 5) осуществление международного военного сотрудничества, участие в миротворческих операциях, антитеррористических мероприятиях, международных учениях¹⁸⁵.

В настоящее время в КНР действует программа реформирования вооружённых сил, предложенная Си Цзиньпином в 2015 г. Она напрямую проистекает из идеи председателя КНР о великом возрождении китайской нации и связана с построением социализма с китайской спецификой. «В основе программы лежит проведённый китайскими экспертами тщательный анализ программ военного строительства различных стран мира в разные исторические периоды, а также трудов иностранных специалистов, занимающихся исследованием этих проблем»¹⁸⁶. Особое внимание было уделено изучению так называемой революции в военном деле и анализу «Третьей стратегии компенсации» (*Third Offset Strategy*), разработанной Министерством обороны США¹⁸⁷.

Военная стратегия КНР 2015 г. ставит перед вооружёнными силами страны следующие «стратегические задачи»: защита суверенитета и безопасности наземной, воздушной и морской территории Китая; защита территориальной целостности; защита интересов Китая в новых средах (космос, киберпространство);

¹⁸⁵ Каменнов П.Б. 2008. Указ. соч. С. 224.

¹⁸⁶ Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁸⁷ Кокошин А.А. 2017. Указ. соч. С. 2.

защита интересов Китая за рубежом; поддержание стратегического сдерживания и возможности нанести ответный ядерный удар; участие в региональном и международном сотрудничестве в области безопасности, поддержание регионального и глобального мира; борьба с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом для поддержания политической безопасности и социальной стабильности Китая; проведение аварийно-спасательных работ, оказание помощи в случае стихийных бедствий, защита прав и интересов, поддержка экономического и социального развития страны¹⁸⁸.

Основная цель нынешнего этапа реформы – механизация и информатизация вооружённых сил Китая. На XIX съезде КПК в 2017 г. Си Цзиньпин заявил, что к 2035 г. Китай должен войти в число ведущих инновационных стран. В то же время планируется «к 2035 г. в основном осуществить модернизацию национальной обороны и армии, а к середине нынешнего века полностью превратить народную армию Китая в вооружённые силы передового мирового уровня»¹⁸⁹.

Система управления вооружёнными силами страны также претерпела преобразования. «В 1983 г. был создан Центральный военный совет КНР, выполняющий параллельно с Военным советом ЦК КПК функции высшего государственного органа по управлению вооружёнными силами страны. Таким образом осуществляется параллельное руководство вооружёнными силами со стороны партии и государства. Члены ВС ЦК КПК избираются на пленуме ЦК партии, а члены Центрального военного совета – на заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей»¹⁹⁰. По мнению экспертов, одной из причин создания ЦВС является необходимость страховки на случай чрезвычайной ситуации, когда эффективность партийных механизмов будет поставлена под сомнение. Четыре главных управления НОАК: Генеральный

¹⁸⁸ China's Military Strategy (2015). The State Council Information Office of the People's Republic of China, May 2015. Р. 9 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/07/China's-Military-Strategy-2015.pdf> (22.10.2019). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁸⁹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (05.10.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁹⁰ Степанов А.С. Рост военной мощи...

штаб, Главное политическое управление, Главное управление тыла и Главное управление вооружений были разделены на 15 отдельных структур. В рамках ЦВС был создан ряд новых структур. Управление политической работы ЦВС занимается вопросами партийного строительства в вооружённых силах, политической подготовкой личного состава НОАК, обеспечением руководящей роли партии, управлением человеческими ресурсами в вооружённых силах. Объединённый штаб (аналог Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации) занимается оперативно-стратегическим планированием и объединённым управлением войсками. Он больше не занимается тыловым обеспечением, мобилизацией, его хозяйственно-административные функции сведены к минимуму, из его подчинения выведен ряд учебных заведений¹⁹¹. «Ключевое значение для модернизации вооружения НОАК имеют Управление разработки вооружений и Комитет по науке и технике. Управление разработки вооружений во многом перенимает опыт Управления перспективных исследовательских проектов Минобороны США (DARPA), особенно в том, что касается взаимодействия с гражданскими компаниями и университетами»¹⁹².

Вместо семи военных округов были созданы пять объединённых зон боевого командования видов вооружённых сил: Северная, Южная, Западная, Восточная и Центральная.

Виды вооружённых сил в Китае не выполняют задачи оперативного управления войсками, эти вопросы находятся в ведении Объединённого штаба, Объединённого операционного командного центра ЦВС и объединённых зон боевого командования. Вместо этого они несут ответственность за военное строительство и обучение военнослужащих. За время пребывания у власти Си Цзиньпина были созданы два новых вида вооружённых сил. В феврале 2016 г. на базе Второго артиллерийского корпуса были образованы Ракетные войска КНР, в декабре 2015 г. – Войска стратегической поддержки. В состав последних вошли ведомства, находившиеся в подчинении Генерального штаба, занимавшиеся

¹⁹¹ Кокошин А.А. 2017. Указ. соч. С. 9.

¹⁹² Степанов А.С. Рост военной мощи...

разведкой, сетевыми операциями и операциями в киберпространстве. Кроме того, в ведении этих войск находятся военно-космическая деятельность Китая и средства радиоэлектронной борьбы. Они также занимаются защитой критической информационной инфраструктуры. 31 декабря 2015 г. был создан штаб Сухопутных войск НОАК, ранее руководство этим видом вооружённых сил, который считался основным, осуществлял непосредственно Генеральный штаб.

«Одной из главных инициатив реформирования военно-промышленного комплекса КНР за последнее время стала попытка реорганизации структуры собственности государственных учреждений, занимающихся оборонными исследованиями с тем, чтобы их акциями можно было торговать на бирже, что должно способствовать привлечению капитала»¹⁹³. Такую же задачу выполняют инвестиционные фонды, созданные рядом государственных и частных компаний. Кроме того, было предложено создать несколько инновационных центров оборонных исследований, которые служили бы локомотивами для продвижения передовых исследований и разработок в своих отраслях. К 2017 г. было создано 10 таких центров, наиболее важные из которых задействованы в ракетном, военно-морском и авиационном секторах¹⁹⁴.

В 2015 г. одним из оборонных приоритетов было провозглашено развитие военно-гражданского взаимодействия. Этим процессом руководит Центральная комиссия по комплексному военному и гражданскому развитию. Наиболее плодотворное сотрудничество осуществляется в таких областях, как развитие инфраструктуры, закупка военного оборудования, подготовка личного состава, логистика, мобилизация военных ресурсов¹⁹⁵.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в результате преобразования вооружённых сил, НОАК продолжает отставать от передовых

¹⁹³ Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁹⁴ The Military Balance: The Annual Assessment... P. 234.

¹⁹⁵ Ibid.

армий мира по уровню информатизации, техническому оснащению и мобильности войск, а также уровню подготовки личного состава¹⁹⁶.

Китаю необходимо наращивать военную мощь в первую очередь для защиты своих интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай должен обеспечить себе доступ к морским торговым путям, а также природным ресурсам Южно-Китайского моря для дальнейшего экономического развития. С 2015 г. Китайская народная республика приостановила создание искусственных участков суши, но продолжила строительство инфраструктуры (аэродромов, причалов, линий коммуникаций, казарм, административных зданий и пр.). Наиболее активно оно ведётся на рифах Юншудао (Огненный крест), Мисчиф и Суби в составе архипелага Спратли. «Предположительно застройка островов осуществляется с целью превратить их в базы поддержки ВВС и ВМС в ходе китайских военных операций в пределах первой и второй островной цепи, однако обеспечивать постоянное присутствие крупных соединений объекты не в состоянии»¹⁹⁷. По некоторым данным Китай планирует обеспечить бесперебойное энергоснабжение островов за счёт плавучей атомной электростанции, что значительно осложнит ситуацию в регионе¹⁹⁸. Все страны, оспаривающие право Пекина на Южно-Китайское море, являются союзниками или партнёрами США в сфере безопасности, что даёт Вашингтону основания для наращивания своего военного потенциала в регионе.

Принципиально важным обоснованием развития военного потенциала Китая является необходимость предусматривать возможность обострения ситуации в Тайваньском проливе. В законе КНР "О противодействии расколу страны" 2005 г. говорится о возможности использования "немирных способов" для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая¹⁹⁹, для чего происходит

¹⁹⁶ Каменнов П.Б. 2008. Указ. соч. С. 122.

¹⁹⁷ Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁹⁸ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018. Office of the Secretary of Defense, 2018. P. 17 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (22.10.2021). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

¹⁹⁹ Каменнов П.Б. 2008. Указ. соч. С. 55.

наращивание военной группировки в Нанкинском военном округе, проводятся во многом носящие демонстративный характер учения, на которых отрабатываются сценарии силового разрешения тайваньского вопроса. Следует отметить, что успех реализации этих сценариев во многом зависит от того, насколько успешно Китай сможет предотвратить вмешательство в конфликт вооружённых сил других стран, в первую очередь США, что требует развития ракетного, а также противоракетного потенциала и противовоздушной обороны.

В XXI столетие китайские сухопутные войска вошли вооружённые устаревшей военной техникой, они обладали низкой степенью механизированности и мобильности, основу их составляла лёгкая пехота и бронетехника. «Большую часть китайских танков составляли машины Тип 59 (Type 59) – модификация советского Т-54, устаревшего уже к 80-м годам прошлого века, и во многом схожие с ним Тип 79 и Тип 88. Только 10% китайской артиллерии представляли собой самоходные артиллерийские установки»²⁰⁰. Эксперты отмечали недостаточное количество боевых бронированных машин, большинство из которых составляли бронетранспортёры, а боевые машины пехоты были представлены *Wz 501* – нелицензионными копиями советской БМП-1. Существовал существенный дефицит армейских вертолёт, из которых вооружение несли только многоцелевые вертолёты *Harbin Z-9*²⁰¹. Со временем доля современных танков в танковом парке увеличилась. К 2010 г. доля моделей Тип 96, Тип 98 и Тип 99 составляла около 28%. К 2017 г. их доля приблизилась к 50%²⁰². «Несмотря на тенденцию к увеличению доли танков третьего поколения и сокращению доли танков первого и второго, Тип 59 и его модификации по-прежнему составляют около 42% общей численности танкового парка. Новейшие танки третьего поколения Тип 99 производятся в ограниченном объёме и размещены в резервных подразделениях, танки второго поколения, и так немногочисленные, подлежат сокращению и, возможно, будут сняты с

²⁰⁰ Степанов А.С. Рост военной мощи...

²⁰¹ Там же. С. 61-63.

²⁰² The Military Balance: The Annual Assessment... P. 24.

вооружения»²⁰³. В настоящее время Китай занимает первое место в мире по числу боевых танков в вооружённых силах. Помимо танков на вооружение поступили самоходные гаубицы *PLZ-05* и *PLZ-07*. Стали использоваться новые виды амуниции, такие как активно-реактивные снаряды, снаряды с лазерным наведением и др. Среди БМП появились такие машины, как *ZBD-03*, *ZBD-04*, *ZBD-05*, предназначенные для проведения десантных операций. На вооружении сухопутных войск появился ударный вертолёт китайского производства *CAIC WZ-10*, созданный на основе российских конструкторских разработок, увеличилась общая численность вертолётов.

Китайским военно-морским силам отводится особое место в военном планировании. Они играют важную роль в концепции активной обороны – в случае агрессии или обострения ситуации в Тайваньском проливе или Южно-Китайском море они должны обеспечить господство внутри так называемой первой цепи островов с целью постепенного захвата контроля над территорией между первой и второй цепями. Перед китайскими военно-морскими силами также стоит задача защиты морских торговых путей и коммуникаций, важных для Китая²⁰⁴. В начале XXI века надводные корабли в военно-морском флоте были представлены только эсминцами и фрегатами. «Ни один из надводных кораблей не был укомплектован зенитными управляемыми ракетами дальнего радиуса действия, большинство кораблей вообще не имели таких ракет на борту. Из китайского подводного флота только несколько (около пяти) субмарин могли быть признаны современными и относительно бесшумными: проект 636 «Варшавянка» и Тип 039 – первая разработанная в Китае подлодка»²⁰⁵. Значительную часть подводного флота составляли устаревшие и шумные дизель-электрические подлодки, имевшие только торпедное вооружение или противокорабельные ракеты малой дальности. За период с начала XXI века, Китай продемонстрировал качественный скачок в развитии военного судостроения. С начала века на семи судостроительных верфях

²⁰³ Степанов А.С. Рост военной мощи...

²⁰⁴ Кокошин А.А. 2017. Указ. соч. С. 5.

²⁰⁵ Степанов А.С. Рост военной мощи...

Китай было построено больше кораблей, чем у его основных региональных конкурентов – Японии, Индии и Южной Кореи вместе взятых. Количество китайских надводных кораблей и подводных лодок за период с 2000 по 2020 гг. выросло с 110 до 360 единиц, что больше, чем у США по количеству, но не по водоизмещению²⁰⁶. Приоритет был отдан многоцелевым военным кораблям, вооружённым современным противокорабельным, противолодочным и противовоздушным оружием с улучшенными системами обнаружения и защиты от обнаружения. В результате усилий по модернизации вооружённых сил ряды ВМФ пополнили эсминцы типа *052B*, *052C* и *052D*, впервые в истории китайского флота несущие на борту современные системы ПВО – Бук *М1-2* и *HHQ-9* (аналогов российского С-300Ф). Противокорабельное вооружение *052C* представлено крылатыми ракетами *YJ-62* дальностью стрельбы до 222 км. Тип *052D* несёт на борту новейшие ракеты *YJ-18* дальностью действия до 540 км. Некоторые новые и модернизированные эсминцы укомплектованы сверхзвуковыми ПКР *YJ-12* или российскими ракетами «Калибр». Большинство других кораблей этого класса оснащены ракетами *YJ-83* дальностью 120 км²⁰⁷. «Были приняты на вооружение новые классы фрегатов: тип 054 и тип 054А, впервые в китайских ВС укомплектованные противолодочными торпедами и вооружённые зенитными ракетами *HQ-16*. С 2013 г. на вооружение принимаются ракетные малозаметные корветы типа 056 и 056А, вооружённые противокорабельными ракетами *YJ-83*, которые обладают также противолодочными средствами»²⁰⁸. Кроме того, в составе ВМФ появились корабли малого водоизмещения – ракетные катамараны класса «Хубэй» (проект 022). Они отличаются высокой скоростью и малозаметностью, вооружены противокорабельными крылатыми ракетами *YJ-82* и предназначены для ведения боевых действий в составе больших групп. В 2012 г. был спущен на воду первый китайский авианосец "Ляонин". В 2017 г. был спущен на воду второй авианосец, проекта 001А, первый полностью построенный в Китае. В 2018 г. завершилось строительство четырёх малозаметных ракетных эсминцев типа 055,

²⁰⁶ Рогов С.М. Указ. соч. С. 9.

²⁰⁷ Annual Report to Congress: Military and Security Developments..., 2018. P. 30.

²⁰⁸ Степанов А.С. Рост военной мощи...

самых крупных надводных кораблей китайского флота²⁰⁹. По водоизмещению они уступают только американским эсминцам типа Замволт (*Zumwalt*). Они вооружены противокорабельными крылатыми ракетами *YJ-18*. С 2007 г. на вооружении ВМФ Китая находятся десантные корабли типа 071, способные нести на борту вертолёт и современные десантные катера на воздушной подушке. Подводный флот также постепенно модернизировался. С 2000 по 2017 г. было построено 28 дизель-электрических ударных, 6 атомных торпедных (типа 093, 093А) и 4 атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (типа 094)²¹⁰. «Подводные лодки проекта 091 стали заменяться на модели типа 093 "Шань", которые отличаются большей скоростью и надёжностью. Увеличивалось количество подлодок типа 039. Подлодки типа 094, вооружённые БРПЛ JL-2, стали основой китайского подводного потенциала ядерного сдерживания. На стадии разработки находится ПЛАРБ типа 096, способная нести новейшие БРПЛ JL-3»²¹¹. В.И. Есин в контексте китайских ПЛАРБ отмечает интересную деталь: согласно китайской военной доктрине, все ядерные боеприпасы содержатся в неразвёрнутом состоянии. Однако боевое патрулирование ПЛАРБ с баллистическими ракетами, отстыкованными от головных частей не имеет смысла, поскольку такая подлодка не сможет решать свои боевые задачи²¹². Возможно поэтому не было замечено фактов патрулирования подводных лодок типа 094 и новее. Разрабатывается атомная торпедная подводная лодка типа 093В. Авиация ВМФ Китая к началу XXI века состояла из копий советских бомбардировщиков Ту-16, Ил-28, истребителей МиГ-19, МиГ-21, нескольких истребителей-бомбардировщиков *Xian JH-7* китайского производства, нескольких патрульных самолётов *Shaanxi Y-8*. Впоследствии у России были закуплены специально разработанные для Китая Су-30МКК. Увеличивалось количество современных истребителей-бомбардировщиков *Xian JH-7*, тяжёлых бомбардировщиков *Xian H-6*.

²⁰⁹ China's New Type 055 Guided Missile Destroyer Begins Sea Trials // The Diplomat, August 28, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/08/chinas-new-type-055-guided-missile-destroyer-begins-sea-trials/> (28.09.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

²¹⁰ The Military Balance: The Annual Assessment... Р. 25.

²¹¹ Степанов А.С. Рост военной мощи...

²¹² Есин В.И. Ядерные силы КНР: состояние и перспективы развития // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760010387-2-1/> (12.04.2021)

С 2017 г. началось увеличение численности морской пехоты КНР. Ранее она состояла из двух бригад численностью около 10 тыс. человек. Зона её ответственности была ограничена островами Южно-Китайского моря. К 2020 г. планировалось расширение её состава до 30 тыс. человек (7 бригад), а в число задач теперь входят экспедиционные операции за рубежом²¹³.

«Китай обладает значительным по численности флотом кораблей береговой охраны – 1275 единиц, 225 из которых могут действовать за пределами прибрежной зоны. В их числе два крупнейших в мире катера береговой охраны класса «Жаотоу»²¹⁴. В ходе модернизации Китай заменил почти все устаревшие крупные патрульные корабли. Многие новые корабли оснащены водяными пушками, вертолётными площадками и аппаратами для быстрого спуска катеров-перехватчиков²¹⁵.

Совместно с береговой охраной зачастую действует «морское ополчение» Китая, состоящее в том числе из рыболовецких судов, танкеров и пр. В последнее время оно приобрело известность благодаря своим действиям во время конфликта с Филиппинами у рифа Скарборо в 2012 г. и инцидента с Вьетнамом из-за китайской буровой платформы *HYSY-981* в 2014 году.

К началу XXI века ВВС КНР также были устаревшими за исключением нескольких истребителей Су-27 и Су-30 российского производства. На вооружении ВВС Китая не было ни одного тяжёлого бомбардировщика или малозаметного самолёта. Высокоточное оружие также не использовалось. Однако в первом десятилетии этого века ситуация сильно поменялась. «На вооружение поступило около 150 истребителей четвёртого поколения Chengdu J-10 китайского производства, а также Су-27 китайской сборки или его лицензионного варианта Shenyang J-11, также возросло количество закупленных у России Су-30»²¹⁶. Кроме

²¹³ Annual Report to Congress: Military and Security Developments... P. 28.

²¹⁴ Степанов А.С. Рост военной мощи...

²¹⁵ Erickson A. Numbers Matter: China's Three 'Navies' Each Have the World's Most Ships // The National Interest, February 26, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/numbers-matter-chinas-three-navies-each-have-the-worlds-most-24653?page=0%2C2> (26.09.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

²¹⁶ Степанов А.С. Рост военной мощи...

того, потенциальная дальность действия этих истребителей была расширена за счёт закупки топливозаправщиков Ил-78 у Украины²¹⁷. В начале 2017 г. на вооружение поступил китайский истребитель пятого поколения *Chengdu J-20*. В настоящее время продолжаются испытания ещё одного истребителя пятого поколения – *Shenyang J-31*. Препятствием в этой связи является недостаток компонентов для производства этих самолётов, включая двигатели и радары²¹⁸. За последнее время НОАК добилась значительного прогресса в разработке ракет класса "воздух-воздух". В 2015 г. ВВС КНР приняли на вооружение управляемую ракету малой дальности "пятого поколения" *PL-10* для ближнего маневренного боя, предназначенную для истребителей *J-10*, *J-20*, *J-11* и *J-16*. Также в 2018 г. была принята на вооружение ракета «воздух-поверхность» *CJ-20*, предназначенная для бомбардировщика Н-6К. Её дальность позволяет наносить удары в том числе по о. Гуам²¹⁹. Разрабатываются ракеты увеличенной дальности *PL-15* и сверхдальней ракеты с радиусом действия более 400 км. «Парк военно-транспортных самолётов Китая, состоявший из российских Ил-76, пополняется за счёт первого китайского тяжёлого военно-транспортного самолёта *Y-20*. Завершаются испытания гидросамолёта *AG-600*, который может использоваться в том числе и для морского патрулирования»²²⁰. В настоящее время ВВС Китая занимают третье место в мире по количеству пилотируемых самолётов (более 2700, включая 2000 боевых, около 600 из которых истребители четвёртого поколения)²²¹.

Потенциал противовоздушной обороны НОАК дальнего радиуса действия в начале XXI века состоял в основном из аналогов советских ЗРК С-75 «Десна», имелись в наличии и закупленные у России С-300. ЗРК ближнего радиуса действия были представлены, в основном копиями французского комплекса *Crotale*, а также российскими ЗРК «Тор». Впоследствии ряды средств ПВО дополнили

²¹⁷ Батюк В.И. Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 5. С. 25.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же. С. 24.

²²⁰ Степанов А.С. Рост военной мощи...

²²¹ Annual Report to Congress: Military and Security Developments...2018. P. 33.

разработанные в Китае ЗРК *HQ-12* и комплексы ПРО *HQ-9*, были приобретены усовершенствованные версии *C-300 – C300ПМУ-2*, а затем и *C-400*.

Довольно значительным к началу века был китайский арсенал неядерных баллистических ракет меньшей дальности, представленный мобильными ракетами наземного базирования малой дальности *DF-11* и *DF-15* (дальность – 300 и 600 км соответственно) в количестве от 150 до 200 единиц каждого типа. Фактор мобильности значительно повышает их выживаемость из-за трудностей с отслеживанием и нанесением превентивного удара. Баллистические ракеты могут оснащаться как обычным вооружением, так и ядерными боеголовками. Нарращивание этого вида вооружений шло по пути увеличения не только количества баллистических ракет, но и их дальности, и точности. Так были разработаны модификации упомянутых ракет *DF-11A/B*, *DF-15A/B* с дальностью до 700 и 900 км соответственно, а также ракета *DF-16* с дальностью до 1000 км²²². К началу второго десятилетия XXI века на вооружение поступили десятки ракет средней дальности *DF-21C* (дальность - 1600-1700 км), были завершены разработки противокорабельной ракеты *DF-21D* дальностью до 2000 км. В 2015 г. общественности была продемонстрирована мобильная ракета двойного назначения *DF-26* предположительной дальностью более 3000 км, способная достичь американских военных объектов на о. Гуам²²³. «По оценке экспертов, неядерные баллистические ракеты могут быть использованы Китаем для нанесения массированного удара по аэродромам и взлётным полосам, расположенным на Тайване, в Японии и на Гуаме, чтобы оттянуть момент вступления в бой расположенных там самолётов»²²⁴. Также стоит упомянуть и крылатые ракеты наземного базирования двойного назначения, способные наносить удары по американским кораблям в западной части Тихого океана, такие как *CJ-10* (ранее обозначалась как *DH-10*) и *CJ-10A* с дальностью действия до 2500 км,²²⁵.

²²² Есин В.И. 2020. Указ. соч.

²²³ Батюк В.И. 2019. Указ. соч. С. 25.

²²⁴ Степанов А.С. Рост военной мощи...

²²⁵ Батюк В.И. 2019. Указ. соч. С. 25.

Китай является единственной официально признанной ядерной державой, не раскрывающей информацию о составе своего ядерного арсенала. Поэтому его оценки разнятся в зависимости от источника. Стратегические ядерные силы КНР начала XXI века состояли из межконтинентальных баллистических ракет *DF-4* и *DF-5* (примерно по 20 единиц каждого типа) и неопределённого количества ракет средней и меньшей дальности (включая ракеты *DF-21* и *DF-21A* с дальностью действия 2100 и 2700 км соответственно). В 2006 и 2007 годах были введены в эксплуатацию мобильные межконтинентальные баллистические ракеты *DF-31* (дальность действия – 7200 км) и *DF-31A* (дальность действия более 11200 км). Однако их количество всё ещё было незначительным. Боеголовки хранились отдельно от ракет-носителей и требовали длительной подготовки перед запуском. Кроме ракет носителями ядерного оружия к началу XXI века были подводная лодка типа 092, не осуществлявшая боевое дежурство, и тяжёлый бомбардировщик *H-6*. В настоящее время в арсенале Китая имеется от 75 до 100 межконтинентальных баллистических ракет, в том числе *DF-5A* шахтного базирования, *DF-5B* с разделяющимися головными частями, уже упомянутые *DF-4*, *DF-31* и *DF-31A*. В 2018 г. на вооружение была принята ракета *DF-31AG* с дальностью действия более 10000 км и возможностью оснащения РГЧ ИН²²⁶. В последние годы ракетные войска КНР пополнились новыми образцами, такими как ракета средней дальности *DF-16*, на стадии испытаний находится твердотопливная мобильная межконтинентальная баллистическая ракета *DF-41* с РГЧ ИН. Происходит оснащение разделяющимися головными частями уже существующих ракет²²⁷. По состоянию на 2019 год Ракетные войска НОАК насчитывали от 750 до 1500 баллистических ракет малой дальности (до 1000 км), от 150 до 450 ракет средней дальности и некоторое число ракет промежуточной дальности²²⁸. Согласно оценке, приведённой В.И. Есиным, на вооружении ракетных войск НОАК находится 246

²²⁶ Есин В.И. 2020. Указ. соч.

²²⁷ Батюк В.И. 2019. Указ. соч. С. 27.

²²⁸ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019. Washington DC: Office of the Secretary of Defense, 2019. P. 47. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (10.08.2020)

пусковых установок и 340-350 ракет с 400-410 ядерными боеголовками²²⁹. Однако при этом необходимо принимать в расчёт наличие у КНР обширной системы подземных тоннелей, предназначенных для защиты ракетных комплексов в случае нападения противника. Так как содержимое этих тоннелей не поддаётся оценке при помощи средств внешнего наблюдения и разведки, некоторые эксперты полагают, что в них могут находиться неизвестное количество дополнительных пусковых установок, ракет и боеголовок, в том числе ядерных²³⁰. Кроме того, в последнее время появились данные, позволяющие говорить о том, что Китай, возможно, расширяет свой арсенал МБР намного более быстрыми темпами, чем считалось ранее. На спутниковых снимках, полученных в июне и июле 2021 г., было обнаружено строительство двух районов размещения ракетных шахт, на территории каждого из которых может быть размещено до 120 МБР. Районы находятся в провинции Ганьсу и на востоке Синьцзян-Уйгурского автономного района. Кроме того, ещё один позиционный район схожих масштабов был обнаружен во Внутренней Монголии. Эти сообщения вызвали серьёзную обеспокоенность в США. Стратегическое командование США назвало это обстоятельство «растущей угрозой, с которой сталкивается мир». Вышесказанное, однако, не означает, что в каждой из этих шахт планируется разместить ракету. Площадь строящихся районов размещения ракет составляет примерно 1800 кв. км. Вполне возможно, что там планируется разместить небольшое число ракет, а оставшиеся шахты будут предназначены для отвлечения на себя удара потенциального противника, который не знает, где именно расположены ракеты.

Большая часть этих ракет вероятно нацелена на объекты военной инфраструктуры Тайваня и других территорий, вооружённые силы которых могут быть задействованы в возможном конфликте в Тайваньском проливе. Ракеты средней дальности имеют целью объекты в Японии и Южной Корее. Прежде всего, речь идёт об авиабазе ВВС Кадена и военно-воздушной базе Корпуса морской пехоты Футэнма, так как взлетающие оттуда американские истребители могут

²²⁹ Есин В.И. 2020. Указ. соч.

²³⁰ Там же.

принимать участие в потенциальном тайваньском конфликте без дозаправки. Ракеты промежуточной дальности способны поражать объекты за пределами «второй островной цепи», такие как военные базы на Окинаве и о. Гуам, где развёрнуты американские стратегические бомбардировщики, самолёты-разведчики и ударные беспилотники. Большое значение в подготовке ракетно-ядерных сил Китая имеет активное проведение военных учений с участием других видов вооружённых сил. Согласно оценкам Министерства обороны США, первый удар ракетами должен прийти на логистические и коммуникационные объекты США, а второй и последующие на военно-воздушные и военно-морские базы стран региона.

Наибольшую обеспокоенность китайских учёных вызывают тенденции в двусторонних отношениях в ядерной сфере, что они связывают, прежде всего, с ограниченностью китайского ядерного арсенала и уязвимостью потенциала ответного удара²³¹. По мнению многих китайских экспертов, сокращения, которым подвергся ядерный арсенал США, не снижает уровень угрозы в отношении Китая, поскольку он всё равно способен нанести существенный урон китайским ядерным силам. Кроме того, американские МБР и БРПЛ становятся более эффективными и точными. В целом ядерное оружие США, по их мнению, становится более применимым в условиях боевых действий. В качестве примера приводится упомянутое в «Обзоре ядерной политики 2018 г.» ядерное оружие пониженной мощности²³².

Другим элементом ядерной доктрины США, вызывающим обеспокоенность у китайских экспертов, является нетранспарентность относительно условий применения ядерного оружия²³³. В частности, может ли конфликт в Тайваньском проливе послужить достаточным основанием для первого удара со стороны США.

²³¹ Zhang B. US Missile Defence and China's Nuclear Posture: Changing Dynamics of an Offence-Defence Arms Race // International Affairs. 2011. № 3. P. 555–569.

²³² Zhao T. Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense: How to Help Forestall a Nuclear Arms Race. Carnegie Endowment for International Peace, June 30, 2020. P. 15 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://carnegieendowment.org/files/Zhao_USChina_MissileDefense.pdf (10.08.2020)

²³³ Saalman L. China & The U.S. Nuclear Posture Review. Carnegie Endowment for International Peace, February 28, 2011. P. 18 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2011/02/28/china-and-u.s.-nuclear-posture-review-pub-42705> (10.08.2020)

Развитие американской противоракетной обороны и высокоточных вооружений относится к элементам американской военной мощи, вызывающим у КНР наибольшее беспокойство и стимулирующим развитие собственных ракетно-ядерных вооружений. Известный китайский эксперт в ядерной сфере У Жицян отмечает, что система ПРО США – самый серьёзный вызов китайскому ядерному сдерживанию на обозримую перспективу²³⁴.

По мнению большинства китайских экспертов и должностных лиц, истинной целью строительства американской системы ПРО является расширение возможностей безнаказанного применения военной силы²³⁵, включая превентивный ядерный удар. Дональд Трамп, в своём выступлении, приуроченном к выпуску последней редакции Обзора ПРО заявил о намерении перехватывать любую ракету, запущенную в сторону Соединённых Штатов откуда бы то ни было. Этот тезис подтверждает позицию тех, кто говорит о стремлении США добиться для себя абсолютной безопасности и подрывает саму идею стратегической стабильности²³⁶. В настоящее время система противоракетной обороны США включает целый комплекс радаров, в том числе радар системы наземных перехватчиков *Cobra Dane*, расположенный на Аляске, мобильный радар морского базирования *SBX*, дислоцированный в настоящее время в районе Гавайев, 5 стационарных радаров системы раннего предупреждения (расположенных на Аляске, в Калифорнии и Массачусетсе, а также на территории Великобритании и в Гренландии). Помимо этого, существует система радаров космического базирования, а также радары комплексов «Иджис», «Пэтриот» (*Patriot*) и «ТХААД» (*THAAD*). Системы поражения американской ПРО включают в себя перехватчики наземного базирования (44 перехватчика, расположенные преимущественно на Аляске, а также в Калифорнии), «Иджис эшор» (*Aegis Ashore*) в Румынии и на Гавайях, «Иджис» морского базирования (40 кораблей), противоракетные комплексы «Пэтриот» (примерно 60 комплексов в США и за

²³⁴ Цит по: Zhao T. Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense... P. 11.

²³⁵ Haynes S.T. China's Nuclear Threat Perceptions // Strategic Studies Quarterly. 2016. Vol. 10, No. 2. P. 46

²³⁶ Saalman L. China & The U.S. Nuclear Posture Review... P. 22.

рубежом) и система «ТХААД» (развёрнута на территории США, на о. Гуам, в ОАЭ и в Южной Корее)²³⁷. Таким образом, система глобальной и региональной ПРО США способна засечь любую баллистическую ракету, запущенную с территории Китая, а также попытаться перехватить её. Нужно заметить, что современные системы ПРО практически неэффективны при перехвате МБР, однако имеют большую применимость против ракет средней дальности. Внимание китайских экспертов привлекает и инкорпорирование в американскую доктрину ПРО так называемых «мер до пуска», направленных на превентивное уничтожение или вывод из строя ракет противника до того, как они будут запущены, опасаясь, что они могут быть использованы против Китая²³⁸.

Серьёзную озабоченность в китайском экспертном сообществе с самого начала XXI века вызывали планы США по созданию ПРО ТВД в Азиатско-Тихоокеанском регионе с вовлечением американских союзников. После подписания соответствующего меморандума о взаимопонимании с Японией в 1999 г. китайские эксперты и официальные лица отвергли как пропаганду официальное объяснение, согласно которому средства ПРО предназначались для защиты от возможного удара со стороны КНДР²³⁹. При этом на начальном этапе экспертов волновала не столько военная, сколько политическая значимость этого шага, поскольку некоторые из них считали такую систему неэффективной²⁴⁰. Сотрудничество с Японией при этом понималось как начало серьёзного укрепления японского военного потенциала и даже прелюдия к созданию «Азиатской НАТО»²⁴¹. Некоторыми экспертами данный шаг рассматривался как нарушение Договора по ПРО²⁴². Китайский специалист по контролю над вооружениями Ли

²³⁷ См. Missile Defense. Missile Defense Advocacy Alliance. [Электронный ресурс] Режим доступа: Available at: <https://missiledefenseadvocacy.org/missile-defense-systems-2/> (12.10.2019).

²³⁸ Zhao T., Li B. The Underappreciated Risks of Entanglement: a Chinese Perspective // Entanglement: Russian and Chinese Perspectives on Non-Nuclear Weapons and Nuclear Risks / Ed. by J. Acton. Carnegie Endowment for International Peace, 2017. P. 60 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://carnegieendowment.org/files/Entanglement_interior_FNL.pdf (05.05.2020)

²³⁹ Urayama K. Chinese Perspectives on Theater Missile Defense: Policy Implications for Japan // Asian Survey. 2000. No. 40. P. 600.

²⁴⁰ Ibid. P. 601.

²⁴¹ Ibid. P. 604.

²⁴² Zhu M. U.S. Plans on National Missile Defense (NMD) and Theater Missile Defense (TMD): A Chinese Perspective // Monitor, 1999. No. 1-2. P. 22. Цит. по: Urayama K. Op. cit. P. 605.

Бин в связи с этим отмечал, что передача Японии противоракетных систем представляет собой нарушение режима контроля за ракетными технологиями²⁴³. Дальнейшее развитие региональной ПРО США, в частности, претворившиеся в жизнь планы по развёртыванию в Южной Корее комплекса «ТХААД», а также размещение дополнительных радаров в Японии и плавучего радара СПРН *X-Band* усилили впечатление экспертов, что реальная цель ПРО – Китай, а не Северная Корея²⁴⁴. По мнению ведущих китайских экспертов, размещение комплекса «ТХААД» в Южной Корее представляет прямую угрозу безопасности для КНР, поскольку радары таких систем способны осуществлять наблюдение за китайским воздушным пространством и отслеживать ракетные и космические испытания КНР в мирное время, а также отслеживать траектории запуска баллистических ракет с территории КНР в случае войны²⁴⁵. Размещение этого комплекса в Южной Корее связывается некоторыми аналитиками с перспективами наращивания ядерного арсенала КНР в качестве ответной меры²⁴⁶. Говорится и о возможности нанесения удара по этим комплексам в случае войны²⁴⁷.

Под американским высокоточным оружием, в частности, подразумевают то или иное исполнение концепции «быстрого глобального удара», средства поражения в рамках которой могут быть использованы для нападения на объекты ядерной инфраструктуры Китая, крупные промышленные объекты на юге и юго-востоке страны, а также мобильные пусковые установки носителей ядерного оружия. Так, о «новых неядерных стратегических возможностях» американской ядерной триады было впервые заявлено в «Обзоре ядерной политики» США

²⁴³ Zhao T., Li B. Is the United States Complying with MTCR Rules? // The Chinese Journal of International Politics. 2008. No. 1.

²⁴⁴ Li B. China and the New U.S. Missile Defense in East Asia. Carnegie Endowment for International Peace, September 06, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2012/09/06/china-and-new-u.s.-missile-defense-in-east-asia-pub-49297> (06.05.2020)

²⁴⁵ Dalton T., Michishita N., Zhao T. Security Spillover: Regional Implications of Evolving Deterrence on the Korean Peninsula. Carnegie Endowment for international Peace, June 11, 2018. P. 31 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2018/06/11/security-spillover-regional-implications-of-evolving-deterrence-on-korean-peninsula-pub-76483> (06.06.2020)

²⁴⁶ Saalman, L. Factoring Russia into the US–Chinese Equation on Hypersonic Glide Vehicles. SIPRI Insights on Peace and Security. 2017. No. 1. P. 6 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Factoring-Russia-into-US-Chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles.pdf> (06.06.2020)

²⁴⁷ Zhao T., Li B. Op. cit. P. 58.

2001 года²⁴⁸. Финансирование программы быстрого глобального удара впервые фигурирует в бюджетном запросе Министерства обороны от 2003 года. Ассигнования конкретно на данную программу были впервые выделены в 2008 году²⁴⁹. Суть концепции состоит в том, чтобы иметь возможность поражать любую цель на земном шаре в течение не более часа. В настоящее время этого возможно достичь либо за счёт установки на баллистические ракеты неядерных боеприпасов, либо за счёт гиперзвуковых летательных аппаратов, таких как *Advanced Hypersonic Weapon* и *Falcon Hypersonic Technology Vehicle*. Опасность состоит в том, что в условиях ограниченного времени на принятие решения атакованное государство может распознать ракеты в обычном оснащении как ядерные. Китай во многом преувеличивает оперативную готовность системы БГУ и также полагает, что разработка данного потенциала служит для обеспечения «абсолютной безопасности» США, а возможно и для нанесения превентивного удара. Ответ Китая на эту угрозу состоит в модернизации своего ядерного арсенала, разработке новых технологических средств, таких как гиперзвуковое оружие, а также усилении потенциала противоракетной обороны. Именно появление этой концепции привело к возникновению в экспертных кругах Китая дискуссии о целесообразности дальнейшего отказа от применения ядерного оружия первыми²⁵⁰. С приходом к власти в США Барака Обамы начали смещаться приоритеты целей БГУ. Политика «разворота в Азию» предопределила их смещение на региональный уровень. Районы развёртывания средств поражения стало возможно разместить ближе к потенциальным целям, прежде всего к Китаю²⁵¹. Так, ещё в «Обзоре ядерной политики» 2010 года заявлялось, что потенциал «быстрого глобального удара» является частью «важного элемента эффективной региональной архитектуры безопасности, позволяющего усилить американский потенциал

²⁴⁸ Haynes S.T. Op. cit. P. 49.

²⁴⁹ Haynes S.T. Dragon in the room: Nuclear Disarmament's Missing Player // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12, No. 1. P. 36.

²⁵⁰ Ibid. P. 37.

²⁵¹ Бужинский Е.П., Веселов В.А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 19.

регионального сдерживания»²⁵². По мнению Е.П. Бужинского и В.А. Веселова, такой сдвиг боевых задач БГУ на региональный уровень создал серьёзные предпосылки для разработки средств поражения, запрещённых договором РСМД²⁵³. В то же время, по словам авторов, начались исследования возможностей прорыва современных систем ПРО при помощи гиперзвукового оружия²⁵⁴.

Подобные соображения, связанные с обеспечением свободы действий американских вооружённых сил в АТР, скорее всего и являются истинной причиной выхода США из РСМД. Это обстоятельство, а также упоминание в последнем «Обзоре ядерной политики» возможного принятия на вооружение ядерных ракет малой мощности может свидетельствовать об эволюции концепции БГУ в Тихоокеанском регионе в сторону включения туда применимого в бою ядерного оружия, призванного обеспечить возможность оказания военно-политического давления на КНР, которое имело бы ограниченные риски ядерной эскалации, однако позволяло бы контролировать эскалацию конфликта с использованием обычного оружия.

Говоря о стратегических системах США, представляющих угрозу для КНР, китайские эксперты часто обращаются к теме гиперзвукового оружия. Большинство экспертов полагает, что США развивают подобные системы с целью нанесения превентивного удара по китайским ядерным силам²⁵⁵. При этом боевая часть такого оружия может быть и неядерной, так как гиперзвуковое оружие «ломает границу между ядерным и конвенциональным вооружением»²⁵⁶. Эксперты, изучающие гиперзвуковое оружие, при этом отмечают, что гиперзвуковые системы практически неуязвимы для любых средств противоракетной обороны²⁵⁷. По их мнению, гиперзвуковые системы «стёрли границу между фронтом и тылом», что делает важнейшие тыловые объекты крайне

²⁵² Цит. по: Бужинский Е.П., Веселов В.А. Указ. соч. С. 19.

²⁵³ Там же. С. 20.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Zhao T., Li B. Op. cit. P. 54.

²⁵⁶ Zhao T. Conventional Challenges to Strategic Stability: China's Hypersonic Technology and the Security Dilemma // The End of Strategic Stability? Nuclear Weapons and the Challenge of Regional Rivalries / Ed. by L. Rubin, A. Stulberg. Washington DC: Georgetown University Press, 2018. P. 183.

²⁵⁷ Цит. по Zhao T. Conventional Challenges to Strategic Stability... P. 179.

уязвимыми и повышает психологическое давление на лидеров стран во время военного конфликта²⁵⁸. Некоторые эксперты даже заявляют, что для успешного перехвата гиперзвуковых боеприпасов лучше всего использовать ракеты, оснащённые ядерными боеголовками²⁵⁹. Гиперзвуковое оружие описывается некоторыми экспертами как составная часть стратегии США по нанесению обезоруживающего удара. Один из учёных описывает сценарий, в котором ударами гиперзвукового оружия США уничтожают ОМУ противника, а затем наносят массированные авиаудары²⁶⁰.

Достижения в сфере стратегических неядерных систем позволяют США, по мнению китайских экспертов, не беспокоиться насчёт сокращения ядерных вооружений и активно участвовать в процессе контроля над вооружениями²⁶¹. Именно угрозой со стороны ПРО США и системы быстрого глобального удара оправдываются усилия КНР по модернизации и повышению живучести своего ядерного арсенала, в том числе строительство подземных хранилищ для ядерных боеголовок²⁶², а также развитие подводного потенциала КНР.²⁶³

По мнению китайских экспертов, опасность для ядерного потенциала КНР представляет кибероружие США, которое может быть применено против средств командования и управления КНР. В качестве примера приводится кибератака вирусом Stuxnet против иранского ядерного объекта. Однако они уверяют, что, следуя концепции неприменения ядерного оружия первым, Китай не станет отвечать на подобную атаку в ядерной плоскости²⁶⁴. Что касается военных операций в киберпространстве, многие китайские эксперты полагают, что обладание такими возможностями позволит Китаю противостоять оппонентам,

²⁵⁸ Цит. по Zhao T. *Conventional Challenges to Strategic Stability...* P. 181.

²⁵⁹ Цит. по Zhao T. *Conventional Challenges to Strategic Stability...* P. 184.

²⁶⁰ Zhao T. *Op. cit.* P. 188.

²⁶¹ *Ibid.* P. 188.

²⁶² См., напр., работы с.н.с. Белферского центра по науке и международным отношениям Хуэй Чжана: Hui Z. *Modernization in China // Assuring Destruction Forever: Nuclear Weapon Modernization around the World / Ed. by R. Acheson. New York: Reaching Critical Will, 2012. P. 17-26; Hui Z. The Defensive Nature of China's Underground Great Wall // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-under-ground-great-wall> (16.07.2021); Hui Z. How US Restraint Can Keep China's Nuclear Arsenal Small // Bulletin of the Atomic Scientists, July 1, 2012. No. 4. P. 73-82.*

²⁶³ См. Wu R. *Survivability of China's Sea-Based Nuclear Forces // Science & Global Security. 2011. No. 2. P. 91-120.*

²⁶⁴ Zhao T., Li B. *Op. cit.* P. 62.

обладающим военным преимуществом. Такая стратегия зачастую называется «булавой убийцы».²⁶⁵

С темой информационного преимущества тесно связан и вопрос баланса сил в космосе. Развитие так называемой революции в военном деле под влиянием технического прогресса делает космическую сферу одним из приоритетов военного планирования. По мнению китайских военных экспертов, доминирование в космическом пространстве будет иметь решающий характер для современных военных действий и будет оспариваться противниками в любом будущем конфликте. Многие китайские эксперты призывают использовать зависимость США от развёрнутых в космосе средств разведки и коммуникации. Утверждается, что демонстрация готовности и способности к применению противокосмических средств является весьма эффективной формой сдерживания²⁶⁶. В некоторых случаях обосновывается необходимость нанесения упреждающего удара по космическим системам с целью получения военного преимущества²⁶⁷. Некоторые эксперты допускают превентивный удар по американским спутникам раннего предупреждения в случае конфликта в Тайваньском проливе²⁶⁸, что несёт существенные риски ядерной эскалации.

Помимо всего упомянутого, в КНР происходит наращивание и совершенствование космических компонентов систем наблюдения, навигации, связи, а также противоспутниковых возможностей. Последнее включает в себя средства обнаружения космических объектов и вывода из строя их датчиков, в основном при помощи лазерного излучения. В 2007 г. имело место физическое уничтожение метеорологического спутника при помощи баллистической ракеты. Военно-космические возможности были представлены одним фотографическим разведывательным спутником и одним военным спутником связи. Эта сфера в

²⁶⁵ Pollpeter K. Chinese Writings on Cyberwarfare and Coercion // China and Cybersecurity: Espionage, Strategy, and Politics in the Digital Domain / Ed. by J. Lindsay, T. Cheung, D. Reveron. Oxford University Press, 2015. P. 138.

²⁶⁶ Cheng D. Prospects for China's Military Space Efforts // Beyond the Strait: PLA Missions other than Taiwan / Ed. by R. Kamphausen, D. Lai, A. Scobel. Carlisle, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2009. P. 234.

²⁶⁷ См. Pollpeter K., Ray J. The Conceptual Evolution of China's Military Space Operations and Strategy // China's Evolving Military Strategy / Ed. by J. McReynolds. Washington DC: Brookings Institution Press, 2017. P. 267.

²⁶⁸ Zhao T., Li B. Op. cit. P. 51.

начале XXI века развивалась особенно интенсивно. К 2010 г. на орбите насчитывалось 7 спутников оптической разведки, 3 спутника, оборудованных РЛС с синтезированной апертурой, не менее восьми спутников электронной разведки²⁶⁹. В 2012 г. была запущена в эксплуатацию спутниковая навигационная система «Бэйдоу», аналог *GPS* и ГЛОНАСС. В 2007 г. Китай совершил первое испытание своих противоспутниковых возможностей, сбив находящийся на полярной орбите метеорологический спутник «Фэнъюнь-1С».

КНР добилась значительного прогресса в области беспилотных аппаратов. С 2010 г. Китай является крупным экспортёром военных беспилотников и мировым лидером на рынке коммерческих дронов. Конструкторские решения китайских беспилотных систем почти всегда почерпнуты из западных аналогов. Быстрое развитие беспилотной отрасли в КНР логично сочетается с попытками Китая выйти в мировые лидеры в области исследований искусственного интеллекта. По мнению многих экспертов, решающую роль в боевых действиях будущего будут играть системы, оснащённые искусственным интеллектом и обладающие высокой степенью автономности. Наиболее эффективными, по их мнению, станут группы («рои») беспилотников, объединённые в единую сеть под управлением ИИ. По некоторым данным, в 2017 г. Китай провёл испытания подобного «роя» из 119 дронов²⁷⁰. Основными БПЛА на вооружении Китая являются *Wing Loong I* и его улучшенная версия *Wing Loong II*. Эти ударные беспилотники способны нести соответственно 200 и 400 кг полезного груза и оставаться в воздухе в течение 20 и 32 часов. Они могут быть оснащены различными вариантами ПТУР *HJ-10*, самонаводящимися бомбами семейства *LS*, в последнем случае – противокорабельными ракетами *YJ-9E*²⁷¹. Примерно такими же характеристиками обладает и семейство *Cai Hong*. В настоящее время разрабатывается БПЛА *CH-5*, который способен совершать автономные полёты по заранее запрограммированным маршрутам. Среди БПЛА нужно отметить стратегический

²⁶⁹ Cliff R. *China's Military Power: Assessing Current and Future Capabilities*. New York, Cambridge University Press, 2015. P. 86.

²⁷⁰ Nurkin T. et al. *China's Advanced Weapons Systems*. London: Jane's by IHS Markit, 2018. P. 150. Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

²⁷¹ Ibid. P. 161.

разведывательный беспилотник *Chengdu Xianglong*, аналог *Global Hawk*, разрабатывается ударный БПЛА класса *Yunying*. Встречаются и лопастные БПЛА с вертикальным взлётом, такие как *BH-90*, *BH-160*, *AV500W*, *QY-1* и др. В 2017 г. были завершены разработки первого в мире беспилотного самолёта-амфибии (*U650*) и первого беспилотного экраноплана (*CH-T1*)²⁷². Помимо летательных аппаратов разрабатываются и безэкипажные надводные суда, такие как быстроходный патрульный катер *B850*, противолодочное судно *C1500*, малозаметное многоцелевое судно *SeaFly* и др.²⁷³. Китай применяет в научно-исследовательских целях и необитаемые подводные аппараты, такие как *Qianlong-2* или *Haidou-1*.

Изменениям подверглось качество личного состава НОАК. До 1999 г. вооружённые силы КНР комплектовались полностью из призывников. Срок службы в сухопутных войсках составлял три года, в военно-воздушных и военноморских силах – четыре. В результате реформы 1999 г. срок службы был сокращён до двух лет, появилась военная служба по контракту. Требование к образованию призывников включают в себя обязательное среднее образование первой ступени (9 классов) для призывников из сельской местности, среднее образование старшей ступени – для жителей городов. Большую часть составляют призывники первой категории, однако имеется тенденция к повышению общего уровня образования. Во многом это объясняется тем, что с 2001 г. в НОАК стали отдавать приоритет призывникам из высших учебных заведений, которые получили возможность пойти служить до окончания вуза и продолжить обучение по завершении службы. Офицерский состав НОАК также стал более образованным. К 2013 г. почти все офицеры китайских вооружённых сил имели образование²⁷⁴. Кроме того, в настоящее время отменено положение, согласно которому для того, чтобы стать офицером, выпускники вузов должны были пройти год обучения в военной академии. К профессиональной подготовке офицерского состава стали привлекать

²⁷² Ibid. P. 164.

²⁷³ Ibid. P. 171.

²⁷⁴ Cliff R. Op. cit. P. 113.

и гражданские вузы. Кроме того, выпускники университетов со степенью выше бакалавра получили возможность сразу получить офицерское звание: магистры – звание капитана, доктора – звание майора²⁷⁵.

Постоянно совершенствуются мероприятия и подходы, касающиеся военной подготовки личного состава. В настоящее время приоритетом является проведение крупномасштабных учений, на которых отрабатываются совместные действия различных видов вооружённых сил, в условиях, максимально приближенных к боевым.

Военная реформа потребовала от руководства страны улучшения войсковой логистики. Во многом этому процессу способствует расширение интересов Китая за пределами своей страны, проведение миротворческих операций и претворение в жизнь таких масштабных международных инициатив, как «Один пояс и один путь». О необходимости осуществлять экспедиционные операции вдали от материкового Китая и другие действия по защите китайских интересов за рубежом говорится в стратегических документах КНР, в частности, вышедшей в 2017 г. «Белой книге о китайской политике сотрудничества в области безопасности в АТР»²⁷⁶. Значительный прогресс произошёл в 2000 г., когда были созданы объединённые департаменты логистики в каждом военном округе, в результате чего повысилось её качество. Вопросы транспортировки, заготовки продовольствия и др. были частично отданы на аутсорсинг частным гражданским компаниям. Ряд баз ВМФ Китая был переделан для выполнения исключительно логистических функций. Были созданы специальные флотилии судов обеспечения, цель которых – улучшить эффективность морской логистики. Эта сфера деятельности наряду с остальными подвергается информатизации, улучшаются системы связи, электронного управления и учёта. В 2015–2016 гг. при Центральном военном совете был создан Департамент снабжения. В 2016 г. были созданы Объединённые силы логистической поддержки, которым подчиняются соответствующие управления зон боевого командования. Это имеет большое

²⁷⁵ Ibid. P. 113.

²⁷⁶ Annual Report to Congress: Military and Security Developments... P. 7.

значение для обеспечения совместных действий различных видов вооружённых сил. Эта структура также отвечает за аутсорсинг различных элементов тыловой поддержки в гражданскую сферу и поддержку исследований и разработок технологий двойного назначения. Широкое использования НОАК гражданской инфраструктуры затрудняет распознавание противником военных подразделений в случае конфликта²⁷⁷.

Китайские вооружённые силы получили значительный опыт за время проведения миротворческих операций. В настоящее время Китай участвует в миротворческих миссиях под эгидой ООН в Южном Судане, Дарфуре, Ливане, Мали, Демократической Республике Конго, Западной Сахаре, Кипре, странах, участвовавших в арабо-израильских конфликтах. В настоящее время Китай находится на втором месте по размеру финансирования миротворческих миссий ООН, его капиталовложения составляют 10,25% их общего бюджета²⁷⁸. В 2017 г. КНР зарегистрировала постоянный миротворческий контингент при ООН численностью 8 тыс. человек²⁷⁹. Операция по сопровождению судов в Аденском заливе, продолжающаяся более 10 лет, потребовала от ВМФ Китая организации снабжения и технического обслуживания кораблей, по полгода находящихся вдали от территории государства. По пути к месту дислокации военные суда КНР обычно совершают заходы в порты других государств, имеющих выход к Индийскому океану.

Огромное значение для логистических возможностей Китая, особенно для операции в Аденском заливе и западной части Индийского океана, имеет открытие в 2017 г. первой китайской зарубежной военной базы в Джибути. Корабли, идущие

²⁷⁷ McCauley K. Modernization of PLA Logistics: Joint Logistic Support Force. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. February 15, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.uscc.gov/sites/default/files/McCauley_Written%20Testimony.pdf (13.09.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

²⁷⁸ How we are funded. United Nations peacekeeping [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded> (09.10.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

²⁷⁹ China completes registration of 8,000-strong UN peacekeeping force, defence ministry says // South China Morning Post, September 29, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2113436/china-completes-registration-8000-strong-un> (09.10.2018). Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

в Средиземное и другие европейские моря, могут пополнить на ней запасы топлива и продовольствия.

Выводы

С конца 1970-х годов происходит деидеологизация китайской внешней политики, её смещение в сторону политического реализма, где на первом месте стоят национальные интересы. Этой логике подчинялось и военное строительство КНР, предполагавшее отказ от представления о неизбежности новой мировой войны и допущение возможности изменения международной обстановки в благоприятную для КНР сторону. При этом сохранились элементы предыдущей стратегии КНР, такие как отказ от применения агрессивных действий первыми и акцент на обороне. Изначально рост военного потенциала страны отставал от роста экономики, однако впоследствии было налажено гармоничное развитие, в настоящее время программа военной модернизации соответствует достижениям экономического роста и технологической модернизации страны в целом. Во многом военный потенциал КНР развивался в ответ на внешние вызовы, такие как укрепление военного сотрудничества между Тайванем и США. Реформа вооружённых сил КНР предполагала ориентацию на локальные боевые действия с применением ограниченного числа хорошо обученной живой силы и современной военной техники. Для этого было проведено упрощение структуры ВС КНР, осуществляются меры для исправления перекоса в сторону сухопутных войск. Основными тенденциями военного строительства КНР являются механизация и информатизация вооружённых сил, то есть внедрение современной военной техники и информационных технологий. Большое значение имеет усиление возможностей ВС КНР в космосе и киберпространстве, а также акцент на защиту интересов Китая за рубежом. В этом Китай, безусловно, опирался на опыт передовых в военно-техническом смысле стран, включая США. Кроме того, происходит оптимизация военных расходов, в том числе за счёт развития военно-гражданского сотрудничества, начавшегося в 90-е годы XX века, изыскиваются новые способы привлечения финансирования в ВПК. Отмечается усиление государственного, в особенности, партийного контроля над вооружёнными

силами. Была улучшена подготовка личного состава НОАК, внедрена служба по контракту. Позитивные изменения произошли и в сфере войсковой логистики, как внутри страны, так и за рубежом, примером чего служат зарубежные миссии НОАК. Китайские военные активно участвуют в миротворческой деятельности. Что касается вооружения и военной техники, имело место масштабное перевооружение всех родов войск более современными образцами. Была увеличена доля современной бронетехники в сухопутных войсках, значительно увеличены темпы военного судостроения, что вывело Китай в число мировых лидеров по количеству надводных кораблей. Имеющиеся на вооружении корабли и подводные лодки были оснащены современным ракетным вооружением и системами ПВО. Было создано несколько образцов малозаметных кораблей и модернизированных подводных лодок, введено в строй два авианосца. Увеличилась численность морской пехоты и полуофициального «морского ополчения» КНР. Также увеличилась доля современных истребителей четвёртого поколения в военно-воздушных силах, разрабатываются и принимаются на вооружение истребители пятого поколения собственного производства, а также крылатые ракеты воздушного базирования. Значительных успехов КНР достигла в ракетном вооружении, модернизировав свой и без того обширный арсенал неядерных баллистических ракет, в том числе новыми образцами повышенной дальности и точности. Также возрос потенциал противовоздушной обороны НОАК. Кроме того, происходит модернизация китайских ядерных сил. Новые и уже имеющиеся на вооружении баллистические ракеты оснащаются индивидуальными головными частями индивидуального наведения. В последнее время появились данные о возможном значительном количественном наращивании ядерного арсенала КНР. Кроме того, Китай добился серьёзных успехов в космической сфере, в особенности, развития средств наблюдения и связи. Ракетное вооружение позволяет также ставить под угрозу безопасность космических аппаратов противника. Применение высоких технологий в военной сфере во многом является следствием более широкой научно-технологической конкуренции с США.

Военная модернизация КНР представляет серьёзный вызов для США из-за своего всеобъемлющего характера. Китай стремится достичь паритета или превзойти США по большинству систем вооружений, включая новейшие. Наиболее значительный прогресс за начальный период XXI века был достигнут в таких системах вооружений, как баллистические ракеты, истребители и подводные лодки. В пользу КНР говорит тот факт, что потенциальный конфликт с США скорее всего будет иметь место вблизи территории Китая, что значительно осложнит действия американских войск и позволит Пекину достичь превосходства на море и в воздухе на начальном этапе конфликта²⁸⁰.

Слабыми местами китайского военного потенциала остаётся недостаточное количество противокорабельных ракет (включая баллистические) большого радиуса действия, а также баллистических ракет дальнего радиуса действия (например, способных достичь американских военных объектов на о. Гуам), ограниченный противолодочный потенциал, недостаточное количество самолётов военно-транспортной авиации и самолётов-заправщиков, что ограничивает радиус действия китайских ВС.

Преимуществом КНР является наличие элементов командной экономики и государственного контроля за разработкой и производством вооружений, что позволяет более эффективно направлять ресурсы и концентрировать их на нужных направлениях. Другое преимущество Китая – более низкая стоимость производства вооружений, подготовки кадров и повседневной деятельности вооружённых сил ввиду того, что основная их часть сконцентрирована вблизи территории КНР. Соответственно, чтобы поддерживать существующий разрыв между развитием военных потенциалов двух стран, США будут вынуждены увеличивать и без того значительные военные расходы. Растущая военная мощь Китая размывает роль США как гаранта безопасности стран АТР. Большое беспокойство в Вашингтоне вызывают эффективные попытки Китая «догнать и перегнать» США в сфере наиболее передовых технологий, имеющих в том числе и военное применение:

²⁸⁰ Heginbotham E. The U.S.-China Military Scorecard, Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996-2017. Santa Monica: RAND Corporation, 2015. P. XIX, XXX-XXXII. Цит. по: Степанов А.С. Рост военной мощи...

автономные системы, искусственный интеллект, квантовые технологии, сбор и анализ больших данных, полупроводниковые технологии, производство «умных» и наноматериалов, в рамках программ «Сделано в Китае – 2025», «План развития искусственного интеллекта нового поколения» и др.

При всех вышеупомянутых достижениях модернизации вооружённых сил Китая, Соединённые Штаты пока сохраняют технологическое преимущество перед всеми видами китайских систем вооружений. Ещё более значительно преимущество США заключается в сферах логистики, боевого опыта и подготовки личного состава и организационной структуры.

Глава 3. Эволюция американского подхода к военной политике в отношении Китая в доктринальных документах США

Рассмотрение военной политики США в отношении Китая представляется необходимым начать с официальных документов, опубликованных при той или иной администрации. В данном разделе будут в первую очередь рассмотрены стратегические документы, посвящённые обеспечению национальной безопасности. В подобных документах обычно обозначаются цели обеспечения национальной безопасности или военного строительства США, задачи, которые должны быть для этого решены, а также имеющиеся препятствия и угрозы. Данные документы обеспечивают как координацию межведомственного взаимодействия, так и служат цели донесения определённого представления о политике обеспечения национальной безопасности США до международной аудитории. Кроме того, в этих документах раскрывается взгляд той или иной администрации на окружающий мир, а также на имеющиеся у США средства для обеспечения национальной безопасности. Таким образом, изучение подобных документов позволяет рассмотреть военную политику США в отношении Китая в широком стратегическом контексте, а также в контексте военного строительства США в целом.

Уже первые доктринальные документы XXI века свидетельствуют о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион был точкой стратегического фокуса США несмотря на то, что отдельного документа, посвящённого политике в АТР, так и не было опубликовано.

Первым доктринальным документом Соединённых Штатов в XXI веке и первым таковым документом, опубликованным администрацией Дж. Буша-мл. стал Четырёхлетний обзор в области обороны 2001 года. Следует отметить, что документ был подготовлен до терактов 11 сентября, однако вышел, как и планировалось, 30 сентября без каких-либо задержек. Несомненно, в него были внесены добавления, касающиеся защиты территории США и асимметричных угроз. Отличительной чертой обзора является признание новой международной

реальности, одна из черт которой – дисперсия угроз безопасности и потенциальных источников конфликта. В обзоре говорится, что «В отличие от периода холодной войны, когда ключевые географические регионы конкуренции были четко определены, нынешний период уже предъявил требования о военном вмешательстве или действиях США практически на всех континентах и против самых разных противников»²⁸¹. Поэтому США должны быть готовы к вмешательству в самых разных регионах мира и столкновению с противником, который может обладать самыми разными возможностями. Кроме того, говорилось, что США должны ориентироваться не на конкретного противника, а на спектр возможностей, которыми тот может обладать. Такой подход был назван в обзоре «подходом, основанным на возможностях» (capabilities-based approach). Согласно этой логике, США должны быть готовы к неожиданным и асимметричным действиям противника. Таким образом, Четырёхлетний обзор во многом заложил фундамент военной политики США при администрации Дж. Буша-мл. Вооружённые силы, основанные на таком подходе к военному планированию, должны обладать возможностями продвинутого дистанционного зондирования, нанесения высокоточных ударов дальнего радиуса действия, обладать высокоманёвренными подразделениями и системами для преодоления угроз ограничения доступа/блокирования зоны²⁸². В обзоре назывались основные цели военной политики Соединённых Штатов: обеспечение безопасности союзников и партнёров; предотвращение возникновения военного соперничества в будущем; сдерживание угроз и принуждения, противоречащего интересам США; в случае неудачи сдерживания – нанесение решительного поражения любому противнику²⁸³. Предполагалось, как и ранее обеспечивать возможность достижения военной победы в двух крупных одновременных конфликтах на разных театрах военных действий, однако от этого принципа планировалось отойти в будущем в сторону готовности к более разнообразным сценариям. Одним из основных принципов военного строительства в обзоре называется «передовое сдерживание»,

²⁸¹ Quadrennial Defense Review Report. 2001. P. 6.

²⁸² Ibid. P. 14.

²⁸³ Ibid. P. 11.

основанное на силах передового базирования, специально структурированных «для поддержания благоприятного регионального баланса во взаимодействии с союзниками и партнёрами США с целью быстрого отражения атак при помощи небольших сил подкрепления и, при необходимости, обеспечения доступа для новых прибывающих сил»²⁸⁴. Кроме того, предполагалось создать возможность для передислокации сил туда, где они будут необходимы в качестве подкрепления. Много говорилось и о необходимости инвестирования в НИОКР, особенно в информационной сфере.

Китай в данном документе не упоминается ни разу, однако в разделе о ключевых геополитических тенденциях содержится прозрачный намёк: «Поддержание стабильного баланса в Азии будет сложной задачей. Существует вероятность появления в регионе военного конкурента с огромной ресурсной базой»²⁸⁵. Отмечается, что из-за большой протяжённости, плотность военной инфраструктуры США в АТР ниже, чем в других критически важных регионах. Что особенно важно, поскольку ряд стран региона назывался в обзоре частью «дуги нестабильности»²⁸⁶. Поэтому приоритетом объявляется заключение соглашений о доступе к военной инфраструктуре стран региона. Кроме того, озвучивались планы по наращиванию военного присутствия в АТР. Что касается ВМС, речь шла о размещении в западной части Тихого океана дополнительных авианосных групп, а также на постоянной основе 3-4 надводных кораблей, включая ракетные эсминцы, а также ударных подлодок²⁸⁷. ВВС предписывалось разработать планы по увеличению присутствия в Индийском и Тихом океанах, а также обеспечить наличие логистической и топливозаправочной инфраструктуры для проведения операций в зоне Тихого океана. Корпусу морской пехоты предписывалось обеспечить возможность проведения учений в западной части Тихого океана.

Наиболее подробно американское представление о военных угрозах со стороны Китая рассматривается в ежегодных докладах Министерства обороны

²⁸⁴ Ibid. P. 20.

²⁸⁵ Ibid. P. 12.

²⁸⁶ Ibid. P. 4.

²⁸⁷ Ibid. P. 27.

Конгрессу, посвящённых военному потенциалу КНР. Они публикуются ежегодно с 1997 г. В 2002 году вышел первый за время пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. доклад Министерства обороны Конгрессу о китайской военной мощи. В нём прослеживается характерная для администрации Буша мысль о том, что Китай будет ориентироваться в своих действиях на собственные оценки американской политики, в особенности на отношения США и союзников, а также будет стремиться уменьшить влияние США в регионе, при этом поддерживая стабильные отношения с Вашингтоном²⁸⁸. Главными целями военной политики Китая в регионе назывались предотвращение юридической независимости Тайваня, предотвращение возрождения японского милитаризма через военное сближение с Соединёнными Штатами при поддержании торгового и технологического сотрудничества с Японией; предотвращение развития региональной системы противоракетной обороны; борьба с вызовами территориальным претензиям КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском море; продвижение экономических интересов через многосторонние механизмы, такие как АСЕАН, Региональный форум АСЕАН и АТЭС²⁸⁹. Основной целью военной модернизации Китая называется подготовка к возможному конфликту в Тайваньском проливе и недопущение участия в этом конфликте третьих стран²⁹⁰. Главным средством достижения этой цели называются неядерные баллистические ракеты малой дальности.

В сентябре 2002 г., через год после Четырёхлетнего обзора, вышла Стратегия национальной безопасности США. Соединённые Штаты выступали в этом документе в роли глобального лидера, ответственного за распространение свободы и демократии во всём мире. Так, авторы документа пишут: «Соединённые Штаты обладают беспрецедентной - и непревзойдённой - силой и влиянием в мире. Эта позиция, поддерживаемая верой в принципы свободы и ценность свободного общества, предполагает и беспрецедентную ответственность, обязательства и

²⁸⁸ Report to Congress Pursuant to the FY2000 National Defense Authorization Act: Annual Report on the Military Power of the People's Republic of China. Washington DC: Department of Defense, 2002. P. 10. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2015/11/DoD_China-Report_2002.pdf (19.10.2019)

²⁸⁹ Ibid. P. 10.

²⁹⁰ Ibid. P. 11.

возможности. Огромная сила нашей страны должна быть использована для установления баланса сил, благоприятствующего свободе»²⁹¹. Также говорилось, что США будут поддерживать вооружённые силы в состоянии, способном «разубедить потенциальных противников наращивать свою военную мощь в надежде превзойти или сравняться с мощью Соединённых Штатов»²⁹². Продвижение свободы и демократии ставилось в документе в качестве основной темы внешнеполитической активности США: «Мы <...> сделаем свободу и развитие демократических институтов ключевыми темами в двусторонних отношениях, стремясь к солидарности и сотрудничеству со стороны других демократий и будем оказывать давление на государства, отрицающие права человека, с тем чтобы они двигались к лучшему будущему <...> будем использовать нашу иностранную помощь для продвижения свободы и поддержки тех, кто ненасильственно борется за неё, гарантируя, что страны, движущиеся к демократии, будут вознаграждены за это»²⁹³. В то же время США оставляли за собой полное право на превентивные и односторонние действия, если речь шла об угрозе по отношению к ним самим: «В то время как Соединённые Штаты будут постоянно стремиться заручиться поддержкой международного сообщества, мы без колебаний будем действовать в одиночку, если это необходимо, чтобы осуществить своё право на самооборону...»²⁹⁴

Своеобразным доктринальным документом, посвящённым американской стратегии в АТР, стала небольшая статья Кондолизы Райс, занимавшей в то время должность советника президента по национальной безопасности, под названием «Наша стратегия в Азии». Большое внимание в ней уделялось сотрудничеству с партнёрами США, в том числе в многостороннем формате, чтобы «укреплять союзы, продвигать открытую торговлю и инвестиции и способствовать силам демократических изменений и терпимости теми способами, которые казались

²⁹¹ The National Security Strategy of the United States of America. The White House. September 2002. P. 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (26.08.2022)

²⁹² Ibid. P. 30.

²⁹³ Ibid. P. 4.

²⁹⁴ Ibid. P. 6.

недостижимыми всего несколько лет назад»²⁹⁵. Позднее другой советник Дж. Буша-мл. по национальной безопасности Стивен Хэдли в одном из своих выступлений назвал три «общих положения», определяющих региональную стратегию США в Восточной Азии: 1) в основе лежат отношения с традиционными союзниками – Японией и Южной Кореей, а также Монголией, Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом; 2) целью сотрудничества с партнёрами является противостояние региональным и глобальным вызовам; 3) США приветствуют развитие Китая в качестве «ответственной заинтересованной стороны», однако озабочены такими аспектами, как рост военной мощи КНР, энергетическая политика Китая, скупающего месторождения энергоносителей, и поддержка недемократических стран, богатых природными ресурсами²⁹⁶.

В докладе о китайской военной мощи 2004 г. впервые была затронута тема озабоченности КНР относительно его «окружения» со стороны США: «лидеры Китая, по-видимому, пришли к выводу, что конечным результатом кампании под руководством США стало дальнейшее окружение Китая, в частности, размещение вооружённых сил США в Центральной Азии, укрепление отношений в области безопасности с Пакистаном, Индией и Японией и возвращение американских вооружённых сил в Юго-Восточную Азию»²⁹⁷.

Вышедшая в 2004 году Национальная военная стратегия примечательна описанием характеристик того, какими должны быть объединённые вооружённые силы США, а именно: полностью интегрированными, экспедиционными, сетцентричными, децентрализованными, приспособляемыми, обладающими превосходством в сфере принятия решений, обладающими возможностями

²⁹⁵ Rice C. Our Asia Strategy. Washington, DC, October 24, 2003 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2003/25606.htm> (26.08.2022)

²⁹⁶ Remarks by National Security Advisor Steve Hadley to the National Bureau of Asian Research Strategic Asia Forum. April 5, 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/04/20060405-11.html> (20.09.2021)

²⁹⁷ FY04 Report to Congress on PRC Military Power Pursuant to the FY2000 National Defense Authorization Act. Washington DC: Department of Defense, 2004. P. 12. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2015/11/DoD_China-Report_2004.pdf (20.09.2021).

эффективного поражения противника²⁹⁸. Далее в документе разъясняется, что стоит за этими терминами. Функции и возможности четырёх видов вооружённых сил должны быть полностью интегрированы друг с другом; ВС должны адаптироваться к новым угрозам прежде всего за счёт их прогнозирования; войска должны быть готовы к быстрому развёртыванию по всему миру; должны уметь разрабатывать тактику реагирования на меняющиеся ситуации и сохранять возможность вести военные действия в условиях рассредоточения сил. Действия таких сил должны быть синхронизированы по времени и целям. Отдельно отмечалась способность собирать и анализировать разведданные и оперативно передавать такую информацию на всех уровнях принятия решений.

В 2005 году была опубликована Национальная оборонная стратегия США, где были описаны пути реализации принципов, заложенных в Стратегии национальной безопасности 2002 г. Угрозы безопасности США подразделялись на 4 группы: традиционные (военные конфликты с применением обычных вооружений); нетрадиционные (терроризм, внутренние конфликты, партизанские и другие асимметричные военные действия); катастрофические (использование ОМУ террористами или государствами-изгоями); подрывные (кибератаки и др.)²⁹⁹. В документе выделялись 4 стратегические задачи по обеспечению безопасности: защита Соединённых Штатов от прямого нападения; обеспечение стратегического доступа вооружённых сил и сохранение глобальной свободы действий; укрепление союзов и партнёрств; создание благоприятных условий в сфере безопасности. Предлагались 4 способа решения этих задач: заверить союзников и партнёров в намерении выполнять обязательства в сфере безопасности; удерживать потенциальных противников от развития угрожающих возможностей, методов и устремлений; сдерживать агрессию и противостоять принуждению; побеждать противников³⁰⁰. Также в четырёх пунктах были изложены руководящие принципы

²⁹⁸ National Military Strategy of the United States of America 2004. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow. Department of Defense, 2004. P. VIII. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=446695> (26.08.2022)

²⁹⁹ National Defense Strategy of the United States of America. Department of Defense, March 2005. P. 2-3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=452255> (26.08.2022)

³⁰⁰ Ibid. P. 6-8.

реализации стратегического планирования и принятия решений в области обороны. Первый из них – активная многоуровневая оборона. При этом заявлялось: «Позволить противнику нанести удар первым ... недопустимо. Следовательно, Соединённые Штаты должны предотвращать наиболее опасные вызовы на раннем этапе и на безопасном расстоянии, прежде чем они обретут силу»³⁰¹. Вторым принципом – продолжающаяся трансформация, затрагивающая технологии, методы ведения военных действий, людские ресурсы, организационные принципы и международные партнёрства³⁰². Следующие два принципа – уже упоминавшийся подход, основанный на возможностях, и управление рисками.

В докладе о китайской военной мощи 2005 года вновь повторяется озабоченность касательно нетранспарентности военной модернизации и военных расходов Китая, смещающегося военного баланса в Тайваньском проливе за счёт наращивания Китаем баллистических ракет малой дальности, крылатых ракет, подводных лодок и самолётов. Отмечается, что «в долгосрочной перспективе, если текущие тенденции сохранятся, возможности НОАК могут представлять реальную угрозу для других современных вооружённых сил, действующих в регионе»³⁰³. Кроме того, отмечалось, что «... по мере роста военной мощи Китая, у руководства КНР может возникнуть соблазн прибегнуть к силе или принуждению, чтобы добиться дипломатического преимущества, продвижения своих интересов безопасности или разрешения споров»³⁰⁴, что подтверждается историей возникновения конфликтов между Китаем и его соседями: Индией, Японией, Филиппинами, бывшим СССР и Вьетнамом.

В 2006 году вышел в свет второй Четырёхлетний обзор в области обороны. В нём впервые за время администрации Дж. Буша-мл. признавалось, что Министерство обороны США не сможет решить приоритетные задачи обеспечения безопасности без сотрудничества с другими странами, поэтому предлагается

³⁰¹ Ibid. P. 9.

³⁰² Ibid. P. 10.

³⁰³ Annual Report to Congress: The Military Power of the People's Republic of China 2005. Washington DC: Department of Defense, 2005 P. 4. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2015/11/DoD_China-Report_2005.pdf (26.08.2022)

³⁰⁴ Ibid. P. 21.

укреплять существующие альянсы и создавать новые партнёрства³⁰⁵. Что касается угроз безопасности, описанных в Национальной оборонной стратегии, в обзоре говорится о смещении спектра возможностей ВС США в сторону нерегулярных, катастрофических и подрывных угроз, при сохранении возможности отвечать на традиционные³⁰⁶. Характерной особенностью военного строительства того периода является акцент на силах специального назначения. Часть задач, ранее характерных для таких сил, планировалось переложить на регулярные подразделения, а кроме того – увеличить численность сил специального назначения, в частности подразделений психологических операций и взаимодействия с гражданским населением на 33% и создать Командование специальных операций Корпуса морской пехоты³⁰⁷. В документе уделялось значительное внимание Азиатско-Тихоокеанскому региону. В разделе о развитии военно-морских возможностей говорилось о планах разместить в регионе 60% подводных лодок и 6 авианосцев (из 11)³⁰⁸. Отмечалось, что Китай, наряду с Россией и Индией, станет главным фактором, определяющим обстановку в сфере международной безопасности в XXI веке³⁰⁹. Кроме того, говорилось: «Из крупных и развивающихся держав Китай обладает наибольшим потенциалом для того, чтобы конкурировать с Соединёнными Штатами в военной сфере и применять разрушительные военные технологии, которые со временем могут свести на нет традиционные военные преимущества США при отсутствии противостоящих этому стратегий»³¹⁰

Стратегия национальной безопасности 2006 г. характеризовалась едва ли не большим уровнем прозелитизма, чем предыдущая. В предисловии президента документ назывался «стратегией национальной безопасности военного времени». В качестве фундаментальных основ стратегии Дж. Буш-мл выделял продвижение демократии и лидерство США в растущем сообществе демократий, которое они должны вдохновлять своей историей и своими идеалами. Это идеалистическое

³⁰⁵ Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. February 6, 2006. P. 20. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=459870> (26.08.2022)

³⁰⁶ Ibid. P. 19.

³⁰⁷ Ibid. P. 44.

³⁰⁸ Ibid. P. 47.

³⁰⁹ Ibid. P. 28.

³¹⁰ Ibid. P. 29.

стремление объяснялось так: «Поскольку демократии являются наиболее ответственными членами международной системы, продвижение демократии является наиболее эффективной мерой укрепления международной стабильности, сокращения региональных конфликтов ... продления мира и процветания»³¹¹. В параграфе о борьбе с тиранией перечисляются 7 государств с деспотическими режимами: Северная Корея, Иран, Сирия, Куба, Беларусь, Мьянма и Зимбабве. Китая среди этих режимов нет. Таким образом, США объявляли своими противниками только так называемые государства-изгои. Как и в Четырёхлетнем обзоре 2006 г., в документе содержалось множество отсылок к необходимости сотрудничества с союзниками и партнёрами. В отношении Китая высказывалась готовность к ответным действиям, если события примут негативный ход: «Наша стратегия направлена на то, чтобы побудить Китай сделать правильный стратегический выбор для своего народа, в то же время мы подстраховываемся на случай других сценариев»³¹².

В докладе о китайской военной мощи 2007 г. высказываются опасения относительно развития арсенала баллистических ракет увеличенного радиуса действия, в частности ракет промежуточной дальности. На фоне уничтожения КНР собственного спутника в год выхода доклада отмечалась озабоченность по поводу опасности, которую такие возможности представляют для всех стран, осуществляющих полёты в космос³¹³. Кроме того, высказывались опасения, что Китай готовит стратегию превентивных действий в отношении Тайваня. Помимо баллистических ракет малой дальности, которых, по данным авторов, у КНР насчитывалось около 900, средства, допускающие реализацию такого сценария, включали в себя самолёты Су-30 и J-10³¹⁴.

³¹¹ The National Security Strategy of the United States of America. The White House. March 2006. P. 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CMI8yHpX4x6IA%3d%3d> (26.08.2022)

³¹² Ibid. P. 42.

³¹³ Annual Report to Congress: Military Power of the People's Republic of China 2007. Washington DC: Office of the Secretary of Defense. P. 1 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2015/11/DoD_China-Report_2007.pdf (26.08.2022)

³¹⁴ Ibid. P. 12.

Модернизация вооружённых сил США была продолжена при администрации Б. Обамы. В Четырёхлетнем обзоре в области обороны 2010 года обозначались приоритеты военного строительства для обеспечения возможности проведения военных операций в условиях наличия у противника развитой системы противодействия доступу американских ВС на ТВД. Китай в этой связи упоминается третьим после Северной Кореи и Ирана³¹⁵. В связи с этим Министерство обороны планировало проведение следующих мер: 1) разработку концепции воздушно-морских операций, подразумевающих совместные действия ВВС и ВМС; 2) разработку ударных средств дальнего радиуса действия (модернизация вооружения подлодок класса «Вирджиния», создание морского БПЛА, разработку ударных и наблюдательных самолётов дальнего радиуса действия, разработку новой крылатой ракеты для ВВС и ВМС, а также продолжение разработки прототипов системы БГУ); 3) разработка многоцелевого автономного подводного аппарата; 4) укрепление инфраструктуры военных баз; 5) обеспечение доступа к космическому пространству и использованию космической инфраструктуры; 6) укрепление инфраструктуры командования и управления; 7) развитие средств радиоэлектронной борьбы; 8) наращивание военного присутствия, в частности военно-морского, в избранных регионах³¹⁶. Отдельный раздел документа был посвящён возможностям и угрозам в киберпространстве. В частности, заявлялось «...Неудивительно, что информационные сети Министерства обороны стали мишенями для противников, стремящихся помешать военным операциям США. Действительно, в эти сети ежедневно совершаются проникновения из множества источников, начиная от небольших групп людей и заканчивая некоторыми из крупнейших стран мира»³¹⁷. В последнем случае явно содержался намёк на Китай и, возможно, Россию. Для координации подобной деятельности Министерству обороны предписывалось создать Киберкомандование США в составе Стратегического командования³¹⁸. Всё

³¹⁵ Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. February 2010. P. 31 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=29786> (26.08.2022)

³¹⁶ Ibid. P. 33-34.

³¹⁷ Ibid. P. 37.

³¹⁸ Ibid. P. 38.

это предполагалось осуществлять несмотря на запланированные уже тогда сокращения военных расходов.

Эта мысль подтверждается и в Стратегическом руководстве в области обороны 2012 г., где утверждается: «Такие государства, как Китай и Иран, будут продолжать использовать асимметричные средства для противодействия нашим возможностям проецирования силы <...> Соответственно, вооружённые силы США будут инвестировать необходимые средства для обеспечения своей способности эффективно действовать в средах, где их свобода ограничивается, а доступ блокируется. Речь идёт о реализации Объединённой концепции оперативного доступа, поддержании подводного потенциала, разработке нового малозаметного бомбардировщика, об улучшении противоракетной обороны и о продолжении усилий по повышению устойчивости и эффективности критически важных космических средств»³¹⁹. Одновременно с этим говорится о стремлении к удешевлению обеспечения безопасности: «По возможности мы будем находить инновационные, недорогие и нетребовательные к ресурсам подходы для достижения наших целей безопасности, полагаясь на учения, ротационное присутствие и консультативные возможности»³²⁰. Таким образом, роль постоянного военного присутствия и военных баз в целом в военном планировании снижалась. Кроме того, в последнем в истории Четырёхлетнем обзоре в области обороны 2014 г. в рамках модернизации структуры вооружённых сил было решено подвергнуть сокращению сухопутные войска, включая личный состав, находящийся на действительной службе, резервистов и национальную гвардию³²¹.

В стратегии национальной безопасности 2015 г. повторялась мысль о желательности мирного развития Китая, однако звучали довольно жёсткие слова относительно не устраивающего США поведения: «В то же время мы будем

³¹⁹ Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century defense. Defense Strategic Guidance. Department of Defense. January 2012. P. 4-5. [Электронный ресурс] Режим доступа:

https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/defense_guidance-201201.pdf (26.08.2022)

³²⁰ Ibid. P. 3.

³²¹ Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. March 2014. P. 29 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2014.pdf?ver=tXH94SVvSQLVw-ENZ-a2pQ%3d%3d> (26.08.2022)

осуществлять соперничество с позиции силы, настаивая на том, чтобы Китай придерживался международных правил и норм по различным вопросам, от безопасности на море до торговли и прав человека. Мы будем внимательно следить за военной модернизацией Китая и расширением его присутствия в Азии и искать способы снизить риски недопонимания или просчетов»³²². Отдельно отмечался аспект кибербезопасности: «Мы предпримем необходимые действия для защиты нашего бизнеса и защиты наших сетей от киберворовства коммерческих секретов в коммерческих целях, будь то со стороны частных лиц или китайского государства»³²³.

В связи с одним из положений закона «Об оборонных ассигнованиях» на 2015 фин. г. Министерство обороны должно было представить Конгрессу Стратегию военно-морской безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая и была опубликована в 2015 г. В документе перечислены 4 направления деятельности Министерства обороны по обеспечению безопасности на море: усиление военного-морского потенциала США; наращивание военно-морского потенциала союзников и партнёров; использование военной дипломатии для снижения рисков и повышения прозрачности, а также укрепление развития открытой и эффективной архитектуры региональной безопасности³²⁴. Отмечалась ключевая роль прорывных технологий в ответ на распространение А2/AD-оружия в АТР: «Чтобы «скомпенсировать» достижения в области А2/AD вооружений, которые, как мы видим, распространяются в Азии и за её пределами, Министерство обороны будет выявлять, разрабатывать и внедрять передовые технологии и системы, особенно в таких областях как робототехника, автономные системы, миниатюризация, большие данные и аддитивное производство, и объединит их в инновационные операционные и организационные схемы, чтобы обеспечить

³²² National Security Strategy. The White House. February 2015. P. 24 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2015.pdf?ver=TJJ2QfM0McCqL-pNtKHtVQ%3d%3d> (26.08.2022)

³²³ Ibid. P. 24.

³²⁴ The Asia-Pacific Maritime Security Strategy: Achieving U.S. National Security Objectives in a Changing Environment. Department of Defense. August 2015. P. 19 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (26.08.2022)

свободу доступа для ВС Соединённых Штатов в оспариваемой противником среде»³²⁵. Документ также подтверждал важность распределения передового присутствия США по всему АТР, в результате чего Министерство обороны смогло бы «сместить своё концентрированное присутствие на Окинаве в сторону более распределённой модели, которая включает Австралию, Гавайи, Гуам и основную территорию Японии»³²⁶. Отдельный раздел документа был посвящён созданию искусственных участков суши в Южно-Китайском море³²⁷. В нём подробно описывались подобные действия всех стран-участниц территориальных споров в ЮКМ и подчёркивались исключительные масштабы китайских усилий в этой области. Заявлялось о том, что искусственные участки суши не создают особых морских зон, предусмотренных международным правом³²⁸. В связи с этим Китай обвинялся в изменении «физического статус-кво» в регионе³²⁹.

В 2017 г. была опубликована первая и единственная Стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа, в предисловие которой был вынесен её главный лозунг – «Америка превыше всего». В отличие от администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, администрация Трампа выпустила СНБ в качестве первого доктринального документа, причём сделала это в первый год пребывания у власти. От СНБ времён Обамы документ отличало то, что в нём отражались вопросы, поднимавшиеся Трампом ещё во время избирательной кампании, такие как миграционная проблема и необходимость проведения налоговой реформы. Обозначалась проактивная линия поведения США на международной арене, в чём СНБ-2017 в чём-то перекликается с СНБ второго срока Дж. Буша-мл. Так, в 4-м разделе документа говорилось: «Наша внешняя политика под лозунгом «Америка превыше всего» отмечает влияние Америки в мире как позитивную силу, которая может помочь создать условия для мира и процветания, а также развития успешных

³²⁵ Ibid. P. 22.

³²⁶ Ibid. P. 22-23.

³²⁷ Ibid. P. 15.

³²⁸ Ibid. P. 16.

³²⁹ Ibid. P. 17.

обществ»³³⁰. Субъекты, представляющие угрозу для Соединённых Штатов, подразделялись в документе на три категории: ревизионистские державы (Китай и Россия), государства-изгои (Иран и Северная Корея), транснациональные организации (джихадистские террористические группировки)³³¹. Документ содержит критику политики безопасности предшественников администрации Трампа: «Несмотря на десятилетия усилий по реформированию процесса разработки и закупки нового вооружения <...> объединённые вооружённые силы не успевали за возникающими угрозами и технологиями. Мы также ошибочно полагали, что технологии могут компенсировать наши ограниченные возможности <...> Мы убедили себя, что все войны будут вестись и выигрываться быстро, с большого расстояния и с минимальными потерями»³³². Вместо Азиатско-Тихоокеанского, стратегия продвигает концепцию Индо-Тихоокеанского региона, где происходит «геополитическое соревнование между свободным и репрессивным видением мирового порядка»³³³. В этом регионе США намеревались развивать отношения как со старыми, так и с новыми идеологически близкими партнёрами: «Мы удвоим нашу приверженность сложившимся альянсам и партнёрствам, расширяя и углубляя отношения с новыми партнёрами, которые разделяют уважение к суверенитету, справедливой и взаимной торговле и верховенству закона»³³⁴. Стратегия национальной безопасности 2017 г. является отражением пессимистического взгляда на американо-китайские отношения, который начал набирать силу одновременно с усилением значимости КНР в мировых делах. По мнению авторов стратегии, попытки превратить Китай в стратегического партнёра были ошибочными. Так, согласно этому документу, «такое соперничество требует от Соединённых Штатов переосмысления политики последних двух десятилетий – политики, основанной на предположении, что взаимодействие с соперниками и их включение в международные институты и

³³⁰ National Security Strategy of the United States of America. The White House. December 2017. P. 37 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (26.08.2022)

³³¹ Ibid. P. 25.

³³² Ibid. P. 27.

³³³ Ibid. P. 45.

³³⁴ Ibid. P. 46-47.

глобальную торговлю превратят их в доброжелательных действующих лиц и надёжных партнёров. По большей части эта установка оказалась ложной»³³⁵. Поэтому в Стратегии национальной безопасности 2017 г. Китай объявлялся глобальным стратегическим соперником США. Эта мысль раскрывается и в других доктринальных документах администрации Трампа. Такой подход к взаимодействию с Китаем разительно отличается от взглядов предыдущей администрации. Главной особенностью СНБ 2017 г. является тот факт, что она приписывает Китаю создание враждебного США геополитического проекта, а именно концепции «сообщества единой судьбы человечества». Эту мысль подхватывают другие доктринальные документы. В СНБ заявляется, что Китай может в будущем предпринять военные меры принудительного характера в АТР или вообще вытеснить США из региона. Кроме того, в Стратегии говорится о том, что Китаю удалось получить многие преимущества, в том числе технологические, нечестным путём: «Каждый год конкуренты, такие как Китай, крадут интеллектуальную собственность США стоимостью сотни миллиардов долларов. Кража запатентованных технологий и идей на ранних стадиях позволяет конкурентам несправедливо использовать инновации свободных стран»³³⁶.

В Национальной оборонной стратегии 2018 г. обозначаются цели вооружённых сил США в мирное и военное время. В первом случае ВС США намерены сдерживать агрессию в трёх важнейших регионах: Индо-Тихоокеанском регионе, Европе и на Ближнем Востоке. В военное время ВС США должны быть способны нанести поражения крупной державе в случае агрессии с её стороны, и одновременно сдерживать возможность «оппортунистических агрессий» в других регионах мира³³⁷. Приоритетными направлениями развития вооружённых сил называются ядерные силы, развитие возможностей в космосе и киберпространстве, командно-информационные системы, противоракетная оборона, повышение поражающей способности ВС в обстановке противодействия со стороны

³³⁵ Ibid. P. 3.

³³⁶ Ibid. P. 21.

³³⁷ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Department of Defense. January 2018. P. 6 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=807329> (26.08.2022)

противника, укрепление и повышение манёвренности сил передового базирования, высокотехнологичные автономные системы, гибкая и устойчивая логистика вооружённых сил³³⁸. В русле реализации этих целей в документе вводится концептуальное понятие «динамичное применение вооружённых сил» (*dynamic force employment, DFE*). Реализация данной концепции призвана способствовать тому, что «вооружённые силы будут использоваться более гибко с тем, чтобы в инициативном порядке формировать стратегическую обстановку, сохраняя при этом готовность к реагированию на непредвиденные обстоятельства и обеспечивать боевую готовность в долгосрочной перспективе»³³⁹. В важнейшем документе, касающемся непосредственно оборонной доктрины, Китай называется одной из главных угроз национальной безопасности, наряду с Россией, «государствами-изгоями» и негосударственными субъектами. В отношении России и Китая также говорится о том, что они намерены перестроить мир в соответствии со своей авторитарной моделью управления. Китай, в свою очередь, по словам авторов документа, намерен, в том числе при помощи военной силы, вытеснить США из АТР в среднесрочной перспективе и занять их место в мировых делах – в долгосрочной. В ответ на это Соединённые Штаты в качестве основной меры полагают укрепление отношений со своими союзниками и партнёрами в АТР.

В «Обзоре ядерной политики США», опубликованном в том же 2018 г., подтверждается проведение модернизационных программ в отношении всех компонентов ядерной триады, в частности замена ПЛАРБ типа «Огайо» типом «Колумбия», замена ракет «Минитмен-3» на новые аналоги (*Ground-Based Strategic Deterrent*), разработка стратегических бомбардировщиков нового поколения B-21, а также строительство истребителей-бомбардировщиков F-35, способных нести ядерное оружие. Кроме того, были названы и новые программы, такие как крылатая ракета дальнего радиуса действия LRSO, создаваемая для поддержки бомбардировочного компонента триады и ядерная крылатая ракета морского базирования. В отношении Китая говорится следующее: «Соединённые

³³⁸ Ibid. P. 6-7.

³³⁹ Ibid. P. 7.

Штаты готовы к решительному ответу на китайскую неядерную или ядерную агрессию. Помимо прочего, эта готовность демонстрируется путём проведения учений США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, этой же цели будет служить и увеличение диапазона дифференцированных вариантов ядерного реагирования, доступных президенту»³⁴⁰. Таким образом, такое стратегическое видение делает ядерную политику США инструментом военного давления на Китай.

«Обзор противоракетной обороны», опубликованный администрацией Трампа в 2019 г., также описывал ситуацию, в которой США вовлечены в стратегическое соперничество с Китаем и Россией. В своём выступлении, представляющем «Обзор ПРО», Д. Трамп, в частности, сказал: «Мы нейтрализуем любые пуски ракет со стороны враждебных держав или держав, которые допустят ошибку <...> Независимо от типа ракеты или географического происхождения атаки, мы позаботимся о том, чтобы вражеские ракеты не нашли убежища ни на земле, ни в небе <...> Наша стратегия основана на главной цели: обнаружить и перехватить ракетный удар любого типа по любой цели на территории США, будь то до или после запуска»³⁴¹. В этом сообщении прослеживалась мысль о том, что США ставили своей целью цель перехватить все ракеты, запущенные для поражения целей на территории США и их союзников, и тем самым нейтрализовать любую ракетную угрозу. Схожая мысль просматривается и в самом документе. В его вводной части провозглашается «всеобъемлющий подход», который соединяет в себе одинаковое отношение к ракетным угрозам со стороны «государств-изгоев» (то есть угрозы материковой части США) и региональным ракетным угрозам. Кроме того, в этом подходе сочетаются оборонительные и наступательные аспекты противоракетной обороны³⁴². Подобный подход переводит в плоскость возможного превентивные удары США по ракетным

³⁴⁰ Nuclear Posture Review. Department of Defense. February 2018. P. 32 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (26.08.2022)

³⁴¹ Russia, China and the US Missile Defense Review: the shape of strategic competition // The Strategist, January 24, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aspistrategist.org.au/russia-china-and-the-us-missile-defense-review-the-shape-of-strategic-competition/> (07.01.2021)

³⁴² 2019 Missile Defense Review. Department of Defense. January 2019. P. 1 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (26.08.2022)

объектам России и Китая даже в случае конфликта с применением обычного вооружения. Учитывая размер китайского ядерного арсенала и его приверженность принципу ограниченного сдерживания, такой подход для него просто неприемлем, так как подобные превентивные действия способны сильно ослабить ядерный потенциал КНР. В связи с этим в экспертной среде даже начались дискуссии о том, что упор на превентивные действия со стороны США может привести к изменению китайской ядерной доктрины, о чём уже говорилось в главе 1. В ядерной сфере понятие стратегической стабильности было окончательно упразднено и заменено соперничеством. Никаких предложений или намерений касательно того, как вовлечь Китай в какой-либо диалог, например, о повышении транспарентности или стратегической стабильности, не содержится. Кроме того, рассматривалась возможность размещения элементов системы ПРО, включая перехватчики, в космосе ³⁴³. Будучи реализовано на практике, это почти наверняка повлечёт за собой ответные меры России и Китая.

Упомянутые элементы американского подхода к отношениям с Китаем содержатся и в документе под названием «Стратегические основы для Индо-Тихоокеанского региона», рассекреченном администрацией Трампа за восемь дней до ухода последнего с поста президента. Этот документ, принятый в 2018 г., по словам представителей Белого дома, представляет собой всеобъемлющее стратегическое руководство, которым правительство США должно было пользоваться в том, что касается взаимодействия с Индо-Тихоокеанским регионом. Документ призывает поддерживать дипломатическое, военное и экономическое превосходство США в регионе и противостоять попыткам Китая установить антилиберальную сферу влияния. В частности, в разделе о военной стратегии в отношении КНР, основными задачами ВС США называются: недопущение господства Китая на море и в воздухе в пределах «первой цепи островов»; оборона стран, находящихся внутри «первой цепи», включая Тайвань; обеспечение

³⁴³ Ibid. P. IX.

господства США во всех средах за пределами «первой цепи»³⁴⁴. Большое внимание уделяется отношениям с союзниками, особенно в рамках так называемой Четвёрки (*the Quad*), включающей в себя США, Австралию, Индию и Японию. Особая роль при этом отводится Индии, которая в документе предстаёт как противовес Китаю, главный региональный гарант безопасности в Южной Азии и Индийском океане, а также, совместно с США, в Юго-Восточной Азии. Помимо этого заявляется, что «США и их партнёры на всех континентах должны сопротивляться действиям Китая, направленным на подрыв их суверенитета, включая скрытое или насильственное влияние»³⁴⁵. Кроме того, предполагается поддерживать активистов и сторонников реформ по всему ИТР.

В 2019 г. администрация Трампа опубликовала свою Индо-Тихоокеанскую стратегию. В ней, как и в СНБ, Китай обвиняется в гегемонистских устремлениях: «По мере того как Китай продолжает укрепление своего экономического и военного господства, он стремится к гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе в краткосрочной перспективе и к глобальному превосходству в долгосрочной перспективе»³⁴⁶. Помимо обычного перечня военных мер, вызывающих обеспокоенность США, в документе осуждаются и экономические меры, при помощи которых Китай переделывает регион и мир под свои нужды: «Китай использует экономические меры поощрения и наказания, операции по продвижению своего влияния и намёки на военные угрозы, чтобы убедить другие государства следовать в русле его повестки дня»³⁴⁷.

На момент написания работы Стратегия национальной безопасности Дж. Байдена так и не была опубликована, однако спустя всего 6 недель после инаугурации администрация выпустила документ под названием «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», своеобразную

³⁴⁴ U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. The White House, 2021. P. 7 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (25.01.2021)

³⁴⁵ Ibid. P. 3.

³⁴⁶ Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. Department of Defense. June 1, 2019. P. 8 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (26.08.2022)

³⁴⁷ Ibid. P. 9.

«облегчённую версию» СНБ. Это довольно необычная практика, поскольку подобные доктринальные документы обычно публикуются новой администрацией не ранее, чем в конце первого года своего пребывания у власти. Особенности данного документа заключаются в акценте на защиту и продвижение американских ценностей, а также во взгляде на современную международную политику как на противостояние между демократией и авторитаризмом: «Антидемократические силы применяют дезинформацию, превращённую в оружие коррупции, чтобы использовать наши видимые слабости и посеять раскол внутри свободных стран и между ними, подорвать существующие международные правила и продвигать альтернативные, авторитарные модели управления»³⁴⁸. Кроме того, заявляется о неразрывной связи между внутренней и внешней политикой, необычно большое внимание уделяется внутренней политике. Одним из главных приоритетов Стратегии национальной безопасности Байдена называются взаимоотношения с союзниками. Что касается политики в Индо-Тихоокеанском регионе, в её основе лежит уже упомянутое взаимодействие с союзниками, такими как Япония, Республика Корея и Австралия, а также с партнёрами, такими как Новая Зеландия, Сингапур, Вьетнам и другие страны АСЕАН. При этом союзники США, связанные с ними договорами о безопасности – Филиппины и Таиланд – в тексте документа не упоминаются. Несмотря на различие подходов к внешней политике по сравнению с администрацией Трампа, позиция администрации Байдена в отношении Китая строится на принципах соперничества великих держав. В частности заявляется: «Укрепляя и защищая нашу не имеющую аналогов сеть союзников и партнёров и делая разумные инвестиции в оборону, мы будем сдерживать китайскую агрессию и противостоять угрозам нашей коллективной безопасности, процветанию и демократическому образу жизни»³⁴⁹. Заявляется также о необходимости внутренних инвестиций для того, чтобы «выиграть» в противостоянии с Китаем: «Самый эффективный способ для Америки превзойти более напористый и авторитарный Китай в долгосрочной перспективе — это

³⁴⁸ Interim National Security Strategic Guidance. Washington DC: The White House, 2021. P. 7. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (26.08.2022).

³⁴⁹ Ibid. P. 20.

инвестировать в наших людей, нашу экономику и нашу демократию»³⁵⁰. Также заявляется о поддержке соседних с Китаем государств и защите их от притеснения с его стороны: «Мы будем поддерживать соседей и коммерческих партнёров Китая в защите их права на независимый политический выбор, свободный от принуждения или неправомерного иностранного влияния»³⁵¹. Отдельно в этом ключе упоминается и Тайвань. Одновременно с этим указываются и области возможного сотрудничества с КНР, такие как изменение климата, глобальная безопасность в области здравоохранения, контроль над вооружениями и нераспространение ОМУ³⁵².

11 февраля 2022 года была опубликована Индо-Тихоокеанская стратегия администрации Дж. Байдена. В стратегии отражено, что соперничество с Китаем остаётся долгосрочной целью американской внешней политики. Особо подчёркивается намерение США к тесному сотрудничеству со своими союзниками и партнёрами в регионе³⁵³. Примечательно, что в документе упоминается пересечение интересов со всеми крупными союзниками или группами партнёров³⁵⁴. В отличие от администрации Трампа, открыто критиковавшего китайский политический режим, стратегия ставит своей целью не изменение Китая, а изменение стратегической обстановки вокруг него³⁵⁵. Таким образом продолжается линия на признание ошибочности политики взаимодействия с Китаем, однако указываются и области возможного сотрудничества, такие как изменение климата или распространение ОМУ. В качестве целей стратегии обозначены: продвижение открытого и свободного Индо-тихоокеанского региона; укрепление связей в регионе и за его пределами, включая европейские страны (такие как «Четвёрка» и АУКУС); способствование экономическому процветанию в регионе; укрепление безопасности Индо-Тихоокеанского региона; укрепление региональной устойчивости перед транснациональными угрозами, такими как

³⁵⁰ Ibidem.

³⁵¹ Ibid. P. 20-21.

³⁵² Ibid. P. 21.

³⁵³ Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. February 2022. P. 7 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (26.08.2022)

³⁵⁴ Ibid. P. 9, 11, 16, 17.

³⁵⁵ Ibid. P. 5.

пандемии, глобальное потепление и прочее. Кроме того, в документе указываются 10 приоритетных задач, которые администрация намерена выполнить в ближайшие 1-2 года³⁵⁶. Среди этих действий в том числе находится укрепление потенциала сдерживания в регионе, укрепление потенциала союзников и партнёров и противостояние военной агрессии, в том числе в Тайваньском проливе. Отдельно упоминается укрепление оборонного потенциала тихоокеанских островных государств. Также упоминается проект под названием *Pacific Deterrence Initiative* по укреплению военной безопасности в регионе³⁵⁷. Данная инициатива включена в Закон об оборонных ассигнованиях на 2022 фин. г., на которую в нём было выделено больше денег, чем запрашивалось изначально почти на 2 млрд долларов. Её реализация должна помочь укрепить оборонный потенциал союзников США в регионе, а также усилить американские возможности использования военной силы на расстоянии. В документе также подчёркивается важная роль Индии в урегулировании проблем Индо-Тихоокеанского региона³⁵⁸. Риторика выстраивания многосторонних связей с партнёрами, прослеживаемая в документе, местами созвучна с позицией администрации Обамы. политика Китая является центральным элементом данного документа. Содержится обширная критика действий Китая в регионе, в частности попытки КНР установить свою сферу влияния в регионе. Однако при этом, в отличие от документов времён Д. Трампа, Компартия Китая не упоминается.

Доклад о китайской военной мощи-2021 отличается в первую очередь возросшей оценкой ядерных угроз со стороны Китая. по прогнозам авторов доклада ядерный потенциал Китая может составлять до 700 боеголовок к 2027 году и не менее 1000 боеголовок к 2030 году³⁵⁹. Кроме того, отмечается приоритизация КНР ядерного вооружения малой мощности, а также переход к концепции ядерного

³⁵⁶ Ibid. P. 15-16.

³⁵⁷ Ibid. P. 15.

³⁵⁸ Ibid. P. 5.

³⁵⁹ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China: Annual Report to Congress. Washington DC, Office of the Secretary of Defense, 2021. P. 90. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF> (26.08.2022)

сдерживания, основанной на ответно-встречном ударе³⁶⁰. Также впервые говорится о создании в Китае полноценного морского компонента ядерной триады³⁶¹. Называется срок, к которому по указанию КПК ВС Китая должны завершить очередной этап своей модернизации – 2027 год, столетие основания НОАК. Перед ВС Китая ставится задача «всесторонне продвигать модернизацию военной теории, военной организации, личного состава, вооружения и техники»³⁶². Китайский ВМФ и Береговая охрана признаются крупнейшими в мире по численности кораблей. Общее количество боевых кораблей, по мнению авторов документа, к 2025 г. составит 420 единиц, а к 2030 году – 460³⁶³. Говорится и о планах НОАК по размещению военных объектов за рубежом. Среди стран, которые Китай рассматривает в качестве вероятных кандидатов, называются Камбоджа, Мьянма, Таиланд, Сингапур, Индонезия, Пакистан, Шри-Ланка, ОАЭ, Кения, Сейшельские острова, Танзания, Ангола, Таджикистан, а также Намибия³⁶⁴.

В апреле 2022 года был опубликован краткий двухстраничный вариант так называемый справочный бюллетень (*fact sheet*), посвящённый предстоящей Национальной оборонной стратегии США. Он примечателен тем, что в качестве основных угроз там обозначены Китай и Россия, с той разницей, что первый описывается как «определяющий вызов» (*pacing challenge*), а вторая – как «острая угроза» (*acute threat*). Наиболее вероятное объяснение этих формулировок состоит в том, что Китай представляет для США более долгосрочный и многомерный вызов нежели Россия, которую США считают опасной только в военном плане³⁶⁵.

Выводы

Доктринальные документы, публикуемые в Соединённых Штатах, являются весьма информативными источниками для исследования, которые отражают, в том числе, текущие угрозы и вызовы, необходимые цели и направления военного строительства. Исходя из рассмотренных нами доктринальных документов можно

³⁶⁰ Ibidem.

³⁶¹ Ibidem.

³⁶² Ibid., p. 36.

³⁶³ Ibid., p. 49.

³⁶⁴ Ibid., p. 132.

³⁶⁵ Рогов С.М. Указ. соч. С 13.

сделать несколько выводов. Во-первых, в начале XXI века в связи с определёнными событиями у Соединённых Штатов приобретает актуальность представление о новых угрозах национальной безопасности. Выяснилось, что Соединённые Штаты стали намного более уязвимыми, чем прежде, причём не перед традиционными, а асимметричными угрозами. Представления об угрозах безопасности развивались от их максимально широкого спектра при Дж. Буше-мл. к намного более конкретным при Д. Трампе. Масштаб угроз также увеличивался, от большого количества вызовов, до угроз американскому доминированию в мире, появилась более чёткая расстановка приоритетов. В течение всего рассматриваемого периода в документах осуществлялась попытка анализа эволюции ситуации в сфере международной безопасности после холодной войны.

В доктринальных документах отражено стремление к модернизации вооружённых сил США с изначальной целью разубедить потенциальных противников наращивать свою военную мощь. Говорилось о том, что вооружённые силы должны быть глубоко интегрированы друг с другом, уметь адаптироваться к новым условиям за счёт прогнозирования угроз, а также реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, быть готовыми к быстрому развёртыванию по всему миру. Упор на манёвренность сил передового присутствия и противодействие системам ограничения доступа противника был сделан ещё до того, как эта необходимость стала объясняться военным противостоянием с КНР – ещё в первом доктринальном документе администрации Дж. Буша-мл., опубликованном в 2001 г. Большое внимание уделялось вопросам инфраструктуры: укреплению системы командования и управления, а также зарубежных военных баз. Кроме того, с самого начала рассматриваемого периода в документах прослеживаются планы по наращиванию военно-морской группировки США в АТР. Как было показано в предыдущей главе, такие приоритеты военного строительства, как манёвренность, координация действий различных видов вооружённых сил и упор на военно-воздушную и военно-морскую составляющую, совпадают в военном планировании США и Китая. На определённом этапе происходит смещение акцента с традиционных задач вооружённых сил в сторону противостояния асимметричным

угрозам, специальных операций, операций в киберпространстве и др. Одной из главных задач модернизации являлся контроль противника на расстоянии, что связано с увеличением радиуса A2/AD-возможностей у потенциальных противников (прежде всего у Китая), что является частным случаем необходимости борьбы с асимметричными угрозами. В эту же категорию можно отнести развитие противоракетной обороны, космических возможностей, беспилотных аппаратов и малозаметных образцов военной техники (в основном, на море и в воздухе). В доктринальных документах подтверждается курс на модернизацию ядерной триады и развитие стратегического неядерного вооружения. Говорится о необходимости сделать ядерное оружие более применимым в боевых условиях. Также в официальных документах обнажается противоречие между стремлением к экономии и необходимостью проводить модернизацию вооружённых сил, которая требует больших капиталовложений, в связи с чем делаются попытки поиска компромисса. Нужно отметить, что несмотря на нехватку средств, ни одно из основных направлений модернизации вооружённых сил свёрнуто не было. На протяжении всего рассматриваемого периода в доктринальных документах говорится о необходимости так называемого передового сдерживания, которое предполагает военное присутствие в непосредственной близости от потенциальных угроз. Также в разных контекстах в документах допускается возможность превентивных односторонних действий. Кроме того, из-за большой площади АТР, по мнению авторов документов, возникала необходимость в обширном военном присутствии США в разных частях этого региона.

Такая позиция обуславливает потребность доступа к объектам военной инфраструктуры, принадлежащим как непосредственно США, так и их союзникам и партнёрам. Кроме того, с политической точки зрения главной целью было поддержание в регионе статус-кво и сохранение американского военного доминирования. Именно из-за этого все администрации неизменно подчёркивали необходимость развития отношений с союзниками, однако до формулирования стратегии «разворота в Азию» чёткой проактивной повестки дня у США в регионе не было. В основе этих отношений лежат обязательства перед союзниками в сфере

безопасности, приверженность которым подчёркивается во всех доктринальных документах. Сквозь доктринальные документы также проходит мысль об определяющей роли Индии в Азии и мире в целом, а также говорится о необходимости укреплять сотрудничество с ней несмотря на отсутствие у США соответствующих обязательств в области безопасности. Кроме того, прослеживаются определённые «качели» в отношении государств АСЕАН, которые при администрации Б. Обамы позиционировались как играющие центральную роль во взаимодействии США со странами АТР, а впоследствии стали во многом игнорироваться. Появляются упоминания новых союзнических объединений, таких как «Четвёрка» и АУКУС, в которых вопросы безопасности играют значительную роль. В связи с этим в документах проводится связь между военными и дипломатическими методами обеспечения национальной безопасности.

Китай с самого начала рассматриваемого периода обозначался как потенциальный источник угрозы национальной безопасности США, который с течением времени постепенно вытеснял по степени важности такие источники угроз как негосударственные акторы и государства-изгои. В Четырёхлетнем обзоре в области обороны 2006 года впервые было заявлено о том, что Китай – наиболее значительный потенциальный военный конкурент США. Представления администраций президента США и Министерства обороны о Китае исходили из того, что Китай стремится к тому, чтобы добиться снижения роли США и повышения своей роли в регионе с наименьшими для себя издержками, а также к созданию зоны своего исключительного влияния в АТР в том числе путём вытеснения оттуда Соединённых Штатов. В связи с этим, в доктринальных документах высказывалась идея о необходимости побуждения Китая к «правильным» с точки зрения США действиям во внутренней и внешней политике. Военные угрозы со стороны КНР, в представлении Министерства обороны США, сводились в основном к нетранспарентности военной модернизации и оборонных затрат, наращивания ракетного, авиационного, морского и подводного потенциала. Впоследствии к этому списку присоединились кибернетические и космические

угрозы. В связи с этим намечаются потенциальные очаги технологического противостояния между США и КНР. Целью этих военных угроз, по мнению авторов документов, является предотвращение возможности доступа вооружённых сил США в зоны потенциальных боевых действий с участием ВС Китая (ограничения доступа / блокирования зоны). В доктринальных документах можно увидеть предпосылки и к идеологическому противостоянию США и Китая, основанному на представлении о неоспоримой американской исключительности, а также недемократичности Китая. Для документов администрации Д. Трампа характерно подведение итогов деятельности предыдущих администраций и критика упущенных возможностей. В отношении Китая было отмечено, что курс на сотрудничество с Пекином был ошибочным. Китай был назван не только стратегическим, но и идеологическим соперником США, имеющим собственную концепцию мироустройства и желающим сменить США на посту мирового гегемона. В доктринальных документах администрации Д. Трампа военное противостояние стало тесно переплетаться с экономическим, а сами документы, в том числе посвящённые ядерной политике, становятся неприкрытыми инструментами давления на КНР. Произошедший пересмотр политики США в отношении Китая определённо следует рука об руку с пересмотром подхода к военному строительству в целом. В частности, это отражается в виде критики предыдущих администраций, не сумевших создать достаточный технологический отрыв от ближайших конкурентов США.

Также можно сделать вывод о том, что между отдельными администрациями сохраняется доктринальная преемственность, несмотря на их разные идеологические предпочтения. Вне зависимости от того, находилась ли у власти республиканская или демократическая администрация, курс США в отношении Китая в XXI веке проводился сначала с расчётом на взаимодействие и возможность повлиять на его внешнеполитическую стратегию, а впоследствии – с расчётом на размежевание и идеологический конфликт. Это объясняется тем, что сохранение американского доминирования в АТР отвечает национальным интересам США, потому что регион является важным для всех администраций. Кроме того,

преимственность прослеживается и в приоритетах военного строительства. Концентрация на превентивных действиях и «предсказании» угроз при Дж. Буше-мл., скорее всего, ещё до политики «разворота» оказала влияние на восприятие Китаем военного присутствия США, как «окружения» и «удушения»³⁶⁶.

³⁶⁶ Risky Competition: Strengthening U.S.-China Crisis Management // Crisis Group Asia Report N°324. May 20, 2022. P. 9 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/324-us-china-crisis-management.pdf> (26.08.2022)

Глава 4. Практическая реализация военной политики США в отношении Китая

4.1. Политика администрации Дж. Буша-мл.

Одним из наиболее серьёзных последствий террористических актов 11 сентября стало осознание того, что иллюзиям о полной безопасности Америки пришёл конец. В отличие от ядерной угрозы, которая имела место в годы холодной войны, Соединённые Штаты, отделённые от Евразии двумя океанами, стали уязвимы для внезапного нападения врага совершенно иного типа. Такое положение вещей сделало национальную оборону и поддержание гегемонии США главным приоритетом вооружённых сил США. В свете такой сконцентрированности на международной обстановке в области безопасности, американское руководство пришло к пониманию того, что наряду с «дугой нестабильности», простирающейся от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии, в мире существует изменчивый набор региональных держав, одни из которых набирают силу в то время, как другие теряют её.

Несмотря на огромное влияние терактов 11 сентября на международную политику, это событие оказало ограниченное влияние на Азиатско-Тихоокеанский регион и имеющиеся там проблемы безопасности. После терактов 11 сентября Соединённые Штаты стали наращивать усилия по взаимодействию с другими странами, а также международными организациями с целью добиться поддержки возглавляемых ими военных операций, а также достижения других интересов, пользуясь своим экономическим и военным превосходством. При этом сотрудничество происходило на тех направлениях, которые интересовали сами Соединённые Штаты. При этом США намеревались выстроить мировой порядок, основанный на сохранении за ними вышеуказанных преимуществ.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе на момент начала президентства Дж. Буша-мл. США осуществляли оборонное сотрудничество как со своими основными союзниками (Японией, Южной Кореей и Австралией), так и со странами Юго-Восточной Азии, такими как Таиланд, Филиппины и Сингапур.

Основным регулярным инструментом военного сотрудничества оставалось проведение совместных военных учений, совместные действия в области координации действий вооружённых сил и ликвидация последствий стихийных бедствий. Военное сотрудничество с этими странами также использовалось для «подстраховки» в отношении Китая и возможного сдерживания его чрезмерно усилившихся военных возможностей.

Администрация Буша приложила много усилий к тому, чтобы укрепить военный потенциал Японии – одного из главных конкурентов КНР в регионе. Ещё во время предвыборной кампании 2000 года Ричард Армитидж, который в дальнейшем занимал должность заместителя госсекретаря, опубликовал доклад, в котором призвал Японию начать освобождаться от законодательных ограничений, не позволяющих ей использовать военную силу за рубежом. Укреплению отношений с Японией серьёзно способствовало решение руководства страны об отправке в Ирак контингента Сил самообороны Японии. Впервые со времён Второй мировой войны японские войска действовали за границей без санкции какой-либо международной организации. Японские вооружённые силы оставались в Ираке на протяжении четырёх лет, с 2004 по 2008 г. В 2006 году на саммите с участием Дж. Буша-мл. и Дзюнитиро Коидзуми стороны утвердили заявление под названием «Японо-американский альянс в новом веке», где отмечается роль сотрудничества в области противоракетной обороны в укреплении двусторонних отношений³⁶⁷. Практические шаги в этом направлении были достигнуты в 2007 году, когда было опубликовано совместное заявление Консультативного комитета по вопросам безопасности под названием «Трансформация альянса: продвижение сотрудничества в области безопасности и обороны между США и Японией», где обозначались планы размещения радиолокационной станции Х-диапазона на территории военно-воздушной базы «Шарики» и батальона ЗРК «Пэтриот» на территории базы ВВС «Кадена» в Японии.

³⁶⁷ Joint Statement by President George W. Bush and Prime Minister Junichiro Koizumi of Japan: The Japan-U.S. Alliance of the New Century. June 29, 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2006-book1/pdf/PPP-2006-book1-doc-pg1239.pdf> (15.02.2021)

Основным элементом взаимодействия с Южной Кореей стало обсуждение передислокации американских вооружённых сил в рамках программы трансформации. Предполагалось передислоцировать американские ВС подальше от демилитаризованной зоны, а также возложить обязанность патрулирования большей части её южнокорейской стороны на вооружённые силы Южной Кореи. Таким образом, потенциальное военное обострение на границе не приведёт к автоматическому вовлечению Соединённых Штатов.

Кроме того, получило развитие военное сотрудничество с Индией. В 2005 г. между двумя сторонами было подписано Новое рамочное соглашение об оборонном сотрудничестве. В 2007 г. было достигнуто соглашение о сотрудничестве в сфере гражданской ядерной энергетики. Соединённые Штаты обязались предоставить Индии ядерные материалы и ядерные технологии, которые они получают право потребовать обратно, если Индия проведёт военные ядерные испытания. Кроме того, США намеревались поддерживать создание в Индии стратегического резерва ядерного топлива и выход Индии на международный рынок ядерных материалов.

В 2005 году было подписано соглашение об укреплении оборонного сотрудничества с Сингапуром, аналогичное индийскому.

Также на фоне антитеррористического сотрудничества произошло сближение с Филиппинами, которым США оказывали помощь в борьбе с террористической организацией «Абу Сайяф». Помощь включала в себя проведение совместных антитеррористических учений, военную поддержку антитеррористических операций, поставку оборудования.

Кроме двусторонних отношений, США продвигали и взаимодействие между своими основными союзниками в АТР, разделяющими американские ценности. Так, в 2005 году тогдашний госсекретарь Кондолиза Райс на встрече со своим австралийским коллегой Александром Даунером предложила создать трёхсторонний стратегический диалог на уровне министров иностранных дел с

участием Японии³⁶⁸. Первая такая встреча состоялась в Австралии в 2006 г. По итогам встречи было опубликовано совместное заявление, которое включало в себя такие пункты, как усиление сотрудничества с Индией, возвращение КНДР к шестисторонним переговорам, сотрудничество в борьбе с терроризмом и распространением ОМУ и поддержка со стороны США и Австралии претензий Японии на статус постоянного члена СБ ООН³⁶⁹.

Развитие отношений со странами Юго-Восточной Азии также являлось приоритетом для администрации Дж. Буша-мл., так как это было важно с точки зрения обеспечения доступа к военной инфраструктуре, предписываемого доктринальными документами. Ухудшение отношений в ЮВА при администрации Дж. Буша-мл. произошло только с Таиландом. После военного переворота, произошедшего в стране в 2006 г., США объявили о прекращении военного сотрудничества с ней.

Кроме того, США развивали отношения с многосторонними региональными форумами, такими как АТЭС и АСЕАН, чтобы продемонстрировать свою вовлечённость в дела региона несмотря на смещение фокуса внешнеполитической активности на Ближний Восток. В 2005 году на встрече с лидерами стран АСЕАН на форуме АТЭС Дж. Буш-мл. выдвинул концепцию «расширенного партнёрства», подразумевающую сотрудничество в нескольких областях, включая экономику и безопасность. В 2008 году США направили в АСЕАН своего официального представителя, несмотря на то что не являлись членом организации. Американские должностные лица, включая министра обороны, присутствовали и на влиятельном форуме, посвящённом вопросам безопасности в АТР – «Диалоге Шангри-Ла» под эгидой Международного института стратегических исследований.

Кроме того, США пытались продвигать собственные многосторонние проекты. Сюда можно отнести Региональную инициативу в области безопасности

³⁶⁸ Remarks with Australian Foreign Minister Alexander Downer After Their Meeting. Secretary Condoleezza Rice. Washington DC, May 4, 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/45632.htm> (10.07.2018)

³⁶⁹ Trilateral Strategic Dialogue. Joint Statement. Australia-Japan-United States. Sydney, March 18, 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0603-2.html> (11.07.2018)

на море (RMSI), предложенную тогдашним главой Тихоокеанского командования Томасом Фарго и призванную содействовать многостороннему сотрудничеству в борьбе с международными угрозами морской безопасности.

Вооружённые силы США также стали присутствовать в Центральной Азии для поддержки военной операции в Афганистане. С созданием Шанхайской организации сотрудничества Китай также стал наращивать своё влияние в пограничных с ним странах ЦА.

Таким образом, со временем унилатералистский (но только отчасти) подход к внешней политике, характерный для первого срока администрации Дж. Буша-мл. стал уступать место курсу на развитие сотрудничества с союзниками и партнёрами. Важную роль также сыграл новый состав администрации, при котором руководящая роль президента была значительно укреплена. Госсекретаря Колина Пауэлла и его заместителя Ричарда Армитиджа, которые часто расходились во мнениях с вице-президентом Ричардом Чейни и министром обороны Дональдом Рамсфелдом, сменили на постах бывший советник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс и её бывший заместитель Стивен Хэдли соответственно. Иными словами, администрация Буша, во многом сохранив внешнеполитические установки первого срока, привлекла для решения международных вопросов более практически мыслящих людей.

Ключевой задачей военного строительства во время пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. стала модернизация систем вооружений, в большом количестве накопившихся за годы противостояния с Советским Союзом, а также методов ведения боевых действий и организации вооружённых сил с учётом достижений в области информационных технологий. Всё это требовало роста ассигнований как на закупку, так и на разработку новых систем вооружений. В соответствии с планами, изложенными в доктринальных документах, администрация Дж. Буша-мл. начала процесс трансформации вооружённых сил. В статье на эту тему в журнале *Foreign Affairs* тогдашний министр обороны Д. Рамсфельд описал стратегию из семи шагов: защищать территорию США и

зарубежные базы; проецировать и поддерживать силу на дальних ТВД; находить врагов США, где бы они не скрывались; защищать информационные сети от атак; использовать информационные технологии для объединения разных видов вооружённых сил; обеспечивать беспрепятственный доступ в космос и защищать космический потенциал от нападения врага³⁷⁰.

Кроме того, в рамках трансформации вооружённых сил планировалось закрытие или объединение ряда военных баз. При этом все зарубежные военные базы подразделялись на три категории: главные оперативные базы (для поддержки постоянно развёрнутых сил с постоянно присутствующим контингентом и надёжным доступом с моря и/или воздуха); передовые оперативные позиции (для небольших постоянных контингентов или ротационных сил) и дислокации сотрудничества в области безопасности (объект, принадлежащий стране расположения, с незначительным присутствием американского личного состава или без него, предназначенный для борьбы с терроризмом или наркоторговлей, или доступа ВС США в чрезвычайных ситуациях). При этом предполагалось повысить роль последних двух видов баз и объединить, а также сократить количество главных оперативных баз. При этом предполагалось значительно сократить численность личного состава, находящегося за рубежом. Так, выступая на ежегодном съезде ветеранов зарубежных войн в 2004 г., Дж. Буш-мл. заявил, что в течение 10 лет на родину должны вернуться 60-70 тыс. военнослужащих, а также около 100 тыс. гражданских сотрудников военных баз³⁷¹. Значительные усилия были предприняты для укрепления региональной ПРО США. В 2004 г. на военной базе «Кванджу» в Южной Корее были размещены противоракетные комплексы «Пэтриот» в дополнение к уже имевшимся на базе ВВС «Осан». В 2006 году в АТР как часть региональной ПРО была введена в эксплуатацию перемещаемая радиолокационная установка *Sea-Based X-band Radar*, размещённая на полупогружной нефтяной платформе. В том же году комплексы «Пэтриот» были

³⁷⁰ Rumsfeld D. Transforming the Military // Foreign Affairs, May/June 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-05-01/transforming-military> (18.05.2021)

³⁷¹ President Outlines Overseas Troop Cut // The Washington Post, August 17, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/08/17/president-outlines-overseas-troop-cut/cf3aed42-af09-4a9d-b20d-06d1d33b10b6/> (18.05.2021)

размещены на базе «Кадена» на о. Окинава. В 2007 году японские эсминцы типа «Конго» были оснащены противоракетными комплексами «Иджис».

Администрация Дж. Буша-мл. изначально объявляла своим приоритетом наращивание расходов на НИОКР в военной сфере. Так, ещё в своём выступлении в военном колледже Южной Каролины, президент обещал выделить на эти цели 20 млрд долл. до 2006 г. и 20% затрат на закупку вооружения нового поколения³⁷².

В сфере ядерной политики администрация добилась отмены введённого в 1993 году запрета на исследования и разработки (но не на производство) ядерного оружия малой мощности³⁷³.

Трансформация вооружённых сил США должна была непосредственно затронуть Азиатско-Тихоокеанский регион помимо перестановок в Южной Корее и Японии. А именно, речь шла о перемещении военно-транспортных самолётов С-17 и механизированных бригад на бронемашинах «Страйкер» с Гавайев и Аляски в Южную Корею, о размещении дополнительных бомбардировщиков и подводной лодки на Гуаме, а также дополнительной авианосной ударной группы в АТР³⁷⁴. Некоторые из этих мер были предприняты с явной целью ограничить военное влияние Китая. В частности, на Гуаме были размещены не только вышеупомянутые средства, но и разведывательные беспилотники *Global Hawk*, а также самолёты-заправщики.

В структуре Министерства обороны США в 2007 году было создано Управление помощника министра обороны по делам Азиатско-Тихоокеанского региона, которое было выделено из Управления помощника министра обороны по международной безопасности.

³⁷² Remarks by George W. Bush. A Period of Consequences. The Citadel, South Carolina. September 23, 1999 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www3.citadel.edu/pao/addresses/pres_bush.html (13.04.2021)

³⁷³ Woolf A. New Nuclear Warheads: Legislative Provisions, Congressional Research Service, February 5, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/IN10854.pdf> (20.08.2022)

³⁷⁴ Medeiros E. The US Global Defense Posture Review and Implications for the Security Architecture in the Asia-Pacific Region. Berlin: Waldbrol Group, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/publications/products/projekt_papiere/Medeiros_US_Global_Defense_Posture_Review_ks.pdf (20.08.2022).

Процесс трансформации затронул не только вооружённые силы, но и внешнеполитический аппарат. В частности, была увеличена численность персонала, ответственного за политику в азиатских странах³⁷⁵.

Главной трудностью, стоящей перед задачей модернизации вооружённых сил, стала необходимость поддержания рекордно высоких уровней расходов на оборону, связанных прежде всего с масштабными закупками систем вооружений и оборудования. В то же время, к концу президентства Буша США уже начали испытывать экономические трудности, что приводило к росту дефицита бюджета и затрудняло поддержание прежнего уровня расходов на оборону.

Упор США на односторонние действия во многом привёл к началу сближения России и Китая. В этот период стороны были активно заняты процессом урегулирования приграничных проблем между ними, который завершился в 2005 году. В 2001 г. стороны подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а также создали Шанхайскую организацию сотрудничества.

Во время своей избирательной кампании Дж. Буш-мл. критиковал предыдущую администрацию У. Клинтона за недостаточную жёсткость по отношению к Китаю, а также заявлял о том, что Китай является стратегическим соперником США, а не стратегическим партнёром³⁷⁶. Кроме того, Буш твёрдо намеревался расширить систему противоракетной обороны, что вызвало озабоченность со стороны Китая³⁷⁷. Если бы была создана принципиально эффективная система ПРО, она могла бы нейтрализовать китайский потенциал ответного удара в случае ядерного конфликта, тем самым поставив КНР в заведомо проигрышную позицию. Таким образом, Китаю оставалось либо развивать собственную противоракетную оборону, либо наращивать наступательные вооружения с тем, чтобы превзойти возможности ПРО США.

³⁷⁵ East Asian Strategic Review 2008. National Institute for Defense Studies, 2008. P. 182 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2008.html> (20.08.2022)

³⁷⁶ Bush Makes Clinton's China Policy an Issue // The Washington Post, August 20, 1999 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/campaigns/wh2000/stories/chiwan082099.htm> (20.08.2022)

³⁷⁷ Bush Outlines Arms Control and Missile Defense Plans // Arms Control Association, June 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.armscontrol.org/act/2000-06/news/bush-outlines-arms-control-missile-defense-plans> (20.08.2022).

В 2001 году между двумя странами произошёл первый значительный военный инцидент – столкновение китайского истребителя с американским самолётом-разведчиком *EP-3E Aries II* в небе над островом Хайнань. В результате китайский пилот погиб, а повреждённый американский самолёт был вынужден совершить экстренную посадку на территории китайской военной базы, после чего китайская сторона задержала самолёт.³⁷⁸ Ситуация переросла в политический кризис, поскольку Китай потребовал от Соединённых Штатов официальных извинений и компенсации. США, в свою очередь, потребовали незамедлительно возвратить самолёт и освободить экипаж, состоящий из 24 человек. После нескольких раундов переговоров 10 апреля США направили в Китай письмо, в котором выразили своё сожаление в связи с произошедшим. После этого члены экипажа, удерживаемые в течение 11 дней, были освобождены, однако возвращать самолёт Китай отказался. Напряжённость отношений между двумя странами была усилена резкой критикой со стороны США в адрес Китая. По мнению США, самолёту был нанесён неоправданный ущерб по вине китайской стороны, а члены экипажа незаконно находились под стражей. Однако 3 июля самолёт был возвращён американской стороне в разобранном виде, после чего инцидент был исчерпан³⁷⁹. Это был первый внешнеполитический кризис за время пребывания у власти Дж. Буша-мл. В целом, сторонам удалось избежать эскалации напряжённости в двусторонних отношениях. В частности, инцидент не повлиял на позицию США по включению Китая в ВТО в том же году. Необходимо отметить, что в ходе этого кризиса был задействован механизм Соглашения о консультациях по вопросам военно-морской деятельности (*Military Maritime Consultative agreement*), заключённого между двумя странами в 1998 году. Помимо инцидента со столкновением в воздухе, военными событиями, отрицательно повлиявшими на отношения двух стран, стали испытание Китаем противоспутникового оружия в 2007 г. и запрет американскому авианосцу *USS John C. Stennis* останавливаться в

³⁷⁸ Kan S. et al. China-U.S. Aircraft Collision Incident of April 2001: Assessments and Policy Implications. Washington DC: Congressional Research Service, 2001. P. 2, 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL30946.pdf> (20.08.2022)

³⁷⁹ Ibid. P. 9.

порту Гонконга. В ответ на противоспутниковые испытания Американо-китайская комиссия по мониторингу экономики и безопасности выпустила доклад, посвящённый космической стратегии Китая и его противоспутниковым возможностям, где говорилось об уязвимости вооружённых сил США и мировой инфраструктуры перед такого рода атаками.

Усугубление дипломатической ситуации в Тайваньском проливе также стало одним из вызовов двусторонним отношениям в области безопасности. Одним из наиболее конфликтных моментов стало приглашение министра обороны Тайваня в 2002 году в США на встречу представителей военно-промышленного комплекса, где присутствовали высокопоставленные представители Министерства обороны и Госдепартамента США, что вызвало резко негативную реакцию со стороны КНР. Во многом обострение отношений было вызвано позицией тогдашнего президента Тайваня и председателя Демократической прогрессивной партии Чэнь Шуйбяня, чьё избрание на высший пост в Тайване прервало 55-летнее правление на острове партии Гоминьдан. Риторика президента содержала частые высказывания о том, что Тайвань обладает суверенитетом, независимым от материкового Китая. Он также продвигал вопрос проведения референдумов, касающихся отношений с КНР. Всё это воспринималось Пекином как провокация и возможная подготовка к провозглашению юридической независимости острова. Осознавая это, администрация Буша предприняла ряд шагов, направленных на нормализацию отношений с КНР. Так, на встрече тогдашнего заместителя председателя КНР Ху Цзиньтао и вице-президента США Р. Чейни американская сторона однозначно заявила, что придерживается политики «одного Китая». 3 августа 2002 года Чэнь Шуйбянь произнёс речь, в которой высказался за проведение референдума о самоопределении Тайваня. В ответ на это двумя неделями позднее во время своего визита в Пекин заместитель госсекретаря США Ричард Армитидж заявил о том, что США не поддерживают независимость Тайваня³⁸⁰. В ходе того же визита Армитидж заявил, что США считают Исламское движение Восточного Туркестана,

³⁸⁰ Christensen T. Op. cit. P. 210.

действующее в Синцзянь-Уйгурском автономном районе, террористической организацией. В 2003 году риторику и действия Чэнь Шуйбяня подверг критике уже президент Дж. Буш-мл., осудивший действия какой-либо стороны, ведущие к одностороннему пересмотру статус-кво в Тайваньском проливе. В 2004 году Чэнь был переизбран на второй президентский срок и продолжил озвучивать свои сепаратистские взгляды. Это привело к тому, что в 2005 году Всекитайским собранием народных представителей был единогласно принят закон «О предотвращении раскола страны», в котором в отношении Тайваня говорится, что «когда все возможности мирного воссоединения окажутся полностью исчерпанными, государство обязано прибегнуть к немирным способам и другим необходимым мерам для защиты государственного суверенитета и своей территориальной целостности»³⁸¹. В том же году в докладе Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности стороны призвали к мирному разрешению конфликтов в Тайваньском проливе с помощью диалога³⁸². В течение второго срока пребывания у власти в США Дж. Буша-мл. политику Чэня подвергли критике сразу несколько высокопоставленных представителей администрации³⁸³. В 2007 году против референдума о самоопределении открыто выступил премьер-министр Японии Ясуо Фукуда. Другим фактором обострения тайваньской проблемы стала продажа вооружения Тайваню со стороны США. Несмотря на большие объёмы оборонных поставок, которые по своей стоимости составили беспрецедентные 9,5 млрд долл., сторонам удалось избежать эскалации ситуации. Эта ситуация является уникальной поскольку радикальное повышение уровня военной помощи Тайваню со стороны Вашингтона сопровождалось стабилизацией и фактическим улучшением отношений между США и КНР. Одной из причин этому послужило избрание на пост президента Тайваня лидера Гоминьдана Ма Инцзю.

³⁸¹ Закон о предотвращении раскола страны // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 04.04.2005 [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/rus/ztbd/lianghui/sanjerendashicihuiyi/t190090.htm> (20.08.2022)

³⁸² Joint Statement. U.S.-Japan Security Consultative Committee Washington, DC. February 19, 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/pdfs/joint0502.pdf> (20.08.2022)

³⁸³ Christensen T. Op. cit. P. 213.

Некоторое влияние на американо-китайские отношения в военной сфере потенциально могло оказать решение США о выходе из Договора о противоракетной обороне. Обеспокоенность Китая по поводу возможности создания США неограниченной системы ПРО вполне понятна. В отличие от России и США Китай полагается на стратегию ограниченного сдерживания и имеет небольшой арсенал ядерных боеголовок, поэтому в будущем его потенциал ответного удара может быть поставлен под угрозу за счёт неограниченной ПРО США. Кроме того, достаточно развитая система ПРО США в АТР может сделать невозможной реализацию таких военных сценариев, как ракетный удар по Тайваню в случае провозглашения им независимости. Китай не воспринимал всерьёз аргумент США о том, что одной из причин выхода из договора является развитие ядерной программы Северной Кореи. По заявлению Колина Пауэлла американская система ПРО не была направлена против Китая. Несмотря на публичное осуждение выхода из Договора, это решение не оказало серьёзного влияния на американо-китайские отношения.

Ещё одним фактором влияния на двусторонние отношения стала информация о сотрудничестве Китая с Ираном и Пакистаном в области ракетных технологий. Об этом, в частности, сообщалось в докладе ЦРУ о распространении ОМУ 2001 года. Соединённые Штаты в ответ ввели санкции против Китайской национальной корпорации по импорту и экспорту продукции машиностроения и потребовали, чтобы Китай ввёл более жёсткое регулирование своего рынка ракетных технологий. Осудив введение санкций, КНР формально согласилась установить регуляторные механизмы, однако публичное осуждение Китая продолжилось. Так в 2002 г. глава ЦРУ Джордж Теннант на слушаниях в Конгрессе заявил, что Китай является главным поставщиком технологий, связанных с баллистическими и крылатыми ракетами, в Ирак, Пакистан и ряд других стран³⁸⁴. В 2003 г. были введены санкции против крупной китайской оборонной компании *Norinco*.

³⁸⁴ Roberts G. US Foreign Policy and China: Bush's first term. New York: Routledge, 2015. P. 23.

Политика взаимодействия в отношении Китая, реализуемая при администрации Дж. Буша-мл., основывалась на убеждении в том, что действия США способны изменить поведение КНР на международной арене. Терракты 11 сентября также способствовали укреплению элементов сотрудничества между двумя странами, благодаря чему годы администрации Буша-мл. ознаменовались американо-китайским сотрудничеством в области борьбы с терроризмом. Вскоре после терактов Китай согласился направить в США группу экспертов по этой проблеме. Однако в ходе своего визита в США тогдашний министр иностранных дел Китая Тан Цзясюань назвал ряд условий оказания помощи в этой сфере: должны присутствовать неопровержимые доказательства вины предполагаемых исполнителей; удары должны наноситься по чётко определённым целям, при этом не должны пострадать гражданские лица; США должны действовать в соответствии с Уставом ООН при содействии представителей Совбеза³⁸⁵. Такая позиция отражала обеспокоенность Китая дальнейшим укреплением Соединённых Штатов в качестве единственной сверхдержавы, склонной к самостоятельному решению вопроса о том, когда и где применять военную силу. Кроме того, Китай предоставил гуманитарную помощь Афганистану и Пакистану, а также пожертвовал средства Управлению Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Несмотря на это Китай отказался предоставить Соединённым Штатам право пользования своим воздушным пространством и взлётно-посадочными полосами для проведения контртеррористической операции, что можно объяснить его нежеланием усиления присутствия США в своей сфере влияния, не говоря уже о присутствии американских войск на территории Китая. Одновременно с этим, борьба США с радикальными исламистскими группировками в Афганистане отвечала интересам КНР, так как помогала ослабить позиции исламистов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2002 году США признали Исламское движение Восточного Туркестана террористической организацией. Согласие между двумя сторонами было достигнуто и по иракской проблеме. Так во время

³⁸⁵ Glaser B. Terrorist Strikes Give U.S.-China Ties a Boost // Comparative Connections. 2001. No. 3. P. 31
[Электронный ресурс] Режим доступа: https://cc.pacforum.org/wp-content/uploads/2017/06/0103qus_china.pdf
(25.06.2020)

американо-китайского саммита, проходившего в октябре 2002 года, Джордж Буш и Цзянь Цзэминь обсудили проблему Ирака. Китай выступил за строгое соблюдение Ираком всех предыдущих резолюций СБ ООН. Джордж Буш в свою очередь призвал Китай поддержать новую резолюцию, требующую полного разоружения Ирака в плане оружия массового уничтожения. 8 ноября Совет безопасности единогласно, включая Китай, принял эту резолюцию (1441)³⁸⁶. Сотрудничество в контртеррористической сфере привело к общему укреплению отношений двух стран в области безопасности, а также смягчило внутривластную дискуссию в США относительно сближения с Китаем. В 2003 г. Китай присоединился к инициативе Соединёнными Штатами программы безопасности контейнерных перевозок (*Container Security Initiative*), которая состояла в определении по ряду критериев направляющихся в США контейнеров, представляющих потенциальную угрозу безопасности, и проведении их предварительной проверки при помощи современных технологий в портах отправки до того, как они прибывают в Соединённые Штаты.

Идея проведения регулярных консультаций между двумя странами на высшем уровне впервые была предложена Бушу председателем КНР Ху Цзиньтао, на встрече стран-членов АТЭС в Чили в ноябре 2004 года. А в августе 2005 года заместитель госсекретаря США Роберт Зеллик встретился с заместителем министра иностранных дел КНР Дай Бинго для участия в первом в истории двусторонних отношений стратегическом диалоге, на котором обсуждались вопросы Тайваньского пролива, ядерной проблемы Северной Кореи, энергетики, антитеррористических мер, торговых отношений и прав человека³⁸⁷. В 2006 году был запущен формат Стратегического экономического диалога под председательством министра финансов США Генри Полсона, посвящённый улучшению экономических отношений между двумя странами, а также

³⁸⁶ East Asian Strategic Review 2003. National Institute for Defense Studies, 2003. P. 280 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2003.html> (25.06.2020)

³⁸⁷ East Asian Strategic Review 2006. National Institute for Defense Studies, 2006. P. 223 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2006.html> (25.06.2020)

продвижению экономических реформ в Китае. При администрации Б. Обамы к этой повестке присоединятся вопросы безопасности.

В 2005 году заместитель госсекретаря США Роберт Зеллик выступил на заседании Национального комитета по делам американо-китайских отношений со знаменитой речью, в которой выразил надежду на то, что Китай в будущем будет вести себя на международной арене как «ответственная заинтересованная сторона» (*responsible stakeholder*). Он сравнил Китай с Советским Союзом конца сороковых годов, отметив принципиальную разницу между ними. Для этого, по его словам, было несколько причин: Китай не стремится распространять радикальную антиамериканскую идеологию; не являясь демократическим государством, он не считает, что находится в конфликте с демократией; не являясь до конца капиталистическим, Китай не считает, что должен бороться с капитализмом; Китай не считает, что его будущее зависит от ниспровержения существующего международного порядка³⁸⁸. Он также заявил о том, что Китай получил немалую выгоду от стабильного мирового порядка, основанного на соблюдении правил, однако сам вложил недостаточно усилий для поддержания такого порядка.

В августе 2005 года состоялся первый стратегический диалог между двумя странами, где были обсуждены вопросы Тайваня, ядерной программы Северной Кореи, сотрудничество в борьбе с терроризмом, а также вопросы двусторонней торговли и соблюдения прав человека в Китае. Председательствовали на встрече заместитель госсекретаря США Роберт Зеллик и замминистра иностранных дел Китая Дай Бинго.

Взаимодействие между военными ведомствами двух стран в то же время оставалось весьма ограниченным, особенно во время первого срока Дж. Буша-мл., во многом из-за влияния Дональда Рамсфелда. Сыграло роль и столкновение самолётов над о. Хайнань, о котором шла речь выше. После инцидента межвоенное общение было приостановлено до встречи Дж. Буша-мл. и Цзян Цзэминя в конце

³⁸⁸ Zoellick R. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S.-China Relations. National Committee on U.S.-China Relations, September 21, 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm> (26.08.2022)

2002 г. В 2004 г. Китай посетил председатель ОКНШ США Ричард Майерс, который предложил расширить военное сотрудничество. В 2005 году состоялась важная встреча между министром обороны США Д. Рамсфелдом и его китайским коллегой Цао Ганчуанем, где стороны обсудили вопросы военного сотрудничества. Однако соглашения о создании «горячей линии» между двумя военными ведомствами достигнуто не было. Позднее в том же году состоялась встреча на высшем уровне между лидерами обеих стран. Договорённость о создании «горячей линии» была достигнута 2 года спустя уже при Р. Гейтсе в качестве министра обороны США. Стороны договорились использовать её для организации учений по оказанию помощи при стихийных бедствиях, военных обменов, сотрудничества в поиске военнопленных и пропавших без вести из числа участников войны в Корее.

В целом можно констатировать, что к концу второго срока пребывания у власти Дж. Буша-мл., в активе его администрации было создание значительных элементов системы сотрудничества с Китаем. В течение восьми лет нахождения Дж. Буша-мл. на своём посту стороны организовывали регулярные официальные визиты и встречи высокопоставленных должностных лиц, создали площадки для обсуждения важнейших вопросов двусторонних отношений, возобновили контакты между военными ведомствами, в том числе по таким вопросам, как ядерная программа Северной Кореи, борьба с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. В целом Соединённые Штаты пытались сформировать позитивный образ Китая в мире, как договороспособной стороны, которая может нести ответственность за своё поведение на международной арене. По мнению экспертов, китайское руководство считало Дж. Буша-мл. понятным и предсказуемым политиком. Подход администрации Буша к Китаю состоял в том, чтобы некоторые противоречивые аспекты двусторонних отношений рассматривались отдельно от отношений в целом, так чтобы первые не влияли на последние.

4.2. Политика администрации Б. Обамы

Администрация Барака Обамы пришла к власти в Соединённых Штатах в разгар финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. Кризис привёл, помимо прочего, к резкому росту бюджетного дефицита. Экономические трудности также привели к победе республиканцев во многих штатах на промежуточных выборах 2010 г., в результате чего конгресс оказался в руках представителей Республиканской партии, что вызвало политический кризис, значительно осложнивший принятие решений в США. Поэтому основной задачей администрации, по меньшей мере, во время первого срока, было укрепление американской экономики. Кроме того, Обама и его окружение изначально позиционировали себя как интернационалисты, выступающие за многополярный мир и решение общечеловеческих глобальных проблем, таких как распространение ядерного оружия, глобальное потепление, проблемы энергетической безопасности, угрозы со стороны инфекционных заболеваний.

С самого начала пребывания у власти администрация Обамы озвучила стремление к сокращению военного бюджета. Так, в послании о бюджете на 2010 фин. г. говорится о том, что годовой рост военного бюджета США должен составлять 4 процента, что означало снижение темпов роста более чем в 2 раза³⁸⁹. В связи с этим администрация начала рассматривать возможности сокращения расходов, прежде всего путём сокращения закупок, в частности самолётов *F-22* и *C-17 Globemaster*, замедления строительства новых авианосцев, сокращения числа новых классов эсминцев, отмены амбициозного проекта плавающей бронемашины *Expeditionary Fighting Vehicle*, предназначенной для Корпуса морской пехоты, отказа от наращивания числа ракет-перехватчиков наземного базирования, расположенных на Аляске, сворачивание противоракетной программы *MKV*, предназначенной для перехвата баллистических ракет с РГЧ ИН, и других мер³⁹⁰. Вместо *F-22* было решено взять на вооружение более дешёвые многоцелевые

³⁸⁹ East Asian Strategic Review 2010. National Institute for Defense Studies, 2010. P. 224. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2010.html> (25.06.2020)

³⁹⁰ См. East Asian Strategic Review 2010. P. 224-226.

истребители F-35, а также увеличить закупки беспилотных летательных аппаратов. В 2011 г. Б. Обама предложил сократить военные расходы на 400 млрд долл. в течение 12 лет³⁹¹. В том же году после длительного противостояния между республиканским большинством в Конгрессе и администрацией президента был принят закон «О контроле над бюджетом», предусматривающий сокращение военных расходов на 450 млрд долл в течение последующих 10 лет. В законе также предусматривался механизм, называемый секвестром, предусматривающий автоматическое ежегодное сокращение расходов на национальную оборону, за исключением расходов на личный состав, путём установления предельных значений расходов на каждый год. Наибольшие сокращения коснулись статьи эксплуатации и технического обслуживания. В 2013 г. положение о секвестре вступило в силу, сократив оборонные расходы примерно на 5,5%, что повлияло на многие сферы деятельности Министерства обороны, прежде всего на подготовку военнослужащих и размещение новых боевых кораблей³⁹². В 2014 г. из-за принятия компромиссного закона и повышения расходных лимитов секвестрации оборонных расходов практически удалось избежать. Бюджетная договорённость подошла к концу в 2015 году, затем, после очередного противостояния между президентом и Конгрессом, было принято решение о повышении лимитов расходования средств на оборонные и необоронные дискреционные расходы на 2016 и 2017 фин. г³⁹³. Для оптимизации деятельности Министерства обороны в условиях финансовых ограничений при пребывании на посту министра Ч. Хейгела был запущен процесс под названием «Обзор стратегических вариантов и управления» (*Strategic Choices and Management Review*). Впоследствии министр выступил на слушаниях в Конгрессе с итоговым докладом. Авторами было предложено сократить бюрократические расходы, в частности на Управление министра обороны.

В то же время Б. Обама продолжил курс на трансформацию вооружённых сил, начатый при Дж. Буше-мл. За преемственность в этом отношении отвечал

³⁹¹ Obama: Cut \$400B from security // Politico, April 13, 2011 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.politico.com/story/2011/04/obama-cut-400b-from-security-053159> (26.08.2022)

³⁹² East Asian Strategic Review 2010. P. 257.

³⁹³ East Asian Strategic Review 2016. National Institute for Defense Studies, 2016. P. 254 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2016.html> (25.06.2020)

Р. Гейтс, занимавший должность министра обороны при обоих президентах. В 2011 г. его сменил на этом посту Л. Панетта, бывший директор ЦРУ. Он, в свою очередь, пробыл в этой должности совсем недолго, и в 2012 г. министром стал Чак Хейгел, бывший сенатор от Республиканской партии.

Было предложено 2 вектора развития военного строительства США: модернизация вооружённых сил при потере части боевых возможностей или сохранение широкого спектра возможностей за счёт сокращения модернизационных программ. В итоге упор был сделан на модернизацию и подготовку к будущим угрозам. Концептуальной основой модернизации стала так называемая «Третья стратегия компенсации» (*Third Offset Strategy*) – стратегия противодействия асимметричным, высокотехнологичным угрозам, связанным с ограничением доступа в район боевых действий при минимальном передовом присутствии. Военное ведомство США начало претворять эту стратегию в жизнь с 2014 г. В основе стратегии лежат наработки Министерства обороны по реализации комплекса мер под названием «Инициатива в области оборонных инноваций» (*Defense Innovation Initiative*), направленные на оснащение американских вооружённых сил передовым вооружением и оборудованием, а также на обеспечение стабильного финансирования оборонных исследований. Основные положения «Инициативы» включают в себя формирование плана долгосрочных исследований по выявлению перспективных направлений создания новых военных технологий и способов их применения; усовершенствование комплексного планирования прикладных оборонных исследований; развитие оборонного научного сообщества и подходов к проведению военных учений; совершенствование тактики и стратегии применения ВС США с учётом технических инноваций; внедрение эффективных бизнес-моделей в процессы планирования, разработок и закупок вооружений³⁹⁴. Третья стратегия компенсации ставит целью получение асимметричных преимуществ перед противником в пяти областях: машинное обучение; человеко-машинное взаимодействие;

³⁹⁴Рельсотроны Пентагона // Военно-промышленный курьер, 03.04.2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/36016> (12.09.2017)

вспомогательные технологии (носимая электроника, экзоскелеты); сетевые системы вооружений, имеющие доступ к киберпространству; совместные действия людей и машин на поле боя³⁹⁵. Так же, как и в Китае, Министерство обороны США делало своим приоритетом взаимодействие с частными гражданскими компаниями. Так, по заявлению министра обороны Чака Хейгела: «Многие, если не большинство, технологий, которые мы стремимся использовать сегодня, больше не относятся к сфере разработки проектов Министерства обороны США или традиционных подрядчиков оборонной промышленности. Все мы знаем, что Министерство обороны больше не имеет эксклюзивного доступа к самым передовым технологиям или способности стимулировать или контролировать развитие новых технологий, как мы когда-то делали. Поэтому мы будем активно искать предложения от частного сектора, включая компании и научные организации, которые не входят в традиционную орбиту Министерства обороны США»³⁹⁶.

Была продолжена разработка и принятие на вооружение новых образцов военной техники, таких как истребители F-35, противолодочный самолёт *P-8 Poseidon*, малозаметный стратегический бомбардировщик B-21, военно-морской БПЛА *UCLASS* (впоследствии программа была отменена). В рамках увеличения роли сухопутных войск в военном планировании США началась разработка проекта оперативно-тактического ракетного комплекса *Long-Range Precision Fires* (впоследствии *DeepStrike*). Продолжилось развитие региональной системы ПРО США. В 2014 г. на базе ВВС «Андерсен» на о. Гуам был развёрнут противоракетный комплекс *THAAD*. Сделано это было в ответ на очередные испытания баллистической ракеты со стороны КНДР.

Администрация Обамы также сделала значительный упор на развитие потенциала ВС США в киберпространстве. В 2009 г. министр обороны Роберт Гейтс издал распоряжение о создании Киберкомандования США, ответственного

³⁹⁵ Nurkin T et al. Op. cit. P. 229.

³⁹⁶ Grant R. The Silicon Offset // Air Force Magazine, February 24, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.airforcemag.com/article/the-silicon-offset/> (20.08.2022)

как за оборону, так и за проведение «наступательных» операций в киберпространстве. В его состав вошли киберкомандования отдельных видов вооружённых сил.

Что касается политики Б. Обамы в АТР, администрация продолжила курс на укрепление взаимоотношений с новыми центрами силы – Китаем и Индией, при сохранении ключевой роли традиционных союзников США, таких как Япония, Республика Корея и Австралия. В первый год после своего избрания Б. Обама отправился в крупное турне по странам региона, включавшее посещение Японии, Южной Кореи, Китая и Сингапура. Во время своего выступления в Японии он даже назвал себя «первым тихоокеанским президентом Америки»³⁹⁷. Госсекретарь Хиллари Клинтон в одном из своих выступлений заявила о том, что администрация намерена взять на себя лидирующую роль в построении региональной архитектуры будущего, в том числе и архитектуры безопасности³⁹⁸. Эту же мысль она повторяет в статье «Тихоокеанский век Америки» в журнале *Foreign Policy*³⁹⁹. От администрации Буша-мл. Обама унаследовал такие региональные приоритеты, как работа по взаимодействию с международными организациями, такими как АСЕАН и АТЭС, и по решению региональных вызовов безопасности, таких как проблема ядерного статуса Северной Кореи. Большим подспорьем для развития оборонного сотрудничества в рамках АСЕАН стал формат встречи министров обороны стран АСЕАН-плюс – площадки для обсуждения вопросов обороны и безопасности между странами АСЕАН и восемью партнёрами организации по диалогу. Первое заседание группы состоялось в 2010 г. в Ханое. Изначально форум должен был собираться раз в три года, однако стороны посчитали, что этого недостаточно. В 2011 г. министр обороны США Леон Панетта предложил собираться каждый год, но это было не сразу достигнуто. В 2012 г. на встрече министров обороны стран

³⁹⁷ Remarks by President Barack Obama at Sunory Hall. The White House, November 14, 2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-sunory-hall> (20.08.2022)

³⁹⁸ Green M. et al. Analysis of Secretary of State Clinton's Asia Architecture Speech. Center for Strategic & International Studies, January 13, 2010 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/analysis-secretary-state-clinton%E2%80%99s-asia-architecture-speech> (20.08.2022)

³⁹⁹ Clinton H. America's Pacific Century // *Foreign Policy*, October 11, 2011 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (20.08.2022)

АСЕАН было решено проводить форум каждые 2 года. Ежегодные встречи осуществляются с 2017 г. Соединённые Штаты также стремились повысить статус Восточноазиатского саммита после того, как, наряду с Россией, стали её членом в 2011 г. Возобновляется военное сотрудничество с Индонезией, замороженное с 1998 г., что пришлось весьма кстати, так как эта страна являлась председателем в АСЕАН в 2011 г. Однако в дальнейшем этот пост занимали страны, негативно относящиеся к США и симпатизирующие Китаю, например, Камбоджа в 2012 г. и Мьянма в 2014 г. Именно поэтому, например, в 2012 году на встрече министров иностранных дел АСЕАН не удалось согласовать текст совместного коммюнике, отражающего позицию организации по ситуации в Южно-Китайском море. Таким образом американо-китайское противостояние в АТР перекинулось и на эту организацию. В 2015 г. было объявлено об установлении стратегического партнёрства между АСЕАН и США.

Одним из факторов роста внимания США к региону стало снижение их вовлечённости в процессы на Ближнем Востоке. В 2011 г. состоялся вывод американских войск из Ирака, также начался процесс снижения участия американских военных в урегулировании кризиса в Афганистане. В то же время на Ближнем Востоке начинаются процессы, впоследствии получившие название «арабская весна», что также будет иметь косвенное влияние на взаимодействие США и Китая, а также потребует внимания и ресурсов со стороны Вашингтона. Этот фактор стал особенно заметным в ходе второго срока Б. Обамы. В связи с обеспокоенностью некоторых субъектов относительно обязательств США в отношении АТР, советник по национальной безопасности Сьюзен Райс в 2013 г. заявила: «...Переориентация в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона остаётся краеугольным камнем внешней политики администрации Обамы. Независимо от того, сколько горячих точек появится в других местах, мы продолжим укреплять нашу неизменную приверженность этому критически важному региону. Наши

друзья в Азии заслуживают самого пристального внимания и будут и дальше получать его от нас»⁴⁰⁰.

Как и во времена предыдущей администрации, и даже в большей степени, США концентрировались на взаимодействии с союзниками в формате «треугольников», таких как «США-Япония-Австралия» или «США-Республика Корея-Япония». Помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Дэниел Рассел в своём выступлении в Стэнфордском университете заявил: «...Старая система альянсов XX века, когда мы работали с партнёрами и союзниками на двусторонней основе, но они мало взаимодействовали друг с другом, в значительной степени подошла к концу. Она всё в большей степени превращается в интегрированную сетевую систему, которая позволяет нам сотрудничать в трёхстороннем формате...»⁴⁰¹. В связи с этим многие встречи министров обороны и министров иностранных дел проводились в трёхстороннем формате. Зачастую они проходили на полях форума «Диалог Шангри-Ла». Начались попытки создания треугольника «США–Австралия–Индия». Так о важности отношений с Индией подробно говорилось в совместном коммюнике по итогам Консультаций министров Австралии и США 2012 года⁴⁰². В статье «Тихоокеанский век» в журнале *Foreign Policy* Х. Клинтон впервые из высокопоставленных государственных деятелей США употребила термин «Индо-Тихоокеанский регион» в контексте развития партнёрства с Австралией.

В 2011 и 2012 годах в заявлениях официальных лиц США был обозначен переход к политике «разворота в Азию». В 2012 г. тогдашний министр обороны Л. Панетта, выступая на форуме «Диалог Шангри-Ла» заявил о намерении к 2020 году разместить на территории АТР 60% военно-морских сил, включая 6 авианосцев. Похожая мысль, только в отношении подводных лодок, содержалась

⁴⁰⁰ America's Future in Asia. Remarks by Susan E. Rice, National Security Advisor to President Barack Obama, November 20, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://china.usc.edu/susan-e-rice-americas-future-asia-november-20-2013> (26.08.2022)

⁴⁰¹ Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, April 21, 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2016/04/256819.htm> (27.08.2022)

⁴⁰² AUSMIN Joint Communique 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/ausmin/Pages/ausmin-joint-communique-2012> (27.08.2022)

ещё в «Четырёхлетнем обзоре в области обороны» 2006 г. Главными идеологами политики «разворота» считаются Курт Кэмпбелл, с 2009 по 2013 г. занимавший должность помощника госсекретаря по вопросам Восточной Азии и Тихого океана, а также Томас Донилон, с 2010 по 2013 г. занимавший пост советника президента по национальной безопасности. Отправной точкой политики «разворота» стало усиление активности КНР в Южно-Китайском море, а основной акцент делался именно на вовлечении стран Юго-Восточной Азии. Так, в своём выступлении на тему курса администрации Обамы в АТР в марте 2013 г. Т. Донилон заявил «Визит президента Филиппин <...> в Вашингтон, а также визит президента Обамы в Таиланд <...> говорят о другом ключевом аспекте нашей стратегии – Соединённые Штаты не только переориентируются на Азиатско-Тихоокеанский регион, мы переориентируемся *внутри* Азии, признавая растущее значение Юго-Восточной Азии»⁴⁰³. Из этого же выступления ясно, что большое значение уделялось дипломатической составляющей данной стратегии, в том числе визитам высокопоставленных лиц. Одним из аспектов политики «разворота» стало то, что к ней стали приурочивать наращивание военного потенциала США в регионе, которое имело место и до провозглашения этой политики. В частности, было увеличено количество ракетных крейсеров, оснащённых системой «Иджис», базирующихся в Японии, подводных лодок, базирующихся на Гуаме. На вооружение также были приняты прибрежные боевые корабли (проект *LCS*), что позволило усилить прибрежную активность военно-морских сил США.

Одной из составляющих военной политики в АТР в рамках «разворота», стала концепция «воздушно-морских операций», центральным элементом которой было нанесение «ударов в глубине обороны противника», включая киберпространство. Их целью являлись системы командования и управления противника, а также системы ограничения доступа / блокирования зоны и соответствующие вооружённые формирования.

⁴⁰³ Remarks By Tom Donilon, National Security Advisor to the President: The United States and the Asia-Pacific in 2013, March 11, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-united-states-an> (27.08.2022)

Кроме того, в 2015 г. было объявлено о запуске программы под названием «Военно-морская инициатива безопасности», в рамках которой планировалось оказание военной помощи странам Юго-Восточной Азии в виде предоставления оборудования, помощи в строительстве военных объектов, содействия подготовке военнослужащих и пр.

Что касается отношений с отдельными странами, развитию отношений с Японией поспособствовала помощь США по ликвидации последствий землетрясения в 2011 г. На заседании Японо-американского консультационного комитета по безопасности, состоящего из министров обороны и иностранных дел обоих государств, 2013 года, было решено обновить Руководящие принципы оборонного сотрудничества между США и Японией 1997 г. в сторону расширения сфер сотрудничества, а также более тесного взаимодействия с другими партнёрами в регионе⁴⁰⁴.

В 2016 г. между США и Южной Кореей была достигнута договорённость о размещении на территории последней противоракетного комплекса *THAAD*, что в дальнейшем вызывало ещё большее похолодание в американо-китайских отношениях.

В 2011 г. Б. Обама во время своего первого визита в Австралию на встрече с премьер-министром страны Дж. Гиллард договорился о размещении ротационного контингента морской пехоты США на военной базе в г. Дарвин, а также о расширении доступа американских ВВС к военно-воздушным базам на территории Австралии. Целью данных договорённостей являлось более тесное взаимодействие вооружённых сил двух стран в виде проведения совместных учений и другой деятельности, прежде всего, в странах Юго-Восточной Азии.

Администрация Б. Обамы вслед за администрацией Дж. Буша-мл. озвучила тезис о том, что американо-индийские отношения станут определяющими в XXI веке. За это время главы государств обменивались визитами и выражали

⁴⁰⁴ Joint Statement of the Security Consultative Committee Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities, October 3, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/files/000016028.pdf> (27.08.2022)

желание укрепить двусторонние отношения в сфере обороны. В 2015 г. во время визита в Индию Б. Обамы между двумя странами была заключена Декларация о дружбе, а также утверждено Рамочное соглашение об оборонных отношениях, в котором стороны договорились о 15 направлениях оборонного сотрудничества, среди которых проведение регулярных совместных учений и военных обменов, развитие военного сотрудничества с другими странами, развитие сотрудничества в области противоракетной обороны⁴⁰⁵. США также поддерживали участие Индии в таких неформальных ассоциациях, как Режим контроля ракетных технологий и Группа ядерных поставщиков.

В 2011 г. министр обороны Роберт Гейтс объявил о намерении разместить в Сингапуре до четырёх прибрежных боевых кораблей с условием, что их экипаж не будет проживать на территории Сингапура. Договорённость об этом была достигнута уже Л. Панеттой, а впервые размещены они были в 2013 г.

Продолжилось укрепление отношений с Филиппинами, что выразилось в проведении целого ряда встреч на высоком уровне. Кроме того, в 2013 г. начались переговоры по расширению доступа американских вооружённых сил к военным объектам на территории Филиппин. В 2014 г. было подписано Соглашение о расширенном сотрудничестве в области безопасности, по которому Соединённым Штатам предоставлялся доступ к ряду военно-воздушных баз.

Кроме того, администрация Обамы старалась наладить отношения с Вьетнамом на фоне роста напряжённости в китайско-вьетнамских отношениях, вызванной ситуацией в Южно-Китайском море. В 2015 г. страну посетил министр обороны США Э. Картер, где встретился с генеральным секретарём компартии Вьетнама, а также с президентом и министром обороны страны. Стороны договорились об укреплении оборонного сотрудничества. В 2016 г. Обама посетил эту страну, выполнив обещание, данное президенту Вьетнама Чыонг Тан Шангу во время его визита в США в 2013 г. На встрече США поддержали намерение

⁴⁰⁵ Framework for the US-India Defense Relationship. June 3, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015-Defense-Framework.pdf> (27.08.2022)

Вьетнама участвовать в миротворческих операциях ООН. Тогда же впервые после нормализации отношений в порт Камрань зашли американские военные суда.

В рамках сотрудничества с Индонезией после визита в страну министра обороны Ч. Хейгела в 2013 г. была достигнута договорённость о продаже Индонезии военной техники, включая истребители *F-16*, вертолёты *Apache*, и авиационных ракет *AGM-65*.

После освобождения оппозиционного лидера Мьянмы Аун Сан Су Чи и проведения в стране демократических выборов в 2012 г. США взяли курс на нормализацию отношений с Мьянмой, озвучили стремление снять экономические санкции и назначили посла США в этой стране, впервые со времён Клинтона.

Одно из достижений администрации Обамы на китайском направлении – создание формата «Стратегического и экономического диалога» с КНР, продолжения «Стратегического экономического диалога» времён Буша-мл. с включением более широких вопросов внешней политики и безопасности. Соглашение об этом было достигнуто в апреле 2009 г. Прежде всего это было связано с усилением экономической мощи Китая, особенно на фоне финансово-экономического кризиса, больно ударившего по западным странам. Кроме того, в 2010 году объём американских казначейских обязательств во владении китайских держателей превысил 1 трлн долл. Также возросло и политическое влияние КНР в АТР и на Ближнем Востоке. В 2011 г. в рамках стратегической «ветви» данного формата произошло первое заседание Диалога по стратегической безопасности, который было решено проводить ежегодно. В ходе переговоров 2013 г. стороны договорились о создании механизма предупреждения о крупномасштабных военных мероприятиях, обсудили правила поведения во время воздушных и морских операций, создали «горячую линию» между специальными представителями обеих стран, а также впервые провели заседание рабочей группы по вопросам кибербезопасности⁴⁰⁶. Помимо прочего, в 2015 г. была достигнута

⁴⁰⁶ U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track. Department of State, July 12, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm> (26.08.2022)

договорённость о правилах поведения при сближениях кораблей и воздушных судов на море и в воздухе.

При администрации Обамы продолжились попытки создать некое неформальное объединение двух стран, и таким образом перевести двустороннее взаимодействие на новый уровень. В это время появились такие термины, как «Группа двух» (G-2) и «Кимерика» или «Химерика» (*Chimerica*), обозначающие симбиоз между двумя странами, оказывающий определяющее влияние на мировую экономику. Термин G-2 стал известен широкой аудитории после саммита «большой двадцатки» в 2009 году, когда тогдашний президент Всемирного банка Роберт Зеллик и главный экономист Всемирного банка тайваньского происхождения Линь Ифу заявили, что «без Группы двух Группа двадцати станет разочарованием», имея в виду, что взаимодействие США и Китая должно стать движущей силой «двадцатки»⁴⁰⁷. Эту идею вскоре поддержали Зб. Бжезинский и Г. Киссинджер. Китайская сторона предпочла сразу же отмежеваться от неё. Так, выступая в том же году на китайско-европейском саммите в Праге тогдашний премьер-министр КНР Вэнь Цзябао заявил, что говорить о доминировании двух держав в международных отношениях «безосновательно и неверно»⁴⁰⁸. Термин «Кимерика» был введён экономистами Н. Фергюсоном и М. Шулариком в статье, опубликованной в журнале *International Finance* в 2007 году⁴⁰⁹. «Химерикой» назывался эффективный симбиоз стран с непохожими друг на друга экономическими и политическими системами. Такое объединение, согласно авторам, занимало 34% мирового ВВП, 38% мировых потребительских расходов домохозяйств и 20% международной торговли⁴¹⁰. Впоследствии Н. Фергюсон разделил развитие Кимерики на 3 этапа: до 2009 г.; с 2009 по 2015 гг.; с 2015 г. по настоящее время⁴¹¹.

⁴⁰⁷ Garrett G. After the GFC: Australia and the Chimerica challenge. Australian Strategic Policy Institute, 2009. P. 8.

⁴⁰⁸ Цит. по: Garrett G. After the GFC: Australia and the Chimerica challenge. Australian Strategic Policy Institute, 2009. P. 8.

⁴⁰⁹ См. Ferguson N., Schularick M. Chimerica and the Global Asset Market Boom // *International Finance*. 2007. No. 3. P. 215-239.

⁴¹⁰ Ferguson N, Xu X. Making Chimerica Great Again // *International Finance*. 2018. No. 21. P. 239-240.

⁴¹¹ Ibid. P. 240-241.

Причина появления подобных терминов состояла в понимании того, что после финансово-экономического кризиса США и КНР, скорее всего, нарастят отрыв от ближайших экономических и геополитических конкурентов, США сохранят доминирование в экономической, военной и культурной сфере, а Китай станет его главным соперником и «догоняющим». Это объяснялось тем, что последствия кризиса в намного большей степени затронули ближайших конкурентов США и КНР, таких как Евросоюз и Япония, а также тем, что США и Китай приложили больше всего усилий по его преодолению. Последнее обосновывается объёмами денежно-кредитного стимулирования и «финансового спасения» компаний, испытывающих проблемы. В то же время экономические связи между двумя странами, выразившиеся в торговом и инвестиционном сотрудничестве, стали самыми масштабными в истории. В их основе лежит ориентированность Китая на экспорт дешёвых промышленных товаров и ориентированность США на поддержание высокого уровня потребительского спроса населения. Кроме того, Китай вкладывал значительные средства в государственные облигации США, что позволяло Америке поддерживать низкую ключевую ставку и низкий уровень инфляции. В течение десятилетий тесные экономические связи были связующим веществом, позволяющим держать под относительным контролем потенциальные геополитические трения. Однако со временем в США стало возрастать давление на государственную власть с целью заставить её проводить более жёсткую политику в отношении Китая. Причиной этого стали кризисные явления в американской экономике, которые связывались с тесным взаимодействием с КНР. Прежде всего речь идёт о росте безработицы в производственном секторе из-за наплыва дешёвых китайских промышленных товаров. В результате как в американской, так и в китайской экономике стал наблюдаться рост протекционистских мер. Китай начал делать ставку на создание крупных конкурентоспособных компаний в тех сферах, где раньше доминировали США, особенно высокотехнологичных. К ним можно отнести, например, сферу информационно-коммуникационных технологий и авиакосмическую отрасль. В итоге экономические и геополитические разногласия привели к коренным

изменениям в американо-китайском симбиозе, участники которого находятся в фазе открытого стратегического соперничества, и чья терпимость по отношению друг к другу находится на рекордно низком уровне. Тем не менее, этот симбиоз продолжает существовать.

Также ключевую роль здесь играла концепция «новой модели отношений между крупными державами», к которой апеллировали представители обеих стран. Впервые она была озвучена Си Цзиньпином во время его визита в США в 2012 г. ещё в качестве заместителя председателя КНР. По словам китайских экспертов и политиков, это понятие включает в себя: избежание конфликтов и конфронтаций между двумя странами; взаимное уважение в важных вопросах, вызывающих озабоченность; стремление к сотрудничеству путём отказа от мышления «игры с нулевой суммой»⁴¹². Этот термин Си Цзиньпин упоминал и, уже будучи председателем, на саммите с Б. Обамой в поместье «Саннилендс», где обсуждались такие вопросы, как безопасность на море и в киберпространстве, двусторонние отношения в военной сфере, проблема изменения климата, вопросы Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, а также ядерная программа КНДР. Ему вторил и Б. Обама, который заявил: «В то время, когда в мире так много событий, очень важно, чтобы каждый из нас понимал наши стратегические цели как на военном, так и на политическом уровне. Это пример конкретного прогресса, который может продвинуть новую модель отношений между США и Китаем»⁴¹³. В уже упоминавшемся выступлении Т. Донилона прослеживается мысль, созвучная с тем, что говорили лидеры двух государств: «...Я не согласен с предпосылкой, выдвинутой некоторыми историками и теоретиками, о том, что восходящая и устоявшаяся [великая] державы каким-то образом обречены на конфликт... Обе стороны - Соединённые Штаты и Китай – должны выстроить новую модель отношений между существующей и новой [великой] державами»⁴¹⁴.

⁴¹² Ren X. Modeling a “New Type of Great Power Relations”: A Chinese Viewpoint // The ASAN Forum, October 4, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://theasanforum.org/modeling-a-new-type-of-great-power-relations-a-chinese-viewpoint/> (26.08.2022)

⁴¹³ Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting. The White House, June 08, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (26.08.2022)

⁴¹⁴ Remarks By Tom Donilon...

На эту же тему высказалась и сменившая Донилона на посту Сьюзен Райс: «Что касается Китая, мы стремимся ввести в действие новую модель отношений между крупными державами. Это означает управление неизбежным соперничеством при налаживании более глубокого сотрудничества по вопросам, в которых наши интересы совпадают – в Азии и за её пределами»⁴¹⁵. Таким образом, сутью концепции было не дать элементам соперничества возобладать в двусторонних отношениях.

В плане военного сотрудничества самым ярким эпизодом стало участие КНР в крупнейших в мире военно-морских учениях *RIMPAC*, проходящих раз в 2 года под эгидой США. Китай участвовал в них дважды – в 2014 и 2016 гг.

Ухудшение отношений с КНР при администрации Обамы началось в 2010 г. с продажи крупной партии вооружения Тайваню. Стоимость проданного вооружения составила 6,4 млрд долл. В состав поставки вошли вертолёты *Black Hawk*, ракеты для ЗРК «Пэтриот», противокорабельные ракеты *Нагрооп*, минные тральщики и коммуникационное оборудование для истребителей *F-16*⁴¹⁶. В ответ Китай впервые предложил ввести санкции против американских компаний, участвовавших в данной сделке.

В том же году на фоне скандала с хакерскими атаками против «Гугл» (*Google*) и других американских хайтек-компаний, а также требований цензурировать результаты, выдаваемые поисковой системой, компания «Гугл» приняла решение покинуть Китай, проработав на его территории 4 года. В 2014 г. США впервые в истории обвинили зарубежных государственных служащих в осуществлении кибератаки. Ими стали 5 сотрудников Министерства обороны КНР, которых обвинили в кибершпионаже против ряда крупных американских компаний. Эту тему Б. Обама и Си Цзиньпин обсуждали на саммитах 2013 и 2015 г. По итогам последнего Б. Обама заявил, что «Мы договорились о том, что ни американское, ни

⁴¹⁵ Zongze R. A New Model of Major-Country Relations: The New Driving Force Behind China-US Relations // China-US Focus, December 24, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/a-new-model-of-major-country-relations-the-new-driving-force-behind-china-us-relations> (27.08.2022)

⁴¹⁶ Cooper H. U.S. Approval of Taiwan Arms Sales Angers China // The New York Times, January 29, 2010 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2010/01/30/world/asia/30arms.html> (27.08.2022)

китайское правительство не будет проводить или сознательно поддерживать кражу интеллектуальной собственности, в том числе коммерческих тайн или другой конфиденциальной деловой информации, с помощью киберпреступников в коммерческих целях»⁴¹⁷. Ту же мысль повторил и Си Цзиньпин: «Киберворовство коммерческих секретов и хакерские атаки на правительственные сети являются незаконными; такие действия являются уголовным преступлением и подлежат наказанию»⁴¹⁸.

Кроме того, в 2010 году начался рост напряжённости между двумя странами из-за ситуации вокруг Южно-Китайского моря

Выступая на встрече министров иностранных дел США и стран АСЕАН в Ханое госсекретарь Хиллари Клинтон заявила, что, хотя США и придерживаются нейтралитета по вопросам территориального суверенитета в ЮКМ, они заинтересованы в доступе к общим морским пространствам в Азии. В том же году произошло столкновение между китайским рыболовным судном и двумя японскими кораблями береговой охраны вблизи островов Сенкаку (Дяоюйдао) в Восточно-китайском море, после которого КНР ввела неофициальный запрет на поставку редкоземельных материалов в Японию. В 2012 г. произошёл резонансный инцидент между китайскими и филиппинскими судами в районе рифа Скарборо, когда военно-морские корабли Филиппин попытались задержать восемь китайских рыболовных судов, что вызвало кризис в двусторонних отношениях. В ответ на это США призвали Китай начать переговоры с другими участниками территориальных споров в ЮКМ. Как заявила Х. Клинтон: «Ни одна нация не может не беспокоиться о росте напряжённости, всплеске конфронтационной риторики и разногласий по поводу использования природных ресурсов... Мы видим тревожные примеры экономического принуждения и неоднозначного использования военных и правительственных судов в связи со спорами, связанными с рыбной ловлей»⁴¹⁹.

⁴¹⁷ Can we trust China's promise to stop engaging in cyberwarfare? // The Washington Post, September 29, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/moving-chinas-cyberespionage-pledge-from-mere-words-to-action/2015/09/29/0f73ae96-661d-11e5-9223-70cb36460919_story.html (27.08.2022)

⁴¹⁸ Ibidem.

⁴¹⁹ U.S. urges China to open talks on South China Sea, Reuters, July 12, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-asean-summit-idUSBRE86B09720120712> (27.08.2022)

В июле 2012 г. в китайской провинции Хайнань была создана городская префектура Саньша, в подчинении которой оказались спорные о-ва Спратли (Наньша) и Парасельские о-ва (Сиша). В связи с этим Виктория Нуланд, занимавшая тогда должность официального представителя Госдепартамента, заявила: «...мы по-прежнему обеспокоены тем, стоит ли предпринимать подобные односторонние преждевременные шаги»⁴²⁰. С 2015 г. одной из главных дискуссионных тем в двусторонних отношениях становится создание искусственных участков суши в районе подконтрольных Китаю спорных островов в ЮКМ и возведение на них объектов военного или двойного назначения. Причиной критики со стороны ряда официальных лиц США послужила скорость намыва суши и её милитаризация, поскольку в сам процесс создания искусственной суши так или иначе вовлечены все участники территориальных споров в ЮКМ. Глава Тихоокеанского командования США Гарри Харрис в 2015 г. впервые как публично раскритиковал, так и описал процесс создания искусственных участков суши. Он заявил, что Китай «насыпает песок на живые коралловые рифы, некоторые из которых находятся под водой, и заливает их бетоном» и «в течение нескольких месяцев строит Великую стену из песка с помощью земснарядов и бульдозеров»⁴²¹. В 2016 г. Третейский суд в Гааге, куда подали жалобу Филиппины, вынес решение, согласно которому, Китай не имеет международно-правовых оснований для провозглашения суверенитета над территориями и акваториями в Южно-Китайском море.

Одним из элементов выражения протеста против действий Китая стало проведение так называемых операций по обеспечению свободы судоходства, в рамках которых американские военные корабли без предварительного оповещения проходят через территориальное море (12-мильную зону), незаконно, по мнению США, присвоенное тем или иным государством. США проводят подобные операции по всему миру и их ежегодное число постоянно растёт с 2007 года. В ЮКМ данные операции проходили в знак протеста против незаконных

⁴²⁰ Daily Press Briefing by Victoria Nuland, Spokesperson for the US Department of State, July 24, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2012/07/195425.htm#CHINA> (27.08.2022)

⁴²¹ A 'Great Wall of Sand' in the South China Sea // The Washington Post, April 8, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/a-great-wall-of-sand/2015/04/08/d23adb3e-dd6a-11e4-be40-566e2653afe5_story.html (27.08.2022)

требований всех участников территориальных споров, однако с 2015 г. подобные операции в ЮКМ направлены исключительно против Китая и искусственно сооружённых участков суши. Также в 2016 г. в связи с ситуацией в Южно-Китайском море в АТР на 5 месяцев был передислоцирован авианосец *USS John C. Stennis* со своей авианосной группой. Авианосец находится в составе 3-го флота ВМС США (зона ответственности – Ближний Восток) в то время, как АТР является зоной ответственности 7-го флота.

В 2013 г. КНР объявила о создании Оpoznательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море. Это вызвало резкую критику со стороны министра обороны и министра иностранных дел США. Так, госсекретарь Дж. Керри в своём выступлении заявил: «Это одностороннее действие представляет собой попытку изменить статус-кво в Восточно-Китайском море. Эскалационные действия только увеличат напряжённость в регионе и создадут риски инцидентов <...> Мы не поддерживаем попытки какого-либо государства применять свои опознавательные процедуры к иностранным самолётам, не намеревающимся войти в его национальное воздушное пространство»⁴²².

В итоге можно констатировать, что американо-китайские отношения продолжили своё движение в сторону соперничества. Между двумя странами сохранились направления сотрудничества, в которых присутствует взаимная заинтересованность. Это глобальные проблемы, например, изменение климата; проблемы безопасности, такие как терроризм и распространение ОМУ; и региональные, такие как наличие ядерного оружия на Корейском полуострове. Однако проблемные аспекты двусторонних взаимоотношений носят куда более актуальный и сиюминутный характер. Это торгово-экономические противоречия, проблемы кибербезопасности и кражи интеллектуальной собственности, вопросы соблюдения прав человека, активизация КНР на международной арене, в том числе и в Южно-Китайском море, нетранспарентность модернизации военного

⁴²² Statements by Secretary of State John Kerry and Secretary of Defense Chuck Hagel on the East China Sea Air Defense Identification Zone. Department of State, November 23, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.andrewerickson.com/2013/11/statements-by-secretary-of-state-john-kerry-and-secretary-of-defense-chuck-hagel-on-the-east-china-sea-air-defense-identification-zone/> (27.08.2022)

потенциала Китая и так далее. Ключевым фактором перехода к соперничеству можно считать развитие американского противостояния в так называемых общих пространствах – Мировом океане, киберпространстве и космосе. Поворотным моментом, на наш взгляд, можно считать 2010 год, когда КНР активно начал отстаивать свои территориальные претензии в Южно-Китайском море.

4.3. Политика администраций Д. Трампа и Дж. Байдена

Дональд Трамп пришёл к власти в Соединённых Штатах на волне подъёма антиглобализма в американском политическом истеблишменте и критики в адрес подхода Демократической партии к международным отношениям. Это объяснялось возникновением целого ряда негативных факторов, воспринимаемых как провалы американской внешней политики. К ним можно отнести геополитический подъём Китая, не сопровождавшийся его либерализацией, нараставшие разногласия с Россией, неудачи политики на ближневосточном направлении, подъём исламского терроризма в виде ИГИЛ, кризис в сфере контроля над вооружениями, кризисные явления в Евросоюзе⁴²³. При этом Д. Трамп ещё с начала избирательной кампании выступал с антиглобалистских позиций, критиковал формат отношений США с ключевыми союзниками, выступал против многосторонних торговых соглашений. В связи с этим, Китай получил возможность продвигать свою повестку «альтернативной» глобализации⁴²⁴.

В основе внешнеполитического подхода администрации Трампа лежала необходимость подкреплять дипломатические усилия военной мощью (концепция «мир с позиции силы»), а также сконцентрированность на торгово-экономических вопросах. Ещё одной характерной чертой назывался курс на соперничестве между великими державами во внешней политике. На самом деле, о стратегическом соперничестве с Китаем и Россией говорил ещё служивший при администрации

⁴²³ Труш С.М. Подход Трампа к Китаю: оценка мотивации и внешнеполитического стиля // США & Канада: экономика, политика, культура. 2018. №2. С. 43

⁴²⁴ Там же. С. 45

Б. Обамы министр обороны Э. Картер⁴²⁵. Сама логика «мира с позиции силы» требовала укрепления военного потенциала Соединённых Штатов. При Д. Трампе Министерство обороны США сконцентрировалось на количественных показателях, что, в частности, выражалось в намерении довести численность кораблей ВМС до 350 (в некоторых источниках – 355) единиц, а численность основного состава ВС – до 540 тыс. человек. Такой подход отражает принятие администрацией рекомендаций, сделанных фондом «Наследие»⁴²⁶. Здесь проявилось кардинальное расхождение с политикой предыдущей администрации, которая выступала за сокращение личного состава сухопутных войск. В законе «Об оборонных ассигнованиях на 2017 фин. г. численность личного состава, находящегося на действительной службе, утверждалась на уровне 476 тыс. человек⁴²⁷. С 2018 фин. г. начался рост авторизованной численности сухопутных войск, которая составляла уже 483 тыс. человек. Увеличение числа надводных кораблей предполагалось не только за счёт наращивания темпов их строительства, но и за счёт продления срока эксплуатации уже имеющихся судов. Однако вопрос сроков, за которые этот количественный показатель может быть достигнут, оставался открытым. В 2017 г. ВМС озвучили планы, согласно которым это должно было произойти к 2030 г., однако, согласно 30-летнему плану кораблестроения (по 2048 фин. г. включительно), представленному в 2018 г., достижения этого показателя следовало ожидать к началу 2050-х гг⁴²⁸.

Кроме того, Трамп ещё в ходе избирательной кампании отрицательно высказывался об ограничении военного бюджета и «секвестре» оборонных ассигнований и выступал за увеличение оборонных расходов. Их он предполагал компенсировать за счёт ряда реформ, таких как сокращение расходов на госаппарат и количества госслужащих, а также более эффективный сбор налогов. Однако

⁴²⁵ Majumdar D. America Reveals 'Great Power' Plans Against Russia and China // The National Interest, February 3, 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/america-reveals-great-power-plan-against-russia-china-15103> (20.08.2022)

⁴²⁶ Trump Uses Heritage Research in Plan to Rebuild America's Weakened Military. The Heritage Foundation, September 13, 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.heritage.org/defense/impact/trump-uses-heritage-research-plan-rebuild-americas-weakened-military> (20.08.2022)

⁴²⁷ East Asian Strategic Review 2018. P. 201.

⁴²⁸ East Asian Strategic Review 2020. National Institute for Defense Studies, 2020. P. 183 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2020.html> (25.06.2020)

одновременно с этим предполагалось увеличение расходов на инфраструктурные программы, а также сокращение налогов в ходе налоговой реформы. Структура военных расходов не раз становилась предметом манипуляций со стороны администрации. Это делалось с целью либо избежать обсуждения определённых статей в Конгрессе, либо обойти ограничения, наложенные законом «О контроле над бюджетом» 2011 года. Так, для увеличения военного бюджета администрация переводила часть основного военного бюджета на счета зарубежных чрезвычайных операций (ОСО), поскольку эти расходы не подлежат бюджетным ограничениям в рамках закона 2011 года. В бюджетном запросе на 2020 г. сумма перераспределённых таким образом средств достигла 98 млрд долл., причём сделано это было на фоне заявлений администрации о сворачивании операций американских вооружённых сил в Сирии и Афганистане⁴²⁹. Помимо этого, в 2018 г. в третий раз был принят Двухпартийный закон о бюджете, беспрецедентно увеличивший потолки как оборонных, так и необоронных расходов в 2018 и 2019 фин. г. (в общей сумме на 296 млрд долл.)⁴³⁰

Несмотря на упор на количественные показатели, администрация Трампа продолжила политику модернизации вооружённых сил, хотя и не использовала такие термины, как «Третья стратегия компенсации» или «Инициатива по инновациям в области обороны». Продолжилась трансформация вооружённых сил с целью сделать их более боеспособными с точки зрения противостояния хорошо вооружённому оппоненту, с которым невозможно воевать так же, как с террористическими группировками и странами-изгоями, прежде всего, поскольку с таким противником США не могут разместить вооружённые силы, где и когда пожелают в необходимом им количестве. Расходы на НИОКР при администрации Трампа увеличились по сравнению с предшественником⁴³¹. Бюджетный запрос Трампа на 2018 фин. г. включал в себя поддержку таких элементов «Третьей

⁴²⁹ Степанова Н.В. Особенности реализации стратегии национальной безопасности при администрации Д. Трампа // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 4 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760013356-8-1/> (26.08.2022)

⁴³⁰ East Asian Strategic Review 2018. National Institute for Defense Studies, 2018. P. 202 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2018.html> (25.06.2020)

⁴³¹ East Asian Strategic Review 2018. P. 204.

стратегии компенсации», как Управление стратегических возможностей (*Strategic Capabilities Office – SCO*), основная цель которого – поиск новых применений существующих военных технологий, Экспериментальный отдел по оборонным инновациям (*Defense Innovation Unit Experimental*), занимающийся сотрудничеством с университетами и быстроразвивающимися технологическими стартапами, и Программа ускоренного создания прототипов⁴³². Кроме того, несмотря на идеологические разногласия между руководителями американских хай-тек компаний и Д. Трампом, продолжилась политика взаимодействия оборонного ведомства и гражданского частного сектора в области высоких технологий. Индикатором этого стала, в частности, встреча министра обороны Дж. Мэттиса с главами компаний «Гугл» и «Амазон» в 2017 г. Продолжилось развитие программ, осуществляемых в рамках Управления перспективных исследовательских проектов МО США (*DARPA*). В 2018 г. под его эгидой была запущена Программа исследования искусственного интеллекта (ИИ). В частности, управление рассматривает такие варианты военного применения ИИ, как улучшенное автопилотирование и применение роев беспилотных аппаратов.

При администрации Трампа продолжилась модернизация ядерных сил США и разработка новых систем вооружений для всех компонентов ядерной триады. Кроме того, было объявлено, что количество перехватчиков *GBI* будет увеличено с 44 до 64 к 2023 г.⁴³³.

В то же время в апреле 2020 г. США объявили о прекращении постоянного размещения стратегических бомбардировщиков на базе ВВС Андерсен на о. Гуам, которое имело место с 2004 г. Бомбардировщики были передислоцированы на материковую территорию США⁴³⁴.

⁴³² Trump Budget Cuts Defense S&T by 5.8% While Funding Third Offset Priorities [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aip.org/fyi/2017/trump-budget-cuts-defense-st-58-while-funding-third-offset-priorities> (20.08.2017)

⁴³³ Новая стратегия ПРО США: бить из космоса на взлете, BBC News Русская Служба, 18.01.2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-46904467> (20.08.2022)

⁴³⁴ The Air Force has stopped its Continuous Bomber Presence mission in Guam // Air Force Times, April 21, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.airforcetimes.com/news/your-air-force/2020/04/21/the-air-force-has-stopped-its-continuous-bomber-presence-mission-in-guam/> (21.12.2020)

При администрации Трампа происходило активное развитие концепций применения вооружённых сил в ситуации возможного конфликта. В частности, в том, что касается надводных кораблей, была принята концепция использования «корабельных ударных групп» (*surface action group - SAG*)⁴³⁵ с повышенной поражающей способностью. За это повышение, в свою очередь, отвечала концепция «распределённой смертоносности» (*distributed lethality*). Под ней подразумевалось «состояние, достигаемое за счёт увеличения наступательной боевой мощи отдельных компонентов надводных сил <...> и использования их в рассредоточенных наступательных формированиях, известных как поисково-ударные корабельные группы (*hunter-killer SAGs*)»⁴³⁶. Повышению поражающей способности должны были содействовать такие возможности, как наступательные ракеты класса «поверхность-поверхность», дешёвые ударные системы вооружений средней дальности, противолодочное оружие дальнего действия, рельсотроны, постоянный доступ к локальным боевым информационным сетям при поддержке разведывательных беспилотных аппаратов⁴³⁷. Основу подобных ударных групп должны были составлять современные эсминцы типа «Замволт». Одновременно с этим в структуре ВМФ планировалось увеличить долю малых надводных кораблей (прибрежных боевых кораблей и фрегатов) по отношению к крупным с целью усложнить противнику задачу прицеливания, уменьшить влияние потери одного из кораблей в случае выведения из строя, а также возможного использования безэкипажных автономных аппаратов в особо опасных зонах⁴³⁸. Кроме того, предлагались концепции укрепления передового базирования, актуального в обстановке возможных конфликтов в условиях эпохи противостояния великих держав. Также рассматривались возможности оперативного развёртывания контингентов вооружённых сил, в районах, находящихся в зоне действия поражающих средств противника. Также в качестве одной из систем преодоления

⁴³⁵ Согласно определению, это постоянная или временная группировка боевых кораблей, за исключением авианосцев, предназначенная для выполнения определённой тактической задачи

⁴³⁶ Rowden T., Gumataotao P., Fanta P. 'Distributed Lethality'. Proceedings. U.S. Naval Institute, January 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2015/january/distributed-lethality> (26.08.2022)

⁴³⁷ Ibidem.

⁴³⁸ East Asian Strategic Review 2020. P. 184.

возможностей противника по «ограничению доступа / блокированию зоны» стала всё отчётливее выступать система залпового огня «Хаймарс» (*High Mobility Artillery Rocket System, HIMARS*), что повышало роль сухопутных войск в борьбе с такими угрозами. Эти и многие другие представления легли в основу целого ряда оперативных концепций совместного использования различных видов вооружённых сил, которые до сих пор находятся на стадии разработки и призваны повысить гибкость и манёвренность ВС США в условиях противостояния с противником, обладающим значительными ресурсами (*Joint Warfighting Concept for All-Domain Operations* – для всех видов ВС, *Multi-Domain Battle operational framework* – для сухопутных войск, *Distributed Maritime Operations* – для ВМС и *Multi-Domain Command and Control Initiative* для ВВС США). Таким образом вооружённые силы США вместо заикливания на какой-то одной главной концепции «преодоления А2/АД» в АТР, наподобие «воздушно-морских операций» продвигали и изучали целый спектр разносторонних идей и сценариев.

В отношении Тихого океана администрация Трампа продвигала политику «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», своеобразного аналога политики «разворота в Азию» администрации Обамы.

Одной из первых проблем, обративших внимание Трампа на безопасность в АТР, стала проблема денуклеаризации Корейского полуострова, участия в решении которой США требовали от Китая. Так, 20 июня 2017 г. помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Сьюзан Торнтон заявила, что США оставляют за собой право вводить санкции против китайских граждан и компаний, оказывающих Северной Корее помощь в ядерных разработках. Члены администрации неоднократно намекали на то, что в противном случае возможно одностороннее решение северокорейского вопроса военными средствами. В том же году Китай поддержал введение крайне жёстких санкций против КНДР, но при этом не отказался от союзнических отношений с Пхеньяном. Именно кризис, связанный с ядерной программой КНДР, послужил поводом для размещения на территории Южной Кореи противоракетного комплекса «ТХААД».

Во время пребывания у власти администрации Трампа продолжилось активное сотрудничество с Японией в сфере противоракетной обороны. Оно проявлялось в виде совместных учений, совместных испытаний противоракеты *SM-3 Block IIA*, переговоров о размещении на территории Японии систем «Иджис эшор». Японское руководство положительно отнеслось к выходу «Обзора ядерной политики», где особо подчёркивались обязательства США по расширенному сдерживанию в отношении Японии. При Д. Трампе США поставляли Японии значительный объём вооружений, в том числе истребители *F-35*, самолёты радиолокационного обнаружения *E-2 «Хокай» (E-2 Hawkeye)*, системы «Иджис» и др. В 2016 г. противоракетными комплексами «Иджис» был оснащён японский крейсер типа «Атаго».

Как и при администрации Буша, США удалось использовать антитеррористическое сотрудничество для укрепления оборонных отношений с Филиппинами. Администрация Трампа поддержала антитеррористические операции Филиппин на дипломатическом уровне, а также за счёт предоставления военного снаряжения, включая БПЛА, и проведения совместных контртеррористических учений. Филиппины стали ключевым реципиентом военной финансовой помощи США. По сообщениям в СМИ, США и Филиппины также обсуждали размещение на территории Филиппин мобильной реактивной системы залпового огня «Хаймарс»⁴³⁹. Советник по национальной безопасности Трампа Роберт О'Брайан недвусмысленно намекнул, что поддержит Филиппины и Вьетнам в случае конфликта с Китаем. Позднее эту мысль подтвердил и Майк Помпео в ходе своего турне по Юго-Восточной Азии, уже сославшись на двусторонний американо-филиппинский договор⁴⁴⁰.

⁴³⁹ US and Philippines said to be in talks on rocket system to deter Beijing's 'militarisation' in South China Sea // South China Morning Post, April 2, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3004372/us-philippines-said-be-talks-rocket-system-deter-beijings> (24.12.2020)

⁴⁴⁰ South China Sea covered by PH-U.S. Mutual Defense Treaty – Pompeo // Rappler, March 1, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rappler.com/nation/pompeo-says-south-china-sea-covered-philippines-us-mutual-defense-treaty> (07.12.2020)

В 2017 г. между вооружёнными силами США и Австралии была заключена инициатива Расширенного военного сотрудничества, которая подразумевает совместное развитие военно-воздушной инфраструктуры и проведение совместных учений. В том же году в Австралии были размещены дополнительные истребители *F-22* и конвертопланы *MV-22*. Тенденции развития оборонных отношений между США и Австралией также связаны непосредственно с Китаем. В частности, высокопоставленные должностные лица Австралии, такие как министр обороны и министр иностранных дел, не раз говорили о необходимости расширения американо-австралийского партнёрства перед лицом китайской угрозы. Вклад Австралии в военную политику США в отношении КНР проявлялся в основном в её участии в двусторонних военно-морских учениях в АТР. Кроме того, стороны обсуждали расширение миссии контингента морской пехоты, базирующегося в г. Дарвин, а также о создании там резервного склада топлива для военных нужд. Однако, несмотря на это, Австралия отказалась размещать на своей территории американские ракеты промежуточной дальности⁴⁴¹.

В целом нужно заметить, что при администрации Трампа укрепились взаимоотношения в области безопасности с такими союзниками, как Япония, Австралия, Новая Зеландия. Несмотря на то, что в Южной Корее была размещена система «ТХААД», в целом произошло ослабление военных контактов между двумя странами в связи с постоянными претензиями США касательно вклада Южной Кореи в обеспечение собственной безопасности. Почти все эти страны проводили вблизи спорных территорий в Южно-Китайском море свои аналоги «операций по защите свободы судоходства». Кроме того, усилилось присутствие в регионе других внерегиональных игроков, таких как Англия и Франция, которые принимали участие в подобных операциях совместно с Австралией⁴⁴². В целом всё это можно считать продолжением, неким вторым этапом «разворота в Азию», начатого при Обаме, несмотря на то что на словах Трамп от этой политики

⁴⁴¹ US, Australia Seek New Military Cooperation in Face of China // Voice of America, July 28, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.voanews.com/usa/us-australia-seek-new-military-cooperation-face-china> (24.12.2020)

⁴⁴² Middle Powers Step Up in Asia // China-US Focus, October 24, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/middle-powers-step-up-in-asia> (01.12.2020)

дистанцировался. При этом нужно отметить, что этот этап носит преимущественно военный характер.

Одновременно с приходом к власти Д. Трампа в американском политическом истеблишменте стали доминировать настроения, призывающие к размежеванию (так называемому декаплингу) между США и Китаем во внешнеполитической сфере, прежде всего в экономической.

При администрации Трампа также начал разворачиваться кризис в отношениях между КНР и НАТО. Эти отношения являются неформальными и до 2019 г. носили в основном кооперативный характер. В 2019 году генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что Китай представляет собой новый вызов для альянса, а также обвинил Китай в нарушениях прав человека и агрессивном поведении по отношению к своим соседям. На состоявшемся в 2019 г. саммите НАТО в Лондоне Китай был впервые заявлен в качестве одного из главных пунктов повестки дня. Нужно отметить, что отношения между КНР и альянсом всегда были натянутыми по ряду причин. Страны НАТО инициировали эмбарго на поставку вооружений в Китай после событий на площади Тяньаньмэнь. Именно в результате операции НАТО был нанесён удар по посольству КНР в Белграде, после которого некоторые страны принесли свои извинения. Наибольшего сближения отношения достигли после терактов 11 сентября, когда возникло общее понимание угрозы терроризма, а китайская военная и экономическая мощь ещё носили ограниченный характер. Последовавшее расширение НАТО на восток было воспринято Китаем негативно, как признак усиления США. Отношения между Китаем и НАТО во многом отражают динамику американо-китайских отношений, что объясняется системообразующей ролью США в структуре альянса. Наиболее выраженное военное сотрудничество между Китаем и НАТО происходило в Аденском заливе начиная с 2008 года. Отношения между НАТО и Китаем начали ухудшаться после провозглашения в США стратегии «разворота в Азию».

Критические настроения по отношению к Китаю стали заметны и в Европейском Союзе. В 2019 г. в документе под названием «ЕС-Китай:

стратегическая перспектива» Китай был назван «экономическим конкурентом» и «системным соперником»⁴⁴³. Во многом это стало результатом усилий США по вовлечению европейских стран в противостояние с КНР. Способствовало этому и усиление Китая в мире, его инвестиции в критическую инфраструктуру европейских стран, включая морские порты, кибершпионаж, трансфер технологий, проекты по освоению Арктики, более тесное взаимодействие с Россией в военной сфере, и др. Проект «Один пояс – один путь», включающий в себя европейские страны, также насторожил ЕС и НАТО. Более негативно по отношению к Китаю настроены страны, больше всего обеспокоенные угрозой со стороны России. Такие же страны, как Франция и Германия выступают за более гибкий подход в отношении Китая и воспринимают его в том числе и как партнёра. Весьма тесные отношения с Китаем имеются у Турции, однако она открыто не выступает против ужесточения курса НАТО в отношении КНР. Перспективы выработки общей позиции НАТО по китайскому вопросу представляются туманными. В экспертной среде обсуждается возможность создания совета «Китай - НАТО», по аналогии с советом, включавшим Россию, что поможет объединить позицию альянса⁴⁴⁴. Препятствием к созданию такого органа является критика эффективности совета «Россия-НАТО».

Американо-китайские отношения при администрации Трампа характеризовались началом полномасштабного противостояния между двумя странами, прежде всего в виде «торговой войны» и «технологической войны», что неудивительно, учитывая какую важность администрация придавала торгово-экономическим вопросам. Американские частные компании, которые выступали одними из главных сторонников взаимодействия с Китаем, также начали менять свою точку зрения. Если раньше они воспринимали Китай как огромный рынок, который позволял получить больше прибыли с расширением экономического взаимодействия, с некоторых пор китайские компании стали получать

⁴⁴³ Dutta A. Systemic Rival or Strategic Partner: EU-China Relations in Pandemic World. Indian Council of World Affairs, July 17, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа:

https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=5213&lid=3677 (27.08.2022)

⁴⁴⁴ Brzezinski I. NATO's role in a transatlantic strategy on China. The Atlantic Council, June 1, 2020

<https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/natos-role-in-a-transatlantic-strategy-on-china/> (27.08.2022)

конкурентные преимущества и захватывать инициативу, особенно в высокотехнологичных областях. Большую роль здесь сыграло появление в Китае концепции «Сделано в Китае - 2025», подразумевавшей занятие лидирующих позиций в мире в целом ряде высокотехнологичных сфер. Несколько высших правительственных чиновников, включая самого Трампа, вице-президента М. Пенса, бывшего помощника заместителя госсекретаря К. Кэмпбелла, тогдашнего помощника президента по национальной безопасности Г. Макмастера заявили о том, что предыдущая политика «взаимодействия» (engagement) с Китаем, направленная на изменение его внутривластного и внешнеполитического курса в сторону либерализации, провалилась⁴⁴⁵.

Ещё во время избирательной кампании Д. Трамп обвинял Китай в воровстве интеллектуальной собственности, манипуляциях с курсом юаня, а также в неприятии международного порядка «основанного на правилах». Существует представление о том, что наращивание военного потенциала в Азиатско-Тихоокеанском регионе при администрации Трампа было сделано во многом для того, чтобы создать выгодную переговорную позицию с Китаем по торговым вопросам. Впервые дополнительные пошлины на китайские товары Соединённые Штаты ввели в июле 2018 г., затем последовало ещё 2 этапа введения новых пошлин, под которые попали такие чувствительные статьи китайского экспорта, как полупроводники и продукция фармацевтической промышленности. В законе «Об оборонных ассигнованиях» на 2019 фин. г. государственным ведомствам запрещалось использовать устройства и услуги от китайских компаний *Huawei* и *ZTE*.

Как уже было сказано, при администрации Трампа был продолжен курс на военно-технологическое соперничество с Китаем за счёт усиления американского военно-технического преимущества в технологиях, связанных с «четвёртой промышленной революцией». Главным приоритетом администрации стало развитие в сфере искусственного интеллекта. Так, в 2018 г. при Национальном

⁴⁴⁵ Панов А.Н. Указ. соч. С. 25.

совете по науке и технологиям был создан Специальный комитет по искусственному интеллекту. В его состав вошли такие подразделения, как Подкомитет по машинному обучению и искусственному интеллекту и Подкомитет по исследованиям и разработкам в области сетевых и информационных технологий. В 2019 г. Д. Трамп издал исполнительный указ «О поддержании американского лидерства в области искусственного интеллекта», в котором, в частности, говорилось, что «США должны стимулировать технологические прорывы в области ИИ в федеральном правительстве, промышленности и научном сообществе, чтобы способствовать научным открытиям, экономической конкурентоспособности и национальной безопасности», а также что США должны «содействовать созданию международной среды, поддерживающей американские исследования и инновации в области ИИ и открывающей рынки для американских отраслей ИИ, одновременно защищать наше технологическое преимущество в области ИИ и наши критические технологии в сфере ИИ от приобретения стратегическими конкурентами и враждебными странами»⁴⁴⁶. В 2018 г. Министерство обороны США опубликовало Стратегию в сфере искусственного интеллекта, в которой отмечалось, что Китай и Россия вкладывают значительные средства в развитие военного применения искусственного интеллекта. К этому авторы призывали и Соединённые Штаты, уделяя особое внимание работе с союзниками и партнёрами.

Одной из характерных черт администрации Трампа стала намного более жёсткая риторика официальных лиц в отношении Китая. Так, выступая на форуме «Диалог Шангри-Ла» министр обороны Дж. Мэттис заявил: «Мы не приемлем действия Китая, которые ущемляют интересы международного сообщества, подрывая порядок, основанный на правилах, который принес пользу всем представленным здесь сегодня странам, особенно Китаю»⁴⁴⁷. Кроме того, китайской угрозе были посвящены неоднократные выступления вице-президента

⁴⁴⁶ Ibidem.

⁴⁴⁷ US seeks constructive relationship with China, but can't accept actions that undermine rules-based order: Mattis // The Straits Times, June 3, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/us-defence-secretary-james-mattis-presses-china-on-north-korea-south-china-sea> (26.08.2022)

М. Пенса, госсекретаря М. Помпео, советника Д. Трампа по национальной безопасности Р. О'Брайена, директора ФБР К. Рэя, генерального прокурора У. Барра и других чиновников. Впервые столь жёсткой критике с высоких трибун подверглась Коммунистическая партия и коммунистическая идеология Китая, и её пагубное влияние на американское общество, что напоминает риторику о «красной угрозе» со стороны большевизма времён холодной войны. Так, выступая во Вьетнаме в 2019 г. вице-президент Майк Пенс заявил: «... Коммунистическая партия Китая продолжает использовать средства поощрения и принуждения в отношении американского бизнеса, киностудий, университетов, «мозговых центров», учёных, журналистов, а также местных, государственных и федеральных чиновников с целью оказывать влияние на общественные дискуссии в Америке»⁴⁴⁸. По словам Р. О'Брайена: «С точки зрения марксизма-ленинизма, самопровозглашённой идеологии Коммунистической партии Китая, люди не обладают ценностью. Люди - всего лишь инструмент для достижения целей коллективного национального государства»⁴⁴⁹. По его же словам, Си Цзиньпин считает себя последователем Сталина⁴⁵⁰. Программа «Тысяча талантов» и институты Конфуция были также названы проводниками китайского влияния. В законе «Об оборонных ассигнованиях» на 2020 фин. г. предписывается запуск «Программы исследования иностранных операций по оказанию пагубного влияния», вдохновлённой борьбой с китайской угрозой. Ряд действующих в США китайских средств массовой информации (*Yicai Global*, *Jiefang Daily*, *Xinmin Evening News*, *Social Sciences in China Press*, *Beijing Review* и *Economic Daily*) заставили зарегистрироваться в качестве иностранных агентов⁴⁵¹. Также были

⁴⁴⁸ Remarks by Vice President Pence at the Frederic V. Malek Memorial Lecture, October 24, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vn.usembassy.gov/remarks-by-vice-president-pence-at-the-frederic-v-malek-memorial-lecture/> (26.08.2022)

⁴⁴⁹ O'Brien R. Trump will continue to punish China for its horrifying anti-Uighur campaign // The Washington Post, July 12, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/trump-will-continue-to-punish-china-for-its-horrifying-anti-uighur-campaign/2020/07/12/cfa5870a-c2f9-11ea-9fdd-b7ac6b051dc8_story.html (26.08.2022)

⁴⁵⁰ Trump national security adviser compares Xi Jinping to Josef Stalin // Politico, June 24, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.politico.com/news/2020/06/24/robert-obrien-xi-jinping-china-stalin-338338> (26.08.2022)

⁴⁵¹ Albert E. China Retaliates With More Restrictions on US Media // The Diplomat, October 27, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/10/china-retaliates-with-more-restrictions-on-us-media/> (27.08.2022)

установлены ограничения на пребывание в США для членов Коммунистической партии Китая. В 2018 г. по инициативе генерального прокурора США Дж. Сешенса в рамках Департамента национальной безопасности Министерства юстиции США была запущена так называемая Китайская инициатива, цель которой – расследование деятельности и судебное преследование китайских компаний, нарушающих законы США, в частности, крадущих коммерческие секреты, дающие взятки госслужащим и т.д. Кроме того, были наложены ограничения на дипломатические представительства Китая в США, сотрудникам которых запрещалось посещать американские университеты и встречаться с государственными чиновниками без предварительного согласования. Ещё одним поводом для американских санкций послужили нарушения прав уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2020 году в Конгрессе подавляющим большинством был принят закон «О нарушениях прав человека в отношении уйгуров» (*Uyghur Human Rights Policy Act*), согласно которому различные федеральные ведомства США должны собирать информацию и вводить санкции против китайских должностных лиц, ответственных за притеснение уйгуров.

Тайваньская проблема в американо-китайских отношениях вновь приобрела опасный оборот на начальном этапе пребывания Д. Трампа у власти. Как и во времена Дж. Буша-мл., это было связано с избранием на пост президента представителя Демократической прогрессивной партии – на этот раз им стала Цай Инвэнь, публично заявившая о неприятии «Консенсуса 1992 года», по которому материковый Китай и Тайвань не являются отдельными государствами. Однако, в отличие от предыдущего случая, в 2016 г. ДПП одержала победу и на выборах в парламент страны, получив в нём большинство мест. Несмотря на бытовавшее ранее скептическое отношение США к ДПП, ввиду обострения американо-китайских отношений и сдвига в общественных настроениях на Тайване, Америка скорректировала свой курс. Это совпало с нарастанием ощущения угрозы, которую представляет Китайская военная мощь как для США, так и для независимости Тайваня. Использование тайваньского вопроса для противостояния Китаю в публичном пространстве началось ещё во время предвыборной кампании 2016 г, за

которой последовал печально известный разговор с президентом Тайваня Цай Инвэнь, которая поздравила Трампа с избранием⁴⁵². Кроме этого случая новый президент не проявлял стремлений к провокационным действиям в отличие от своих предшественников Чэнь Шуйбяня и Ли Дэньхуэя. Заслуживающей внимания особенностью продажи вооружений Тайваню при администрации Трампа, стало решение о поставке 66 истребителей *F-16*. Это предложение, высказанное администрацией, а затем одобренное Конгрессом, послужило одной из причин дальнейшей эскалации кризиса в американо-китайских отношениях. До этого решение о продаже истребителей принималось только при администрации Дж. Буша-старшего в 1992 г. Несмотря на то, что Барак Обама в 2011 г. отказался от этого шага, опасаясь обострения отношений с КНР, в целом объём продаж вооружения Тайваню со стороны США был выше, чем при Д. Трампе⁴⁵³. В июне 2017 г. стоимость проданного оборудования составила 1,5 млрд долл., в сентябре 2018 г. – 330 млн долл.⁴⁵⁴ Вдобавок, между США и Тайванем шли переговоры о возможном запуске с американской помощью тайваньской программы строительства подводных лодок⁴⁵⁵. На законодательном уровне поддержка Тайваня выразилась в принятии в 2018 г. закона «О посещении Тайваня», который, в частности, упрощал посещение Тайваня американскими должностными лицами всех уровней и посещение США высшими должностными лицами Тайваня, а также запрещал государственным ведомствам ограничивать посещение острова. Кроме того, в законах об оборонных ассигнованиях, принятых при Д. Трампе, есть пункты, обязывающие государство укреплять военные отношения с Тайванем.

При Трампе усилилась частота так называемых операций по обеспечению свободы судоходства (в начале его президентства был период, когда они проводились практически каждый месяц). В 2019 г. число операций по

⁴⁵² Панов А.Н. Указ. соч. С. 27.

⁴⁵³ Maizland L. U.S. Military Support for Taiwan: What's Changed Under Trump? Council on Foreign Relations, April 3, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cfr.org/in-brief/us-military-support-taiwan-whats-changed-under-trump> (12.12.2020)

⁴⁵⁴ Chen D. The Trump Administration's One-China Policy: Tilting toward Taiwan in an Era of U.S.-PRC Rivalry? // Asian Politics & Policy. 2019. No. 2. P. 262.

⁴⁵⁵ Ibidem.

обеспечению свободы судоходства достигло 10 – это ровно в 2 раза больше, чем за всё время пребывания у власти администрации Обамы⁴⁵⁶.

В противовес инфраструктурным проектам Китая в регионе администрация Трампа предложила свой проект под названием «Индо-Тихоокеанская инфраструктурная инициатива». В октябре 2018 г. Конгресс США принял закон «О лучшем использовании инвестиций, ведущих к развитию», согласно которому предусматривается создание структуры под названием «Финансовая корпорация США по международному развитию», призванной привлекать частные инвестиции в развивающиеся страны. В конце декабря 2018 г. Дональд Трамп подписал закон «Об обеспечении гарантий в Азии» (*Asia Reassurance Act*), позволяющий в течение пяти лет выделять сумму в 1,5 млрд долл. в год на ряд программ, в том числе связанных с обеспечением безопасности и проведением военных учений. В законе «Об оборонных ассигнованиях» на 2021 г. 6,9 млрд долл. выделяется на так называемую Тихоокеанскую инициативу сдерживания (*Pacific Deterrence Initiative*). Согласно этой инициативе Конгресс будет следить за тем, как Министерство обороны исполняет указания, данные в Национальной оборонной стратегии и правильно ли направляет ресурсы на сдерживание Китая. Кроме того, ассигнования на ВС США в Тихом океане были даже увеличены по сравнению с запросом президента. Также к первому февраля 2021 г. Минобороны должно было подготовить отчёт о необходимых капиталовложениях в военную инфраструктуру в регионе.

В качестве инструмента противостояния в публичном пространстве американскими военными была использована даже пандемия нового коронавируса. Так, пресс-секретарь Индо-Тихоокеанского командования США Майкл Кафка заявил, что «Китайская Народная Республика пытается использовать тот факт, что страны региона сосредоточены на коронавирусе, для настойчивого продвижения

⁴⁵⁶ Troubled Waters: Where the U.S. and China Could Clash in the South China Sea // Bloomberg, December 17, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-south-china-sea-miscalculation/> (14.01.2021)

своих интересов»⁴⁵⁷. Помимо этого, Тихоокеанский флот ВМС США заявил, что все его подводные лодки проводят операции «в поддержку свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона в условиях пандемии, вызванной коронавирусом»⁴⁵⁸.

Немалое количество усилий при администрации Д. Трампа было затрачено на борьбу с вредоносным влиянием Китая на внутреннюю ситуацию в США. В закон «Об оборонных ассигнованиях» на 2020 фин. г. было включено положение о создании Центра реагирования на враждебное иностранное влияние (*Foreign Malign Influence Response Center*) в рамках Аппарата директора национальной разведки⁴⁵⁹, который должен аккумулировать и анализировать всю информацию, касающуюся такого влияния и оказавшуюся в распоряжении государственных органов. Кроме того, как прописано в том же законе, Центр по контрразведке и безопасности Аппарата директора по национальной разведке обязывается публиковать ежегодный доклад об «операциях с целью оказания влияния», выпускающийся под эгидой Коммунистической партии Китая⁴⁶⁰.

Говоря о сотрудничестве с Китаем, нужно отметить, что Стратегический и экономический диалог, проводившийся при администрации Обамы, при Трампе был преобразован в ряд форумов, таких как Диалог по вопросам дипломатии и безопасности, Всеобъемлющий экономический диалог, Диалог по вопросам правопорядка и кибербезопасности и Социально-культурный диалог. Однако с развитием кризиса в двусторонних отношениях механизм диалога начал буксовать. Так, в 2017 г. были проведены все перечисленные диалоги, в 2018 г. – только Диалог по вопросам дипломатии и безопасности, а в 2019 г. не было организовано ни одного из этих форумов. Имел место активный диалог между лидерами двух

⁴⁵⁷ US increases military pressure on China as tensions rise over pandemic // CNN, May 15, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2020/05/14/politics/us-china-military-pressure/index.html> (24.12.2020)

⁴⁵⁸ Ibidem.

⁴⁵⁹ U.S. intelligence community to create center to address foreign malign influence // CBS News, April 26, 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/intelligence-community-foreign-malign-influence/> (27.08.2022)

⁴⁶⁰ 50 U.S. Code § 3237 - Annual reports on influence operations and campaigns in the United States by the Chinese Communist Party. Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/3237> (27.08.2022)

стран. В поздравительной телеграмме по случаю избрания Трампа на пост президента Си Цзиньпин сформулировал принципы, на которых, по его мнению, необходимо строить отношения между двумя странами. Это отказ от конфликтов и конфронтации, взаимное уважение, взаимная выгода, расширение сотрудничества двух стран на двусторонней основе, в региональных и глобальных масштабах, решение разногласий конструктивным путём⁴⁶¹. Знаком того, что стороны были готовы улаживать разногласия мирным путём, стал и саммит двух лидеров, прошедший в резиденции Трампа во Флориде, который, однако, не привёл к практическим результатам⁴⁶².

Что касается сотрудничества между военными ведомствами двух стран, при администрации Трампа они оказались в состоянии глубокого кризиса. Так, за время пребывания администрации у власти неуклонно снижалась частота военных обменов – с 30 в 2016 г. до 12 – в 2019-м⁴⁶³. В законе «Об оборонных ассигнованиях» на 2019 фин. г. запрещалось участие Китая в учениях *RIMPAC*. В то же время контакты с представителями КНР по оборонной линии проводились, в том числе и на высшем уровне. Так, министры обороны двух стран неоднократно встречались на полях международных конференций, таких как Совещание министров обороны стран АСЕАН – плюс, а также неофициальных форумах, к примеру, в рамках «Диалога Шангри-Ла», организуемого Международным институтом стратегических исследований. В то же время некоторые запланированные двусторонние встречи высокопоставленных военных так и не состоялись. Например, встреча тогдашнего председателя ОКНШ США Джозефа Данфорда и председателя Генерального штаба Центрального военного совета КНР Ли Зуочена. Кроме того, представители военных ведомств двух стран участвовали в совместных мероприятиях, посвящённых борьбе со стихийными бедствиями, в том числе в ежегодных учениях *Disaster Management Exchange (DME)*. Военные ведомства США и Китая принимали участие в таких регулярных совместных

⁴⁶¹ Панов А.Н. Указ. соч. С. 28.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ East Asian Strategic Review 2020. P. 175.

мероприятиях, как встречи рабочей группы Соглашения о консультациях по военно-морским вопросам (ММСА) (проигнорировано Китаем в 2020 г.); Переговоры по вопросам координации оборонной политики (DPCT); Диалог по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (APSD) и др.

Политику на соперничество с Китаем продолжил новый президент США – Дж. Байден. Во время первого телефонного разговора с Си Цзиньпином Байден заявил, что Китаю нужно быть готовым к «экстремальному соперничеству с США». Соперничество с Китаем при Байдене проявляется в то числе в сферах наиболее жёсткого технологического противостояния, путём инвестирования в такие сферы, как инновационные материалы, энергетика, искусственный интеллект и коммуникационные сети пятого поколения. Кроме того, Дж. Байден согласен с тем, что нет веских причин для снятия 25%-ных ввозных пошлин на 50% импортируемых из Китая товаров. Ограничения, введённые против компаний *Huawei*, *ZTE*, *Xiaomi* и *TikTok* также не сняты.

В плане военной политики Байден продолжает линию Трампа на противостояние военной экспансии Китая в Западной части Тихого океана. Достигается это как за счёт таких акций, как проведение военных учений в Южно-Китайском море и прохождение военных кораблей в Тайваньском проливе, а также укрепления системы региональных партнёрств.

Ещё больше по сравнению с предыдущим состоянием ухудшилась ситуация в Тайваньском проливе. Это произошло после 2 августа 2022 года, когда спикер Палаты представителей США Нэнси Пелоси совершила визит на Тайвань, по мнению некоторых, спровоцировав Четвёртый кризис в Тайваньском проливе. Сразу после прибытия Пелоси Китай начал проведение беспрецедентных по масштабу военных учений в шести районах, примыкающих к территориальным водам Тайваня. Над островом пролетели четыре китайские ракеты, выпущенные предположительно из районов провинций Фуцзянь и Чжецзян. В воздушное пространство Тайваня вошли многочисленные БПЛА и боевые самолёты. Кроме того, китайской стороной был отменён ряд важных встреч с представителями не

только Тайваня, но и США. Ситуация стала во многом аналогичной визиту тогдашнего президента Тайваня Ли Дэньхуэя в США, спровоцировавшему Третий кризис в Тайваньском проливе. Декларируемой причиной визита стало намерение продемонстрировать Китаю приверженность США обязательствам перед Тайванем в области безопасности, которые Китай якобы игнорирует. Нужно заметить, что это не первый случай приезда на остров спикера Палаты представителей Конгресса США, а также то, что изначально визит должен был состояться ещё в апреле 2022 года, однако он был отложен в связи с заражением Н. Пелоси *Covid-19*. После объявления о намерении спикера посетить Тайвань последовали протесты со стороны Китая, ввиду которых, по всей видимости, отказ от поездки стал бы рассматриваться как проявление слабости со стороны США. Это обстоятельство наложилось на противостояние между действующей демократической администрацией и республиканцами в американском истеблишменте, где демократы оказываются объектом критики за недостаточно жёсткую политику в отношении Китая, которая может привести к эскалации напряжённости в двусторонних отношениях. Однако есть основания полагать, что причиной жёсткой реакции КНР на визит Пелоси стал не сам его факт, а общий негативный тренд в отношениях между двумя странами.

При администрации Байдена продолжился курс Д. Трампа на поддержку правительства Цай Инвэнь, продажу Тайваню вооружения и военной техники, проведение визитов и встреч на высоком уровне, наращивание двустороннего военного сотрудничества. Дж. Байден в течение 2022 года дважды (в мае и сентябре) нарушал принцип стратегической неопределённости в политике США в отношении Тайваня, заявляя, что американские военные будут защищать остров в случае нападения со стороны Китая⁴⁶⁴. После этих заявлений другие официальные лица, в том числе официальный представитель Белого дома, заявляли, что позиция США в отношении тайваньского вопроса не изменилась. Кроме того, ближайший

⁴⁶⁴Joe Biden again says US forces would defend Taiwan from Chinese attack // [Электронный ресурс] Режим доступа: [://www.theguardian.com/world/2022/sep/19/joe-biden-repeats-claim-that-us-forces-would-defend-taiwan-if-china-attacked](https://www.theguardian.com/world/2022/sep/19/joe-biden-repeats-claim-that-us-forces-would-defend-taiwan-if-china-attacked) (05.10.2022)

союзник США в регионе – Япония – устами бывшего премьер-министра страны Синдзо Абэ в 2021 году заявляла о том, что в случае нападения на Тайвань, американо-японский альянс «не может оставаться в стороне»⁴⁶⁵. В качестве ответной меры Китай наращивает число и масштаб военных учений вблизи Тайваня, превращая их в обычную практику и одновременно отрабатывая возможные сценарии присоединения острова силовым путём.

Для выработки скоординированной военной политики в отношении Китая 10 февраля 2021 г. Дж. Байден объявил о создании рабочей группы по Китаю в Министерстве обороны США. Группа должна состоять из 15 человек, представляющих виды вооружённых сил, канцелярию министра обороны, объединённых командований ВС США, ОКНШ и разведсообщества⁴⁶⁶. Возможно, прообразом данной группы послужила одноимённая рабочая группа республиканцев Палаты представителей, также состоявшей из 15 членов и представивших свой итоговый документ в 2020 году ещё при президентстве Д. Трампа. Тем временем министр обороны США Ллойд Остин и его заместитель Кэтлин Хикс заявляли, что Китай представляет собой «определяющую угрозу»⁴⁶⁷.

27 декабря 2021 года Дж. Байден подписал закон об оборонных ассигнованиях на 2022 фин. г. в размере 768 млрд долл., что превышает изначальный запрос президента в размере 715 млрд долл. В последний год пребывания у власти Д. Трампа военные расходы составляли около 740 млрд долл. Инициатива повышения военных расходов исходила от республиканцев. Её поддержали представители Демократической партии как в Палате представителей, так и в Сенате. Причина повышения – недостаточность изначального запроса для

⁴⁶⁵ Former Prime Minister Shinzo Abe says Japan and the U.S. could not stand by if China attacked Taiwan // CNBC. November 30, 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/12/01/japan-us-could-not-stand-by-if-china-attacked-taiwan-shinzo-abe.html> (05.10.2022)

⁴⁶⁶ Biden Announces DOD China Task Force // U.S. Department of Defense. February 10, 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2500271/biden-announces-dod-china-task-force/> (27.08.2022)

⁴⁶⁷ Hicks: DoD Budget Designed to Deter Chinese Aggression; Pentagon Issues New China Policy Directive // USNI News, June 9, 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.usni.org/2021/06/09/hicks-dod-budget-designed-to-deter-chinese-aggression-pentagon-issues-new-china-policy-directive> (27.08.2022)

противостояния военным угрозам со стороны Китая и России. Значительную долю повышенных расходов составили закупки военных самолётов и кораблей.

Другой инициативой, крайне важной для американской военной политики в АТР в целом и в отношении Китая в частности стало создание военного объединения под названием АУКУС. В сентябре 2021 г. Австралия Великобритания и США подписали соглашение о безопасности, в основе которого лежит обеспокоенность ростом Китая и его влиянием на безопасность в АТР. Основная задача соглашения – обмен военными технологиями, включая системы дальнего радиуса действия, подводные технологии, технологии, связанные с киберпространством, искусственным интеллектом, квантовые технологии. Кроме того, заключено соглашение о том, что в течение полутора лет стороны будут вести переговоры о том, что Австралия при помощи США и Великобритании должна будет принять на вооружение не менее восьми атомных подводных лодок, использующих в качестве топлива высокообогащённый уран. Стоит отметить, что Австралия, США и Великобритания входят в состав соглашения о сотрудничестве в области радиоэлектронной разведки (группа «Пять глаз»). Возможно, работа внутри этой организации послужила основой обмена технологиями. Согласно экспертным оценкам реализованы эти возможности будут около 2040 года. По другим оценкам 8 подводных лодок – это недостаточное число для защиты протяжённой береговой линии страны. То, что США решили поделиться такими технологиями – само по себе необычно, в последний раз подобное случалось в отношении Великобритании в 1950-е годы при подписании договора о взаимной обороне. Для реализации этого соглашения Австралия вышла из уже существующего соглашения с Францией о поставке атомных подводных лодок. Заключение AUKUS фактически означает, что под влиянием США Австралия окончательно отмежевывается от отношений с Китаем, который был её главным торговым партнёром с 2009 г. и стала своеобразным плацдармом США только для оказания военного влияния на Азию.

Следует заметить, что существующие австралийские субмарины были построены на рубеже XX и XXI веков. При этом опыта строительства атомных

подлодок, а также реакторов для них у страны нет. Поэтому скорее всего Австралия станет неким звеном в производственной цепочке этих реакторов. Кроме того, встаёт вопрос топлива для подлодок. В Австралии есть единственный ядерный реактор в Сиднее, использующийся для медицинских и научных целей. Поэтому вероятнее всего ядерное топливо Австралия будет закупать у США по примеру Великобритании. Одна из вероятных целей США при этом - расширить производство подлодок за пределы имеющихся у них возможностей, задействуя при этом союзников. Если план с созданием подлодок удастся, Австралия станет первым государством, не обладающим ядерным оружием, но имеющим атомные подлодки.

Будут ли подлодки нести ядерное вооружение, на момент написания работы неизвестно. Если подлодки всё же снабдят ядерным оружием, это станет явным нарушением ДНЯО со стороны Австралии, а также Договора Раротонга о зоне, свободной от ядерного оружия. Получение Австралией технологий изготовления атомных подлодок создаёт в регионе прецедент, которым может воспользоваться, например, Республика Корея, которая, также выражает желание иметь атомные подлодки, в дополнение к уже производящимся там строит дизель-электрическим подлодкам.

Следует отметить, что Новая Зеландия в 1987 году приняла закон, по которому в её воды не могут даже заходить суда с ядерными установками на борту. Однако в целом страна заявила, что готова присоединиться, особенно в части того, что касается сотрудничества в области кибербезопасности.

Китайская политика Дж. Байдена фактически продолжает линию администрации Трампа на соперничество с Китаем, а значит и мышление «игры с нулевой суммой». Основная разница состоит в том, что США при Байдене намного сильнее опираются на помощь союзников. Примером может служить как укрепление существующего формата Четвёрки, так и создание трёхстороннего блока АУКУС. Возможно одной из причин данного курса является стремление избежать критики со стороны республиканцев и части демократов и обвинений в

«мягкости» по отношению к Китаю. Существенным различием можно назвать стремление вовлечь Китай в решение глобальных проблем, таких как изменение климата. Кроме того, снизился тон критики непосредственно руководства КНР и Коммунистической партии Китая. Политика в отношении Тайваня также стала намного менее радикальной в плане выражения открытой поддержки его как суверенного государства, просматривается намерение не на словах, а на деле уважать принцип «одного Китая». Однако риторика в отношении сотрудничества с Китаем остаётся крайне ограниченной. Тема сотрудничества с Китаем по военной линии или по решению проблемы ядерной программы Северной Кореи практически не поднимается. Вопрос декаплинга или размежевания экономик не снят с повестки дня.

Выводы

Необходимо отметить, что главной целью обеспечения национальной безопасности США в XXI веке вне зависимости от пребывающей у власти администрации было поддержание первенства США в мире. При этом для достижения своих геополитических целей США в той или иной степени использовали своё военное превосходство. 11 сентября 2001 года произошёл террористический акт, имевший символический характер и продемонстрировавший уязвимое положение мирового гегемона. При администрации Б. Обамы внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка для США становится ещё менее благоприятной: происходит усиление Китая, в стране разворачивается внутривнутриполитический и экономический кризис, продолжаются войны в Ираке и Афганистане.

Курс на модернизацию вооружённых сил и сокращение затрат на поддержание своего присутствия в регионе претворялся в жизнь, как это и было прописано в доктринальных документах. Между администрациями сохранялась преемственность в вопросах направлений модернизации. Так, сокращение и оптимизация военных баз и личного состава, находящегося за рубежом, начались ещё до наступления всемирного финансово-экономического кризиса. Нарращивание

научноёмкости военного строительства стало неизменным трендом всех администраций, который США задали остальному миру, в том числе и Китаю. Модернизация затронула как системы вооружений, так и методы ведения боевых действий, и организацию вооружённых сил. Упор делался на возможности проецировать и поддерживать военную силу на дальних театрах военных действий с использованием информационных технологий, и обеспечением доступа к космическим возможностям и киберпространству. Сходством между подходами двух стран к военному строительству является нацеленность на современные, эффективные, мобильные, сокращённые по численности вооружённые силы, а также выстраивание взаимодействия между военным ведомством и гражданскими высокотехнологичными компаниями. На практике также отразилось обозначившееся в доктринальных документах противоречие между необходимостью модернизации вооружённых сил и необходимостью экономии средств. В итоге за отменой или откладыванием некоторых программ разработки и закупки вооружений следовало принятие новых, призванных решать похожие задачи. Кроме того, разные администрации по-разному приоритизировали необходимость наращивания военной силы в данный конкретный момент или же наращивание технологического потенциала для противостояния военным угрозам в будущем, что в англоязычных источниках называется “*capability vs capacity dilemma*”. Ответом на эти вызовы стала т.н. Третья стратегия компенсации – стратегия модернизации ВС США в условиях бюджетных ограничений, рассчитанная на асимметричные угрозы, значимость которых признавалась ранее в доктринальных документах. Приоритетами военной модернизации США стало развитие военно-воздушных сил, а также подводного и противолодочного потенциала, что актуально для наиболее вероятных сценариев военного противостояния с Китаем. «Третья стратегия компенсации» добавила к этому списку упор на развитие искусственного интеллекта, автономных систем и их взаимодействие с человеком. Кроме того, разрабатывались новые ориентированные на противостояние с Китаем концепции ведения боевых действий вроде «воздушно-морских операций», которые были широко

афишированы, но при детальном рассмотрении оказывались довольно поверхностными. Некоторые аспекты военного строительства США напрямую реагируют на тенденции развития вооружённых сил КНР, такие как усиление противокорабельного потенциала, увеличение и модернизация подводных лодок. В каких-то аспектах следуют попытки развивать те же сферы, что и Китай, чтобы не допустить паритета, например, это касается беспилотных аппаратов и крылатых ракет. При этом нужно отметить отсутствие адекватного ответа на ракетное преимущество КНР в акватории, прилегающей к юго-восточной части страны. При администрации Трампа пришло понимание того, что сокращение военного бюджета и упор по большей части на развитие асимметричных преимуществ ослабляет обороноспособность страны. Был взят курс на укрепление потенциала реагирования на симметричные угрозы, в том числе рост численности сухопутных войск и количества кораблей военно-морских сил, что свидетельствует о растущей готовности к крупномасштабным военным столкновениям. В течение всего рассматриваемого периода продолжалась модернизация ядерных сил. США стали изыскивать способы значительного наращивания оборонных расходов. Однако, несмотря на это, модернизация вооружённых сил продолжилась во всех прежде обозначенных направлениях, с одновременным ростом расходов на НИОКР.

Межпартийные противоречия в США значительно осложнили процесс обеспечения национальной безопасности, включая военное строительство. Таким образом, отсутствие настолько видимых внутривнутриполитических противоречий в КНР является её конкурентным преимуществом, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Кроме того, планам США по созданию выгодной для них геополитической обстановки в регионе стало заметно мешать растущее влияние Китая на страны региона.

Азиатско-Тихоокеанский регион с самого начала рассматриваемого периода находился в фокусе американской внешней и военной политики, однако не сразу занял ключевые позиции в повестке дня. Этому во многом способствовали внешние факторы, не дававшие США в достаточной степени сконцентрироваться на регионе. В течение первых двух десятилетий XXI века происходило перемещение

в АТР дополнительных военных подразделений из состава военно-морских, военно-воздушных сил и морской пехоты, а также средств разведки и элементов системы противоракетной обороны. Было увеличено финансирование военного сотрудничества со странами АТР, особенно при администрации Д. Трампа. Стратегия «разворота в Азию» фактически стала продолжением ранее существовавших планов перемещения в регион большего военного потенциала, что было начато ещё при администрации Дж. Буша. Идейным продолжением данной стратегии является концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Одной из целей оборонного сотрудничества США со своими союзниками стало усиление военного потенциала союзников и партнёров, что отражает стремление США переложить часть обязательств по обеспечению безопасности в АТР на сами страны региона. Изначально акцент делался на сотрудничестве с традиционными союзниками США, прежде всего, с Японией. Это особенно ярко проявилось в создании условий для развития и использования Сил самообороны Японии за рубежом. Кроме того, США ещё при администрации Дж. Буша-мл. начали выстраивание отношений между союзниками в групповом формате, что также говорит о намерении усилить взаимодействие между ними без непосредственного участия США. В этом контексте администрация Обамы, например, пыталась не только работать над милитаризацией Японии, но и над налаживанием её связей с другими союзниками. В схожем ключе проводилось налаживание военного сотрудничества с Австралией. Также Соединённые Штаты старались, где это возможно, сложить с себя риски втягивания в ненужный конфликт, что стало главной причиной передислокации американского контингента в Южной Корее. Американская военная политика в XXI веке отличалась укреплением оборонного и иного сотрудничества с Индией. Одной из его областей стала неоднозначная сфера гражданской ядерной энергетики, что является спорным моментом, учитывая военную ядерную программу Индии и её военное противостояние с Пакистаном и, в некоторых вопросах, с Китаем. Несмотря на значительные усилия США, Индия так и не превратилась в американского союзника, оставаясь в отношениях ограниченного партнёрства.

В целом, отношения с Индией оставались токсичным вопросом американо-китайских отношений ввиду военного, внешнеполитического и экономического усиления Индии, а также усиления её противоречий с КНР. Также можно отметить рост степени участия в делах АТР внерегиональных игроков.

Развитие отношений происходило со странами АСЕАН, в том числе с теми, которые являются соперниками Китая, например, с государствами Южно-Китайского моря. Сюда можно отнести укрепление отношений с бывшим военным противником – коммунистическим Вьетнамом, главным соперником Китая в ЮКМ. Резко активизировалось военное сотрудничество с Сингапуром, где были размещены американские военные корабли. Значительный прогресс был достигнут в отношениях с Филиппинами, в результате чего США (до избрания Р. Дутерте на пост президента) был предоставлен доступ к ряду военных объектов страны. Кроме того, была предпринята беспрецедентная попытка нормализации отношений с Мьянмой. В результате двойного давления со стороны Китая и США произошло своеобразное разделение АСЕАН по отношению к КНР. В результате этого процесса ещё в первом десятилетии XXI века произошла фактическая потеря Таиланда как союзника США. Кроме того, США постоянно наращивали сотрудничество с региональными форумами в АТР до конца пребывания у власти администрации Б. Обамы. Однако собственные региональные инициативы до «реанимации» формата «Четвёрки» при Д. Трампе успеха не имели. Несмотря на некоторые заявления официальных лиц США, неправильно было бы говорить, что США приоритизировали отношения с какой-либо страной или субрегионом АТР. Вместо этого, они стремились к обеспечению по возможности равномерного укрепления военно-политического влияния среди всех своих союзников и партнёров. Значимым исключением является, возможно, Республика Корея, отношения с которой в сфере безопасности не становились более интенсивными, за исключением сотрудничества в сфере противоракетной обороны, где кульминацией стало размещение на её территории системы THAAD. На этом фоне происходило заметное соперничество с Китаем за влияние на региональные международные форумы в регионе.

Другой целью наращивания военной мощи США в АТР было ограничение военного влияния КНР в регионе, чтобы «подстраховаться» на случай неудачи контроля над внешнеполитическим курсом Китая, о чём говорилось в американских доктринальных документах. Одним из ключевых компонентов такого сдерживания стало развитие в регионе противоракетной обороны США.

Представители руководства США, как и в доктринальных документах, часто призывали Китай вести себя как «ответственная заинтересованная сторона», то есть действовать в русле, которое не будет препятствовать достижению геополитических целей США в АТР.

Общей чертой всех администраций США XXI века, особенно республиканских, стала жёсткая риторика в отношении Китая на начальном этапе пребывания у власти, за которой следовала попытка сотрудничества с КНР. Это объясняется тесной экономической взаимозависимостью двух стран, а также необходимостью участия КНР в ряде международных вопросов. В частности, имело место плодотворное сотрудничество в области борьбы с терроризмом. Однако в этом случае Китай с самого начала настаивал на наличии веских оснований для осуществления агрессивных действий против каких-либо акторов. Контакты между лидерами двух стран и консультации на высшем уровне, в том числе по вопросам безопасности были налажены при всех президентах, в наименьшей степени при Дж. Байдене. С 2005 по 2019 г. в том или ином формате проходили регулярные стратегические диалоги, в результате чего был достигнут ряд договорённостей, в том числе о консультационных механизмах в области безопасности. При администрации Б. Обамы им была придана более чёткая и эффективная форма. Высшей точкой военного сотрудничества США и КНР стало участие последней в крупнейших военно-морских учениях под эгидой США – RIMPAC в 2014 и 2016 г. К концу 2010-х гг. происходит фактическое сворачивание военного сотрудничества.

Следует отметить, что некоторые потенциально опасные события в двухсторонних отношениях, несмотря на озабоченность со стороны Китая, почти

не оказали на них влияния. Китай в итоге либо не выражал протеста, либо шёл на уступки. В качестве примеров можно привести столкновение самолётов в воздухе в районе о. Хайнань, выход США из Договора по ПРО, начало военной операции против режима М. Каддафи в Ливии.

Одной из целей военно-политической стратегии США в АТР является недопущение военного доминирования Китая в западной части Тихого океана. Политика «разворота в Азию», нанёсшая ущерб двусторонним отношениям, на поверку оказывается фактическим продолжением предыдущего курса, только под более звучным названием. Если её провозглашение имело целью повлиять на Китай в нужном для США ключе, то результат получился ровно обратным. Схожий эффект – несвоевременного громкого заявления – имела концепция «воздушно-морских операций», при том, что США ещё до появления этой концепции признавали важность развития воздушного и морского компонентов вооружённых сил, а также координации между видами вооружённых сил, что видно из доктринальных документов. Ещё одна тенденция двусторонних отношений – снижение интенсивности военно-политического диалога с КНР после её пика при администрации Обамы. Обострилось и технологическое противостояние между двумя странами, основной сферой которого является гонка в области искусственного интеллекта, в том числе и в военной сфере.

Регулярные внешнеполитические кризисы происходили в связи с ситуацией вокруг Тайваня, связанные либо с внутритайваньскими событиями, либо с актами американо-тайваньского сотрудничества. Испытанием для американо-китайских отношений дважды становилось обострение ситуации в Тайваньском проливе, что было связано, прежде всего, с избранием во власть представителей Демократической прогрессивной партии Тайваня. Попытка администрации Буша воздействовать на Тайвань, фактически отстаивая национальные интересы Китая – одна из иллюстраций элемента «поощрения» со стороны США в попытке задать Китаю правильный внешнеполитический курс. Одновременно с этим, США не поступились своими обязательствами по предоставлению Тайваню средств защиты в случае нападения со стороны КНР. Из этих событий можно сделать вывод о том,

что несмотря на то, что США оказывают Тайваню военную помощь, они не стремятся к провоцированию конфликта с Китаем в Тайваньском проливе. Их беспокойство связано исключительно с физической безопасностью Тайваня и сохранением его автономии от КНР.

При администрации Трампа намечается усиление идеологического противостояния с КНР, включающего критику общественного строя противоположной стороны, «охоту на ведьм» и прочее. В частности, было заявлено, что Китай является проводником пагубного влияния внутри США. Эту тенденцию подхватывают союзники США в АТР и за его пределами, которые ещё с конца президентства Б. Обамы стали массово «отворачиваться» от Китая, принимать антикитайские законы, сворачивать некоторые виды сотрудничества, заявлять о китайской угрозе. В США же всё чаще стали говорить о сворачивании экономического сотрудничества с КНР, так как оно якобы приносит вреда больше, чем пользы. Несмотря на это, оно продолжается по сей день почти в прежних объёмах.

Одним из инструментов военного давления на Китай со стороны США стало проведение т.н. операций по защите свободы судоходства.

В целом, можно выделить несколько триггеров военного противостояния между США и КНР, самыми эффективными из которых в плане создания потенциальных угроз в краткосрочной перспективе являются Южно-Китайское море и действия в киберпространстве. Южно-Китайское море является зоной жизненно-важных интересов Китая, контроль над ситуацией в которой необходим США. В этом районе Китай имеет территориальные конфликты с целым рядом государств. Он же подвергается значительной милитаризации со стороны Китая. Обострение в его акватории не выгодно ни одной из сторон, однако в этом регионе велики риски обострения двусторонних отношений в военной сфере. Ещё одним потенциальным триггером является ситуация в киберпространстве, где великие державы занимаются не всегда законной деятельностью, при этом осуществить атрибуцию действий в киберпространстве довольно сложно. Наибольшим

источником проблем в двусторонних отношениях является сфера военно-технологического соперничества, которая возникла из-за того, что сотрудничество с развитыми в этой сфере странами помогло Китаю отстроить свой технологический потенциал, после чего он открыто перешёл к конкуренции. Кроме того, росту конфликтности способствует отсутствие сотрудничества между двумя странами в сфере контроля над вооружениями и ядерного нераспространения.

Главное преимущество Китая над США в АТР, на наш взгляд, состоит в том, что политика в отношении региона является лишь частью внешней и военной политики США в мире, в то время как Китай может сосредоточить там большую часть своих ресурсов. В американской внешнеполитической повестке дня постоянно присутствуют «отвлекающие факторы», такие как Ближний Восток, а с некоторых пор и Россия.

Заключение

1. Как российские, так и зарубежные эксперты отмечают, что уже со второй половины XX века в мире происходит перераспределение баланса сил между великими державами в сторону многополярности⁴⁶⁸. К концу века Китай подошёл с показателем ВВП в 2 раза уступающим американскому, однако занимал по этому показателю второе место в мире. Согласно прогнозам, в течение 2030-х – 2040-х годов КНР должен обойти США по этому показателю, взятому в реальном выражении⁴⁶⁹. Определяющим событием стал всемирный финансово-экономический кризис 2008-2009 годов, продемонстрировавший важность вмешательства государства в экономику. Китай, где это сделать намного легче, чем в западных странах, вышел из кризиса с гораздо меньшими издержками⁴⁷⁰. На сегодняшний день Китай находится на стадии качественных изменений своей экономической системы, что выражается, прежде всего, в повышении наукоёмкости его экономики, что оказывает прямое влияние на военную сферу. Экспертами отмечается, что современные прорывные технологии, такие как искусственный интеллект, особенно эффективны для получения асимметричного преимущества, в том числе и в военной области⁴⁷¹.

2. Несмотря на то, что Китай в официальных заявлениях и доктринальных документах декларирует, что не стремится к гегемонии и расширению сфер влияния, его действия говорят об обратном, что иллюстрируется как ростом военной мощи, так и геополитическими проектами, такими как «Один пояс – один путь». КНР является страной, обладающей видением желательного для себя мироустройства. Китай оказывает влияние на многие развивающиеся и развитые страны региона за счёт своих экономических связей, выстраивая контрактные обязательства с каждой страной на индивидуальной основе таким образом, чтобы связать экономические, политические и, в некоторых случаях, военные интересы

⁴⁶⁸ Приходько О.В. Меняющийся баланс сил в мире: американо-китайский контекст // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 8. С. 32.

⁴⁶⁹ Там же. С. 34.

⁴⁷⁰ Там же. С. 33.

⁴⁷¹ Там же. С. 39.

страны с интересами КНР, и тем самым укрепляет свои позиции в мире. За исключением стран, у которых есть к нему территориальные претензии, Китай старается не антагонизировать никакие государства и установить с ними отношения союзничества или подчинения. В орбиту интересов КНР вовлечены, в частности, многие союзники и партнёры США. Стоит отметить, что приоритетом Китая является не только выстраивание двусторонних отношений, но и оказание влияния на существующие международные институты, а также создание собственных.

3. Растущее влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет военное измерение. За счёт укрепления своего военного потенциала КНР удалось создать новые правила игры в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, и в спорных зонах и потенциальных очагах конфликта, в частности. Однако в его основе лежит не классическое стремление «проецировать силу», а стремление обеспечивать национальные интересы, которые связаны с поддержанием экономического роста. Кроме того, это входит и в интересы правящей элиты страны, легитимность которой также во многом проистекает из экономического роста. Помимо этого, китайские элиты хотят не только удержаться у власти, но и того, чтобы Китай занял достойное, по их мнению, место в мире и стал великой державой. Растущая военная мощь Китая позволяет ему добиваться результатов во внешнеполитической сфере. Особенно это касается западной части Тихого океана, где у КНР есть военное преимущество перед США. В Южно-Китайском море за счёт создания искусственных участков суши и строительства на них военных объектов Пекину удалось создать ситуацию, позволяющую на практическом уровне игнорировать любые действия других претендентов в спорных водах и выступать с сильных переговорных позиций. В случаях, когда военная безопасность Китая оказывается под угрозой (как в ситуации с размещением комплекса *THAAD* в Южной Корее), Китай не гнушается прибегать к жёстким пунитивным экономическим и политическим мерам, а также к открытой демонстрации силы.

По мнению учёных, по своей совокупной государственной мощи КНР в 2-3 раза сильнее, чем был Советский Союз на пике своего могущества, а также предпринимает бóльшие усилия для борьбы с американским доминированием в АТР, чем те, которые предпринимал И. Сталин в Европе⁴⁷². В связи с этим у многих наблюдателей складывается впечатление, что КНР и США находятся в состоянии «новой холодной войны». У такого мнения есть свои основания: серьёзный отрыв двух стран от остальных государств мира по экономической и военной мощи, разнонаправленность многих геополитических интересов, сильно различающиеся политические ценности⁴⁷³. Однако следует учитывать и существенные отличия нынешней и исторической ситуации, такие как глобализированность современного мира, развитость информационной инфраструктуры, отсутствие межблокового противостояния, так как у Китая нет военно-политических союзников в том смысле, в каком они есть у США⁴⁷⁴.

4. Отношения между Китаем и Тайванем имеют признаки крайне опасного военно-политического противостояния. В нём просматриваются явные параллели с преддверием украинского кризиса, начавшегося в феврале 2022 года. Главными участниками являются крупная и более мелкая державы, ранее бывшие частью одной страны, говорящие, большей частью, на одном языке, одна из которых является неформальным союзником США в сфере военной безопасности, другая не имеет прямых военных союзников и заявляет о притеснении своего суверенитета и несправедливости американоцентричного мира. Отношения между странами характеризуются сильной экономической взаимозависимостью, а потенциальная война влечёт за собой огромные риски, как внешне-, так и внутривнутриполитические. Китай в этой ситуации, обладая значительным ресурсным преимуществом над Тайванем, сталкивается с долгосрочными вызовами, такими как полномасштабное противостояние с США и замедление своего экономического роста. В настоящее время Китай не гнушается демонстрации силы и готовности к эскалации в виде

⁴⁷² Там же. С. 35, 36.

⁴⁷³ Труш С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 12. С. 49.

⁴⁷⁴ Там же. С. 49-51.

проведения интенсивных военных учений вблизи Тайваня. В результате происходит наращивание военного присутствия США и Китая в районе острова, а также рост числа военных учений в этой зоне со стороны не только КНР, но и США, и Японии. Это значительно повышает риск возникновения опасных военных инцидентов. В свою очередь, боевые действия на Украине, во-многом носящие асимметричный характер, служит для США источником ценного опыта, позволяющего скорректировать состав военной помощи Тайваню, включая поставки тех или иных систем вооружений и особенности подготовки личного состава тайваньских вооружённых сил. Поддержание мира в зоне Тайваньского пролива требует, прежде всего, диалога между главными игроками, такими как Китай, США и Япония.

4. Китай выражает готовность принимать на себя определённые военные риски, за исключением действий, которые могли бы привести к прямому конфликту с США. Однако в случае кризиса в Тайваньском проливе, некоторые действия Китая, предпринятые им в начале 2020-х годов, свидетельствует о демонстрации готовности к эскалации. На момент написания работы весьма затруднительно определённо сказать, готов ли Китай принять на себя военные, политические и экономические риски связанные с дальнейшим «повышением ставок». Ясно только, что подход КНР к Тайваню отличается от её подхода к остальным соседям в том, что в тайваньском проливе Китай проявляет гораздо меньшую готовность идти на уступки. Китай, как и США, стремится к контролю над ситуацией при наименьших издержках. Он пытается достичь паритета или превзойти США по большинству систем вооружений, включая новейшие. Наиболее значительный прогресс с начала XXI века был достигнут в таких системах вооружений, как баллистические ракеты, истребители и подводные лодки. В пользу КНР говорит тот факт, что потенциальный конфликт с США скорее всего будет иметь место вблизи территории Китая. Таким образом, чем ближе к территории Китая, тем сильнее его военное преимущество. Однако радиус эффективного действия китайских вооружённых сил пока ограничен. При всех достижениях модернизации вооружённых сил КНР, Соединённые Штаты пока

сохраняют технологическое преимущество перед всеми видами китайских систем вооружений.

В количественном отношении США обладают преимуществом перед Китаем в таких видах вооружений, как атомные подводные лодки, авианосцы, большие десантные корабли, новейшие истребители, самолёты морской разведки, ударные и тяжёлые транспортные вертолёты, самолёты-заправщики и т.д. Китай, в свою очередь, опережает США по количеству бомбардировщиков, ударных подводных лодок, баллистических и крылатых ракет средней и меньшей дальности наземного базирования, танков, артиллерийских систем и др.⁴⁷⁵. В таких областях, как беспилотные аппараты, средства ведения войны в космосе и киберпространстве Китай активно догоняет Соединённые Штаты. Однако неясно, как долго такое преимущество США будет сохраняться, так как это зависит от множества факторов. К тому же можно констатировать, что в начале XXI века Китай значительно подрвал возможности США использовать военную силу на расстоянии в западной части Тихого океана, а ведь такие возможности являются основой неядерной военной мощи США.

5. При администрации Дж. Буша-мл. Соединённые Штаты в своей военной и внешней политике руководствовались оставшимся со времён окончания холодной войны представлением о подавляющем преимуществе США в военном и экономическом отношении. Это позволяло, с определёнными оговорками, пользоваться как односторонними, так и превентивными методами. Китай ещё при администрации Буша-мл. воспринимался скорее не как развивающаяся, а как потенциальная великая держава, на формирование которой США могли оказать непосредственное влияние. По мере роста экономической и военной мощи Китая в американской стратегии безопасности стали нарастать элементы «подстраховки» на случай, если повлиять на формирование внешнеполитических приоритетов Китая не удастся, а также если Китай начнёт представлять реальную военную опасность. Такие события, как затяжные конфликты, в которые США оказались

⁴⁷⁵ Приходько О.В. Указ. соч. С. 40-41.

втянуты в ходе «войны против терроризма», а также финансово-экономический кризис 2008 г. пошатнули уверенность США в своём статусе «единственной сверхдержавы», и одновременно укрепили стремление Китая становиться одним из ведущих центров силы в мире. Администрация Обамы уже избегала вовлечения себя в крупномасштабные конфликты и использовала стратегию «лидерства из-за спины», что особенно проявилось в её действиях на Ближнем Востоке. При администрации Трампа стало понятно, что стратегия национальной безопасности, основанная на представлении о США как о единственной сверхдержаве, изжила себя. Такие страны, как Китай и Россия, являющиеся жёсткими внешнеполитическими оппонентами США, обладают мощными современными вооружёнными силами, в случае столкновения с которыми США не имели бы подавляющего преимущества ни в одной из сред, включая космос и киберпространство.

6. Тенденции военного строительства в США во многом связаны с противостоянием с КНР, однако определяющими факторами являются тенденции т.н. «революции в военном деле», развитие военных и гражданских технологий и методов ведения боевых действий. В развитии вооружённых сил США стремятся не реагировать, а действовать на опережение. В настоящее время Китай по многим параметрам сокращает разрыв, но действовать на опережение пока не в состоянии, так что в ближайшей перспективе направление военной модернизации США будет оставаться прежним. Преемственность курса нескольких администраций в развитии военного потенциала страны объясняется необходимостью обеспечения национальных интересов, одним из которых является поддержание доминирования США в мире посредством в том числе и военной мощи. Первостепенной важностью для военного строительства США является создание возможностей по противодействию ограничению доступа со стороны противника, причём изначально это не имело связи с Китаем. Достижение этой цели происходит с упором на высокие технологии и достижения «революции в военном деле». Вторым важнейшим элементом является обеспечение передового присутствия ВС США, что обуславливает развитие отношений с союзниками, многие из которых

являются соперниками или противниками КНР. За влияние на эти страны идёт борьба, причём не только в военной сфере. В этой связи необходимо отметить растущий приоритет военного взаимодействия США с Индией как возможным противовесом экономической и военной мощи КНР. При этом, как в американских доктринальных документах, так и на практике имеют место противоречия между необходимостью модернизации и необходимостью экономии, между развитием текущих военных возможностей и разработкой новых. Нужно отметить, что США сделали очень многое для того, чтобы оградить военную сферу от влияния финансового кризиса, что говорит о принципиальной важности для страны поддержания и развития передового военного потенциала. Чтобы снизить издержки своего передового присутствия, США стремятся вовлечь другие страны региона в поддержание статус-кво, в котором в АТР доминируют США и их союзники. Повышенные усилия по объединению союзников США против Китая объясняются и тем, что для противостояния с ним требуются скоординированные действия большого числа стран. Одновременно с этим можно констатировать, что степень участия США в региональных международных организациях в АТР падает, делается упор на объединения под их собственной эгидой.

7. По мере роста влияния Китая в АТР, укреплялось и представление о КНР как об угрозе безопасности США. К началу второго десятилетия XXI века приходится констатировать, что в исполнительной и законодательной власти США сложился антикитайский консенсус. Курс на сотрудничество с Китаем был признан американским руководством ошибочным. Это означает, что внешнеполитическое и военное сотрудничество сводится к минимуму, а экономическое сотрудничество исключается из публичного поля. Главная военная угроза, исходящая от Китая, в представлении США – потенциальное ограничение или враждебные действия в «общих пространствах»: на море, в воздухе, в космосе и киберпространстве. В настоящее время между Китаем и США развернулось полномасштабное военно-технологическое противостояние, связанное, прежде всего, со стремлением к военной модернизации приблизительно в одних и тех же сферах. Помимо военного измерения, соперничество между КНР и США носит комплексный характер, в

котором есть полноценный экономический и идеологический элементы. Для американской политики в отношении Китая характерно сочетание жёсткой риторики с попытками сотрудничества, некоторые из которых были довольно плодотворными. В ряде чреватых опасными кризисами случаев Китай и США проявляли стремление к взаимопониманию.

Одним из основных поводов обострения отношений между США и КНР стало усиление активности обеих стран в Западной части Тихого океана – регионе, который оба государства считают жизненно важным. Соединённые Штаты дали этому курсу наименование «разворота в Азию», КНР – «китайская мечта» и некоторые другие. Подобная декларативная «обёртка» способствовала усилению обеспокоенности другой стороны, хотя необязательно означала кардинальную смену курса в отношении АТР. Эти стратегии вовлечения имеют не только военное, но и экономическое и дипломатическое измерение. Что касается политики «сдерживания» Китая со стороны США, в итоге она сподвигла Китай на более агрессивные действия, что, в свою очередь, снизило вероятность сотрудничества между двумя странами и тем самым нанесло ущерб интересам США в регионе.

8. Несмотря на то, что между США и Китаем существует значительный потенциал для сотрудничества, ни одно из направлений не является однозначно потенциально успешным. Сотрудничество в сфере денуклеаризации Северной Кореи омрачено тем, что КНДР является военным и идеологическим союзником Китая; взаимодействие в сфере борьбы с изменением климата – тем, что Китай является страной, производящей наибольшее количество загрязняющих веществ; борьба с распространением ОМУ – с историей вовлечённости самого Китая в этот процесс. В то же время, факторы, способствующие росту конфликтности, такие как рост торгово-экономического, технологического и военного потенциала Китая, отсутствие прозрачности в китайском военном строительстве, проблема нарушения прав человека, поддержка неудобных США режимов со стороны КНР, проблема Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, несут в себе весьма серьёзные и однозначные основания для соперничества.

9. Согласно воззрениям школы политического реализма, Соединённые Штаты не могут позволить Китаю стать гегемоном в Восточной Азии и западной части Тихого океана, не поставив под удар своё глобальное лидерство. Поэтому одна из целей США – не допустить, чтобы какое-либо государство стало настолько сильным, чтобы ограничивать их жизненно важные интересы. Также ни одно государство не должно доминировать в каком-либо из важнейших регионов мира. Азия – один из самых важных регионов, в котором в ближайшее время будет сосредоточено до 50% мирового ВВП. Крупнейшей страной в этом регионе является Китай. Поэтому главным приоритетом внешней политики США должно стать недопущение региональной гегемонии Китая в АТР. В то же время, Китаю, обладающему значительной военной и экономической мощью, всё труднее смириться со своей второстепенной ролью в регионе, который он считает своим «задним двором». При этом Соединённые Штаты, по выражению Г. Киссинджера, уже неспособны поддерживать «психологическое и материальное преимущество» для обеспечения своей лидирующей роли, каковой она была после окончания холодной войны⁴⁷⁶. Необходимо отметить, что США не обладают достаточным количеством ресурсов, чтобы полноценно отвечать на все вызовы, которые стоят перед ними в одиночку, так как зона потенциального соперничества находится на значительном удалении от США. Для этого им необходимо создать региональную коалицию, которая будет в совокупности сильнее Китая. Четвёрка и АУКУС являются составными частями такой коалиции. Учитывая анархический характер международных отношений, сложно представить себе, что держава-гегемон и догоняющая её держава, имеющие различные национальные интересы, разное видение мироустройства и различные политические системы, будут доверять друг другу. Однако в сложившихся обстоятельствах они могут обозначить элементы двусторонних отношений, вызывающие разногласия, и выработать механизмы урегулирования спорных вопросов, а также определить сферы взаимовыгодного сотрудничества и работать в этом направлении. В текущих условиях отношения

⁴⁷⁶ Terhalle, M. Containment's deceit: why the United States needs to review its China strategy // International Politics. 2020. No. 57. P. 81.

между США и Китаем осложняются тем, что количество и острота спорных моментов в двусторонних отношениях в последние годы только увеличиваются, а элементы диалога и сотрудничества пробуксовывают.

10. В целом можно выделить несколько триггеров военного противостояния между США и КНР, самыми эффективными из которых в плане создания потенциальных угроз в краткосрочной перспективе являются Южно-Китайское море и сфера киберпространства. Южно-Китайское море является зоной жизненно-важных интересов Китая, контроль над ситуацией в которой необходим США. Обострение в этой акватории не выгодно ни одной из сторон, однако этот регион крайне чреват эскалацией двусторонних отношений в военной сфере. Ещё одним потенциальным триггером является ситуация в киберпространстве, где великие державы занимаются не всегда законной деятельности, при этом осуществить атрибуцию действий в киберпространстве довольно сложно. Наибольшим источником проблем в двусторонних отношениях является сфера военно-технологического соперничества, которая возникла из-за того, что сотрудничество с развитыми в этой сфере странами помогло Китаю отстроить свой технологический потенциал, после чего он открыто перешёл к конкуренции. Крайне важное значение для двустороннего военного противостояния приобретают тенденции в ядерной сфере: модернизация ядерного арсенала двух стран, предположительное наращивание численности ядерных боеприпасов со стороны КНР, развитие региональной ПРО США. Всё это накладывается на кризис контроля над вооружениями в мире.

11. В настоящее время военная политика Китая в АТР имеет ряд преимуществ над американской военной политикой. Преимуществом КНР перед США в военном строительстве является наличие элементов командной экономики и государственного контроля, а также более низкие затраты на военное строительство при примерно равных результатах. Главное же преимущество Китая над США в АТР, на наш взгляд, состоит в том, что политика в отношении региона является лишь частью внешней и военной политики США в мире, в то время как Китай может сосредоточить там большую часть своих ресурсов. В американской

внешнеполитической повестке дня постоянно присутствуют «отвлекающие факторы», такие как Ближний Восток, а с некоторых пор и Россия.

12. Политика Соединённых Штатов в отношении Китая говорит о том, что США пока полноценно не воспринимают идею полицентричного мира и не готовы мириться с Китаем как с державой, на равных конкурирующей с США. На противостояние с Китаем настроены в той или иной степени представители всех элитных групп официального Вашингтона. Поэтому политика сдерживания Китая останется основной чертой как внешней, так и военной политики США в среднесрочной перспективе. Одним из элементов экономической политики Соединённых Штатов останется ограничение доступа Китая к военным технологиям.

13. В связи с вышесказанным можно сделать ряд прогнозов развития ситуации в отношениях между США и Китаем в области безопасности.

Если говорить о влиянии американо-китайских отношений на миропорядок, автор разделяет точку зрения экспертов, считающих, что возникнет некое сочетание американо-китайской биполярности в качестве его основы и полицентричности на периферии⁴⁷⁷.

Логично будет предположить, что Китай и дальше будет оказывать сопротивление тому, что он считает установлением недружественного ему военного, экономического и дипломатического порядка в АТР во главе с США. Большой объём людских, экономических и военных ресурсов имеющихся в распоряжении КНР заставляет предположить реальную возможность того, что ей удастся стать региональным гегемоном. Партнёры США в АТР, в особенности страны Юго-Восточной Азии, таким образом находятся в нерешительности относительно своего дальнейшего внешнеполитического курса. Это сподвигает союзников США, таких как Япония, Республика Корея и Австралия более тесно взаимодействовать не только с США, но и друг с другом, что ведёт к укреплению существующих и созданию новых форм взаимодействия, в том числе и в военной

⁴⁷⁷ Приходько О.В. Указ. соч. С. 44.

сфере. Всё большее значение будет приобретать Индия – страна, имеющая тесные связи как с США, так и с другими центрами силы в регионе и за его пределами. В то же время Китай будет испытывать всё возрастающее давление со стороны США и их союзников в области безопасности.

Скорее всего военное строительство США в тех аспектах, которые оказывают непосредственное воздействие на Китай, будет включать в себя упор на модернизацию военно-морских и военно-воздушных сил США, а также морской пехоты в плане их технического оснащения и тактики их применения; дальнейшее развитие и повышение роли космического компонента ведения боевых действий; развитие высокоточных систем дальнего радиуса действия и кибернетического потенциала. Подразделения ВС США в регионе станут более мобильными и менее привязанными к конкретным районам базирования.

Представляется вероятным более активное включение в дела АТР союзников США по НАТО, таких как Великобритания и Франция, а также более тесная координация действий вооружённых сил США и их союзников, включая Японию, Австралию, Южную Корею и в меньшей степени Индию, Сингапур и Вьетнам.

Начало военного конфликта в нынешних условиях представляется маловероятным за исключением случаев открытой военной агрессии Китая против Тайваня, Японии или государств, имеющих территориальные претензии в Южно-Китайском море. Наиболее опасной конфликтогенной зоной в двусторонних отношениях остаётся Тайваньский пролив. При этом прямое военное вторжение на Тайвань при помощи десантной операции остаётся наименее вероятным сценарием по сравнению с использованием КНР инструментов экономического, политического и военного принуждения, например, морской блокады острова. Вероятнее всего, китайские вооружённые силы продолжают проводить операции вблизи Тайваня с целью оспорить претензии последнего на отдельное от Китая воздушное пространство и территориальные воды. Высоким остаётся риск военных инцидентов, связанных с неверной интерпретацией потенциальными противниками действий друг друга. Ответ США на возможные агрессивные

действия Китая, в том числе в отношении Тайваня, скорее всего будет иметь асимметричный характер, поскольку прямое военное столкновение приведёт прежде всего к большим потерям со стороны США, а также опасности ядерной эскалации конфликта. Во многом дальнейшее развитие кризиса в Тайваньском проливе будет определяться позицией государств, находящихся как в АТР, так и за его пределами. На момент написания работы формирование «антикитайской коалиции» в защиту Тайваня представляется менее вероятным, нежели формирование «антироссийской коалиции» в связи с событиями на Украине.

В своей работе «О Китае» Генри Киссинджер приходит к выводу о том, что холодная война между США и Китаем повлечёт за собой крайне негативные последствия для мирового прогресса и приведёт к разладу во внутренней политике в странах во всех регионах мира в тот период, когда решение глобальных проблем требует сотрудничества ведущих держав. Конфронтация с США крайне невыгодна Китаю, о чём пишет и Киссинджер: «Страна, перед которой стоят такие масштабные внутренние вызовы, не собирается легко, а тем более автоматически бросаться в состояние стратегической конфронтации или в погоню за мировым господством»⁴⁷⁸. Он выстраивает параллели между Китаем и набирающей силу Германией перед Первой мировой войной, но замечает: «Даже самая точная аналогия не обязывает нынешнее поколение повторять ошибки своих предшественников»⁴⁷⁹. Выходом из положения эксперт считает коэволюцию двух стран. Это ситуация, при которой «обе страны преследуют свои внутренние императивы, сотрудничая там, где это возможно, и корректируют свои отношения с тем, чтобы свести к минимуму вероятность конфликта. Ни одна из сторон не одобряет все цели другой стороны и не надеется на полное совпадение интересов, но обе стороны стремятся выявить и развить взаимодополняющие интересы»⁴⁸⁰. Согласившись с автором в этих вопросах, заметим, однако, что, как было показано в работе, для этого сторонам предстоит пройти длинный путь и преодолеть такие

⁴⁷⁸ Kissinger H. Op. cit. P. 525

⁴⁷⁹ Kissinger H. Op. cit. P. 522.

⁴⁸⁰ Kissinger H. Op. cit. P. 526.

препятствия, как чрезмерные геополитические амбиции и гипертрофированную уверенность в собственных силах, страх за собственную безопасность, давление со стороны внешних обстоятельств и внутренних сторонников «жёсткой линии» в отношении другой стороны, а также взаимное стратегическое непонимание.

Список принятых сокращений

- АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
- АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
- АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)
- БГУ – быстрый глобальный удар
- БИУС – боевая информационно-управляющая система
- БПЛА – беспилотный летательный аппарат
- БРПЛ – баллистическая ракета подводной лодки
- БУК – Бюджетное управление Конгресса
- МБР – межконтинентальная баллистическая ракета
- МО – министерство обороны
- НОАК – Народно-освободительная армия Китая
- ОКНШ Комитет начальников штабов США
- ОМУ – оружие массового уничтожения
- ПЛАРБ – подводная лодка атомная с ракетами баллистическими
- ПРО ТВД – противоракетная оборона театра военных действий РГЧ ИН – разделяющиеся головные части индивидуального наведения
- РЛС – радиолокационная станция РУМО
- СНБ – Стратегия национальной безопасности
- СПРН – Система предупреждения о ракетном нападении
- ТВД – театр военных действий
- ЦВС – Центральный военный совет
- ЮКМ – Южно-Китайское море
- A2AD – Anti-Access and Area Denial (ограничение доступа/блокирование зоны)
- APSD – Asia Pacific Security Dialogue (Диалог по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе)
- AUKUS – акроним, образованный по составу участников Australia, United Kingdom, United States
- CAFTA – China-ASEAN Free Trade Area

DARPA – Defense Advanced Research Projects Agency

DFE – Dynamic Force Employment

DME – Disaster Management Exchange

DPCT – Defense Policy Coordination Talks (Переговоры по вопросам координации оборонной политики)

HIMARS – High Mobility Artillery Rocket System

LRSO – Long Range Stand Off missile

MMCA – Military Maritime Consultative Agreement (Соглашение о консультациях по военно-морским вопросам)

NDAA – The National Defense Authorization Act (Закон об оборонных ассигнованиях)

SCO – Strategic Capabilities Office

THAAD – Terminal High Altitude Area Defense

Список источников и литературы

Законодательные акты США, Китая и России, и материалы Конгресса США

1. Закон о предотвращении раскола страны // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 04.04.2005. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/rus/ztbd/lianghui/sanjierendashicihuiyi/t190090.htm> (20.08.2022)
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (26.08.2022)
3. China's Ballistic Missile Threat. Congressional Record Vol. 148, No. 148. November 15, 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-148/extensions-of-remarks-section/article/E2061-4?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=20> (15.08.2022)
4. China's Military Expansion. Congressional Record Vol. 148, No. 29. March 14, 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-29/extensions-of-remarks-section/article/E355-3?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=2> (15.08.2022)
5. China's Military Policy. Congressional Record Vol. 147, No. 45. March 30, 2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-147/issue-45/senate-section/article/S3208-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=3> (15.08.2022)
6. Chinese Military's Use of Foreign Technology. Congressional Record Vol. 148, No. 5. January 29, 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-148/issue-5/senate->

[section/article/S227-](#)

[1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=5](#) (15.08.2022)

7. H.Con.Res.121 - Expressing the sense of Congress that the United States Government should conduct a policy review of its relations with the People's Republic of China. 107th Congress (2001-2002) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-concurrent-resolution/121?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=8&r=15> (16.08.2022)

8. H.Con.Res.121 - Recognizing the People's Republic of China as the greatest foreign threat to United States peace, security, and stability. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-concurrent-resolution/121?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=19> (16.08.2022)

9. H.Con.Res.440 - Expressing the sense of Congress that the United States should resume normal diplomatic relations with the Republic of China on Taiwan, and for other purposes. 108th Congress (2003-2004) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-concurrent-resolution/440?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=3&r=3> (16.08.2022)

10. H.R.2479 - Assessing China's Presence and Influence in Latin America and the Caribbean Act of 2021. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2479?r=32&s=1> (17.08.2022)

11. H.R.3524 - EAGLE Act. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3524?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=44> (16.08.2022)

12. H.R.6010 - To require an unclassified interagency report on the political influence operations of the Chinese Government and Communist Party with respect to the United States, and for other purposes. 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/6010?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=8> (16.08.2022)

13. H.R.6386 - No CHINA Act. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6386?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=21> (16.08.2022)

14. H.Res.223 - Calling on the People's Republic of China (PRC) to cease its retaliatory measures against the Republic of Korea in response to the deployment of the U.S. Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) to U.S. Forces Korea (USFK), and for other purposes. 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-resolution/223?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=11> (16.08.2022)

15. H.Res.356 - Urging the European Union and its member states to maintain the arms embargo against the People's Republic of China. 112th Congress (2011-2012) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-resolution/356?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=9&r=6> (16.08.2022)

16. H.Res.616 - Expressing the sense of the House of Representatives regarding United States relations with the People's Republic of China. 112th Congress (2011-2012) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-resolution/616?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=9&r=5> (16.08.2022)

17. H.Res.643 - Calling for further defense against the People's Republic of China's state-sponsored cyber-enabled theft of trade secrets, including by the People's Liberation Army. 113th Congress (2013-2014) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-resolution/643?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=3&r=7> (16.08.2022)
18. McCauley K. Modernization of PLA Logistics: Joint Logistic Support Force. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. February 15, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.uscc.gov/sites/default/files/McCauley_Written%20Testimony.pdf (13.09.2018)
19. S.1634 - South China Sea and East China Sea Sanctions Act of 2019. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1634?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=5> (16.08.2022)
20. S.2171 - A bill to prohibit Presidential appointees from subsequently acting on behalf of the Government of the People's Republic of China, the Chinese Communist Party, and Chinese military companies. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/2171?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=1> (16.08.2022)
21. S.3010 - U.S.-China Nuclear Cooperation and Nonproliferation Act of 2016. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/3010> (16.08.2022)
22. S.3171 - Countering the Chinese Government and Communist Party's Political Influence Operations Act. 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3171?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=7> (16.08.2022)

23. S.3509 - South China Sea and East China Sea Sanctions Act of 2016. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/3509?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=1> (16.08.2022)

24. S.3844 - A bill to require a study conducted by the Secretary of State on the future of arms control with the People's Republic of China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3844?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=9> (16.08.2022)

25. S.3844 - A bill to require a study conducted by the Secretary of State on the future of arms control with the People's Republic of China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3844/committees?r=27&s=1> (17.08.2022)

26. S.4256 - No Funds to China's Military Act of 2020. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/4256?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=3> (16.08.2022)

27. S.659 - South China Sea and East China Sea Sanctions Act of 2017 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/659?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=6&r=1> (16.08.2022)

28. S.Res.103 - A resolution condemning military aggression and use of force by the Chinese Coast Guard against peaceful foreign vessels that purportedly violate the unlawful maritime sovereignty of China. 117th Congress (2021-2022) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate->

[resolution/103?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=2](https://www.congress.gov/bill/103?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=2) (16.08.2022)

29. S.Res.183 - A resolution calling for suspension of construction of artificial land formations on islands, reefs, shoals, and other features of the Spratly Islands and for a peaceful and multilateral resolution to the South China Sea territorial dispute. 114th Congress (2015-2016) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-resolution/183?s=1&r=7> (17.08.2022)

30. S.Res.220 - A resolution to express the concern of the Senate regarding the passage of the anti-secession law by the National People's Congress of the People's Republic of China and Taiwan on an equal footing without preconditions. 109th Congress (2005-2006) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-resolution/220?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=4&r=6> (16.08.2022)

31. S.Res.228 - A resolution supporting measures taken by the Government of Taiwan to deter, or if so compelled, defeat, aggression by the Government of the People's Republic of China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/228?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=23> (16.08.2022)

32. S.Res.680 - A resolution condemning the People's Republic of China's use of military aggression to change the status quo at the Line of Actual Control between India and China. 116th Congress (2019-2020) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/680?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=2&r=1> (16.08.2022)

33. Statement of William Kristol. The Taiwan Relations Act: the Next Twenty-Five Years. Hearing before the Committee on International Relations, House of Representatives, Washington DC, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа:

http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa93229.000/hfa93229_0f.htm

(20.08.2022)

34. The Case for a Special Relationship with China. Congressional Record Vol. 150, No. 76. June 3, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-150/issue-76/house-section/article/H3773-3?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=3&r=7> (15.08.2022)

35. United States-China Relations. Congressional Record Vol. 147, No. 98. July 16, 2001 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/volume-147/issue-98/senate-section/article/S7713-1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22China+military%22%2C%22China%22%2C%22military%22%5D%7D&s=1&r=19> (15.08.2022)

Иные официальные и доктринальные документы

1. 2019 Missile Defense Review. Department of Defense. January 2019. XVIII P. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (26.08.2022)

2. A National Security Strategy For A New Century. The White House. December 2000. 84 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf?ver=vuulvGIkFVV1HusDPL21Aw%3D%3D> (26.08.2022)

3. America's Future in Asia. Remarks by Susan E. Rice, National Security Advisor to President Barack Obama, November 20, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://china.usc.edu/susan-e-rice-americas-future-asia-november-20-2013> (26.08.2022)

4. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019. Washington DC: Office of the Secretary of Defense,

2019. 123 Р. [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (10.08.2020)

5. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018. Office of the Secretary of Defense, 2018. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (22.10.2021)

6. Annual Report to Congress: Military Power of the People's Republic of China 2007. Washington DC: Office of the Secretary of Defense. 42 p.

7. Annual Report to Congress: The Military Power of the People's Republic of China 2005. Washington DC: Department of Defense, 2005. 45 p.

8. AUSMIN Joint Communique 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/geo/united-states-of-america/ausmin/Pages/ausmin-joint-communique-2012> (27.08.2022)

9. China's Military Strategy (2015). The State Council Information Office of the People's Republic of China, May 2015. Р. 9 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://jamestown.org/wp-content/uploads/2016/07/China's-Military-Strategy-2015.pdf> (22.10.2019)

10. Daily Press Briefing by Victoria Nuland, Spokesperson for the US Department of State, July 24, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2012/07/195425.htm#CHINA> (27.08.2022)

11. Framework for the US-India Defense Relationship. June 3, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015-Defense-Framework.pdf> (27.08.2022)

12. FY04 Report to Congress on PRC Military Power Pursuant to the FY2000 National Defense Authorization Act. Washington DC: Department of Defense, 2004. 54 p.

13. Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. February 2022. 19 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (26.08.2022)
14. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. Department of Defense. June 1, 2019. 55 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (26.08.2022)
15. Interim National Security Strategic Guidance. Washington DC: The White House, 2021. 23 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (26.08.2022)
16. Interim National Security Strategic Guidance. Washington DC: The White House, 2021. 23 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (26.08.2022).
17. Joint Statement by President George W. Bush and Prime Minister Junichiro Koizumi of Japan: The Japan-U.S. Alliance of the New Century. June 29, 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2006-book1/pdf/PPP-2006-book1-doc-pg1239.pdf> (15.02.2021)
18. Joint Statement of the Security Consultative Committee Toward a More Robust Alliance and Greater Shared Responsibilities, October 3, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/files/000016028.pdf> (27.08.2022)
19. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China: Annual Report to Congress. Washington DC, Office of the Secretary of Defense, 2021. 173 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF> (26.08.2022)
20. National Defense Strategy of the United States of America. Department of Defense, March 2005. P. 2-3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=452255> (26.08.2022)

21. National Military Strategy of the United States of America 2004. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow. Department of Defense, 2004. P. VIII. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=446695> (26.08.2022)
22. National Security Strategy of the United States of America. The White House. December 2017. 56 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (26.08.2022)
23. National Security Strategy. The White House. February 2015. 29 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2015.pdf?ver=TJJ2QfM0McCqL-pNtKHtVQ%3d%3d> (26.08.2022)
24. Nuclear Posture Review. Department of Defense. February 2018. 75 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (26.08.2022)
25. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. February 6, 2006. 92 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=459870> (26.08.2022)
26. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. February 2010. 105 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=29786> (26.08.2022)
27. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. March 2014. 64 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2014.pdf?ver=tXH94SVvSQLVw-ENZ-a2pQ%3d%3d> (26.08.2022)
28. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense. September 2001. 71 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2001.pdf?ver=AFts7axkH2zWUHncRd8yUg%3d%3d> (26.08.2022)

29. Remarks by Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs, April 21, 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/p/eap/rls/rm/2016/04/256819.htm> (27.08.2022)
30. Remarks by George W. Bush. A Period of Consequences. The Citadel, South Carolina. September 23, 1999 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www3.citadel.edu/pao/addresses/pres_bush.html (13.04.2021)
31. Remarks by National Security Advisor Steve Hadley to the National Bureau of Asian Research Strategic Asia Forum. April 5, 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/04/20060405-11.html> (20.09.2021)
32. Remarks by President Barack Obama at Suntory Hall. The White House, November 14, 2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall> (20.08.2022)
33. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting. June 08, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (07.03.2022)
34. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting. The White House, June 08, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (26.08.2022)
35. Remarks By Tom Donilon, National Security Advisor to the President: The United States and the Asia-Pacific in 2013, March 11, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon-national-security-advisor-president-united-states-an> (27.08.2022)
36. Remarks by Vice President Pence at the Frederic V. Malek Memorial Lecture, October 24, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://vn.usembassy.gov/remarks-by-vice-president-pence-at-the-frederic-v-malek-memorial-lecture/> (26.08.2022)

37. Remarks with Australian Foreign Minister Alexander Downer After Their Meeting. Secretary Condoleezza Rice. Washington DC, May 4, 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/45632.htm> (10.07.2018)

38. Report to Congress Pursuant to the FY2000 National Defense Authorization Act: Annual Report on the Military Power of the People's Republic of China. Washington DC: Department of Defense, 2002. 56 P.

39. Rice C. Our Asia Strategy. Washington, DC, October 24, 2003 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2003/25606.htm> (26.08.2022)

40. Statements by Secretary of State John Kerry and Secretary of Defense Chuck Hagel on the East China Sea Air Defense Identification Zone. Department of State, November 23, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.andrewerickson.com/2013/11/statements-by-secretary-of-state-john-kerry-and-secretary-of-defense-chuck-hagel-on-the-east-china-sea-air-defense-identification-zone/> (27.08.2022)

41. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Department of Defense. January 2018. 11 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.hsdl.org/?view&did=807329> (26.08.2022)

42. Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century defense. Defense Strategic Guidance. Department of Defense. January 2012. P. 4-5. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/defense_guidance-201201.pdf (26.08.2022)

43. The 4th Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia (CICA) Summit Held in Shanghai Xi Jinping Presides over the Summit and Delivers Important Speech, Advocating Common, Comprehensive, Cooperative and Sustainable

Security in Asia for New Progress in Security Cooperation of Asia. The Embassy of the People's Republic of China. 21.05.2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cenz//eng/ztbd/yxhfh/t1162057.htm> (03.08.2020)

44. The Asia-Pacific Maritime Security Strategy: Achieving U.S. National Security Objectives in a Changing Environment. Department of Defense. August 2015. 35 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (26.08.2022)

45. The National Security Strategy of the United States of America. The White House. September 2002. P. 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (26.08.2022)

46. The National Security Strategy of the United States of America. The White House. March 2006. 49 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CMI8yHpX4x6IA%3d%3d> (26.08.2022)

47. Trilateral Strategic Dialogue. Joint Statement. Australia-Japan-United States. Sydney, March 18, 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0603-2.html> (11.07.2018)

48. U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. The White House, 2021. 10 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (25.01.2021)

49. U.S.-China Strategic and Economic Dialogue Outcomes of the Strategic Track. Department of State, July 12, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/07/211861.htm> (26.08.2022)

50. Zoellick R. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S.-China Relations. National Committee on U.S.-China Relations, September 21, 2005 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm> (26.08.2022)

51. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (05.10.2018)

Публикации в средствах массовой информации

1. A 'Great Wall of Sand' in the South China Sea // The Washington Post, April 8, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/a-great-wall-of-sand/2015/04/08/d23adb3e-dd6a-11e4-be40-566e2653afe5_story.html (27.08.2022)

2. Albert E. China Retaliates With More Restrictions on US Media // The Diplomat, October 27, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/10/china-retaliates-with-more-restrictions-on-us-media/> (27.08.2022)

3. ASEAN Overtakes EU to Become China's Top Trading Partner in Q1 2020 // ASEAN Briefing, May 15, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aseanbriefing.com/news/asean-overtakes-eu-become-chinas-top-trading-partner-q1-2020/> (12.03.2022)

4. Biden Announces DOD China Task Force // U.S. Department of Defense. February 10, 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2500271/biden-announces-dod-china-task-force/> (27.08.2022)

5. Bush Makes Clinton's China Policy an Issue // The Washington Post, August 20, 1999. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/campaigns/wh2000/stories/chiwan082099.htm> (20.08.2022).

6. Bush Outlines Arms Control And Missile Defense Plans // Arms Control Association, June 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.armscontrol.org/act/2000-06/news/bush-outlines-arms-control-missile-defense-plans> (20.08.2022).

7. Can we trust China's promise to stop engaging in cyberwarfare? // The Washington Post, September 29, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/moving-chinas-cyberespionage-pledge-from-mere-words-to-action/2015/09/29/0f73ae96-661d-11e5-9223-70cb36460919_story.html (27.08.2022)
8. China completes registration of 8,000-strong UN peacekeeping force, defence ministry says // South China Morning Post, September 29, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2113436/china-completes-registration-8000-strong-un> (09.10.2018)
9. Cooper H. U.S. Approval of Taiwan Arms Sales Angers China // The New York Times, January 29, 2010 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2010/01/30/world/asia/30arms.html> (27.08.2022)
10. Former Prime Minister Shinzo Abe says Japan and the U.S. could not stand by if China attacked Taiwan // CNBC. November 30, 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/12/01/japan-us-could-not-stand-by-if-china-attacked-taiwan-shinzo-abe-.html> (05.10.2022)
11. Grant R. The Silicon Offset // Air Force Magazine, February 24, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.airforcemag.com/article/the-silicon-offset/> (20.08.2022)
12. Hicks: DoD Budget Designed to Deter Chinese Aggression; Pentagon Issues New China Policy Directive // USNI News, June 9, 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://news.usni.org/2021/06/09/hicks-dod-budget-designed-to-deter-chinese-aggression-pentagon-issues-new-china-policy-directive> (27.08.2022)
13. Japan builds an island 'wall' to counter China's intensifying military, territorial incursions [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/japan-builds-an-island-wall-to-counter-chinas-intensifying-military-territorial-incursions/2019/08/20/802bc282-ae11-11e9-9411-a608f9d0c2d3_story.html (21.03.2022)
14. Joe Biden again says US forces would defend Taiwan from Chinese attack // [Электронный ресурс] Режим

доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/19/joe-biden-repeats-claim-that-us-forces-would-defend-taiwan-if-china-attacked> (05.10.2022)

15. Middle Powers Step Up in Asia // China-US Focus, October 24, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/middle-powers-step-up-in-asia> (01.12.2020)

16. Obama: Cut \$400B from security // Politico, April 13, 2011 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.politico.com/story/2011/04/obama-cut-400b-from-security-053159> (26.08.2022)

17. O'Brien R. Trump will continue to punish China for its horrifying anti-Uighur campaign // The Washington Post, July 12, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/opinions/trump-will-continue-to-punish-china-for-its-horrifying-anti-uighur-campaign/2020/07/12/cfa5870a-c2f9-11ea-9fdd-b7ac6b051dc8_story.html (26.08.2022)

18. President Outlines Overseas Troop Cut // The Washington Post, August 17, 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/08/17/president-outlines-overseas-troop-cut/cf3aed42-af09-4a9d-b20d-06d1d33b10b6/> (18.05.2021)

19. South China Sea covered by PH-U.S. Mutual Defense Treaty – Pompeo // Rappler, March 1, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rappler.com/nation/pompeo-says-south-china-sea-covered-philippines-us-mutual-defense-treaty> (07.12.2020)

20. The Air Force has stopped its Continuous Bomber Presence mission in Guam // Air Force Times, April 21, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.airforcetimes.com/news/your-air-force/2020/04/21/the-air-force-has-stopped-its-continuous-bomber-presence-mission-in-guam/> (21.12.2020)

21. Troubled Waters: Where the U.S. and China Could Clash in the South China Sea // Bloomberg, December 17, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-south-china-sea-miscalculation/> (14.01.2021)

22. Trump Budget Cuts Defense S&T by 5.8% While Funding Third Offset Priorities [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aip.org/fyi/2017/trump-budget-cuts-defense-st-58-while-funding-third-offset-priorities> (20.08.2017)
23. Trump national security adviser compares Xi Jinping to Josef Stalin // Politico, June 24, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.politico.com/news/2020/06/24/robert-obrien-xi-jinping-china-stalin-338338> (26.08.2022)
24. U.S. intelligence community to create center to address foreign malign influence // CBS News, April 26, 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/intelligence-community-foreign-malign-influence/> (27.08.2022)
25. U.S. urges China to open talks on South China Sea, Reuters, July 12, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-asean-summit-idUSBRE86B09720120712> (27.08.2022)
26. US and Philippines said to be in talks on rocket system to deter Beijing's 'militarisation' in South China Sea // South China Morning Post, April 2, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3004372/us-philippines-said-be-talks-rocket-system-deter-beijings> (24.12.2020)
27. US increases military pressure on China as tensions rise over pandemic // CNN, May 15, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2020/05/14/politics/us-china-military-pressure/index.html> (24.12.2020)
28. US seeks constructive relationship with China, but can't accept actions that undermine rules-based order: Mattis // The Straits Times, June 3, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/us-defence-secretary-james-mattis-presses-china-on-north-korea-south-china-sea> (26.08.2022)
29. US, Australia Seek New Military Cooperation in Face of China // Voice of America, July 28, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа:

<https://www.voanews.com/usa/us-australia-see-new-military-cooperation-face-china>
(24.12.2020)

30. Xi Jinping's China and Hitler's Germany: Growing parallels. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://thehill.com/opinion/international/532978-xi-jinpings-china-and-hitlers-germany-growing-parallels> (31.05.2021)

31. Новая стратегия ПРО США: бить из космоса на взлете, BBC News Русская Служба, 18.01.2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-46904467> (20.08.2022)

32. China's parallel with Germany before WWI. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.smh.com.au/opinion/chinas-parallel-with-germany-before-wwi-20140820-10631j.html> (05.04.2021)

Научные статьи и монографии

1. 50 U.S. Code § 3237 - Annual reports on influence operations and campaigns in the United States by the Chinese Communist Party. Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/3237> (27.08.2022)

2. Батюк В.И. Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 5. С. 22-38.

3. Бужинский Е.П., Веселов В.А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 3-47.

4. Есин В.И. Ядерные силы КНР: состояние и перспективы развития // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760010387-2-1/> (12.04.2021)

5. Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты. РСМД, 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

[comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie-i-organizatsionno-upravlencheskie-aspekt/](#) (11.11.2018)

6. Кременюк В.А., Лукин В.П., Руднев В.С. Политика США в Азии. М.: Наука, 1977. 271 с.
7. Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг. // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 11. С. 22-45.
8. Приходько О.В. Меняющийся баланс сил в мире: американо-китайский контекст // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 8. С. 30-51.
9. Рельсотроны Пентагона // Военно-промышленный курьер, 03.04.2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/36016> (12.09.2017)
10. Рогов С.М. Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 6-24.
11. Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. М., ИСКРАН, 2013. 315 С.
12. Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США-КНР // США & Канада: экономика, политика, культура, 2021, №9, с. 89-105.
13. Степанов А.С. Рост военной мощи Китая в начале XXI века: значение для США // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760000045-6-1/> (19.09.2022).
14. Степанова Н.В. Особенности реализации стратегии национальной безопасности при администрации Д. Трампа // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 4 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rusus.jes.su/s207054760013356-8-1/> (26.08.2022)
15. США и проблемы Тихого океана: Международно-политические аспекты. Под ред. В.П. Лукина. М.: Международные отношения, 1979. 328 с.
16. Труш С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 12. С. 45-61.

17. Труш С.М. Подход Трампа к Китаю: оценка мотивации и внешнеполитического стиля // США & Канада: экономика, политика, культура. 2018. №2. С. 41-54
18. Хайруллин Э.Р. К вопросу об определении внешней политики // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №3. С. 50-52.
19. Allison G. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic, September 24, 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (26.08.2022)
20. Allison G. Thucydides's trap has been sprung in the Pacific // Financial Times, August 21, 2012
21. Bader J. Obama and China's Rise: An Insider's Account of America's Asia Strategy. Washington DC, Brookings Institution Press, 2012, 180 p.
22. Bergsten F., Gill B., Lardy N., Mitchell D. China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know Now About the Emerging Superpower. New York: PublicAffairs, 2006. 224 P.
23. Brands H. What Good Is Grand Strategy?: Power and Purpose in American Statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush. New York: Cornell University Press, 2014. 274 p.
24. Brzezinski I. NATO's role in a transatlantic strategy on China. The Atlantic Council, June 1, 2020 <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/natos-role-in-a-transatlantic-strategy-on-china/> (27.08.2022)
25. Chang G. The Coming Collapse of China. New York, Random House, 2001. 368 P.
26. Chen D. The Trump Administration's One-China Policy: Tilting toward Taiwan in an Era of U.S.-PRC Rivalry? // Asian Politics & Policy. 2019. No.2. P. 250-278
27. Cheng D. Prospects for China's Military Space Efforts // Beyond the Strait: PLA Missions other than Taiwan / Ed. by R. Kamphausen, D. Lai, A. Scobel. Carlisle, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2009. P. 211-252.

28. Chinese Aid to the Pacific [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://chineseaidmap.lowyinstitute.org/> (10.10.2020)
29. Christensen T. The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. New York, W.W. Norton & Company, 2015. 371 P.
30. Cliff R. China's Military Power: Assessing Current and Future Capabilities. New York, Cambridge University Press, 2015. 380 P.
31. Cliff R. et al. Entering the Dragon's Lair: Chinese Antiaccess Strategies and Their Implications for the United States. RAND Corporation, 2007. 155 P.
32. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy, October 11, 2011 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (20.08.2022)
33. Connelly A. Congress and Asia-Pacific policy: Dysfunction and neglect. Lowy Institute, 2015. 25 P.
34. Cooper Z. Flashpoint East China Sea: Potential Shocks. Center for Strategic & International Studies, April 27, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://amti.csis.org/flashpoint-east-china-sea-potential-shocks/> (21.03.2022)
35. Dalton T., Michishita N., Zhao T. Security Spillover: Regional Implications of Evolving Deterrence on the Korean Peninsula. Carnegie Endowment for international Peace, June 11, 2018. 45 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2018/06/11/security-spillover-regional-implications-of-evolving-deterrence-on-korean-peninsula-pub-76483> (06.06.2020)
36. Department of Defense, Quadrennial Roles and Missions Review Report. Washington DC: Department of Defense, 2009. 39 p.
37. Drew D., Snow D. Making Strategy: An Introduction to National Security Processes and Problems. Air University Press, 1988. 209 p.
38. Dutta A. Systemic Rival or Strategic Partner: EU-China Relations in Pandemic World. Indian Council of World Affairs, July 17, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=5213&lid=3677 (27.08.2022)

39. East Asian Strategic Review 2003. National Institute for Defense Studies, 2003. 316 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2003.html> (25.06.2020)
40. East Asian Strategic Review 2005. National Institute for Defense Studies, 2005. 231 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2005.html> (20.08.2022)
41. East Asian Strategic Review 2005. National Institute for Defense Studies, 2005. 231 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2005.html> (20.08.2022)
42. East Asian Strategic Review 2006. National Institute for Defense Studies, 2006. 253 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2006.html> (25.06.2020)
43. East Asian Strategic Review 2008. National Institute for Defense Studies, 2008. 228 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2008.html> (20.08.2022)
44. East Asian Strategic Review 2008. National Institute for Defense Studies, 2008. 228 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2008.html> (20.08.2022)
45. East Asian Strategic Review 2010. National Institute for Defense Studies, 2010. 268 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2010.html> (25.06.2020)
46. East Asian Strategic Review 2016. National Institute for Defense Studies, 2016. 321 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2016.html> (25.06.2020)
47. East Asian Strategic Review 2018. National Institute for Defense Studies, 2018. 241 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2018.html> (25.06.2020)
48. East Asian Strategic Review 2020. National Institute for Defense Studies, 2020. 216 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/e2020.html> (25.06.2020)

49. Erickson A. Numbers Matter: China's Three 'Navies' Each Have the World's Most Ships // The National Interest, February 26, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/numbers-matter-chinas-three-navies-each-have-the-worlds-most-24653?page=0%2C2> (26.09.2018)
50. Erickson A., Goldstein L. Gunboats for China's New "Grand Canals"? Probing the Intersection of Beijing's Naval and Oil Security Policies // Naval War College Review. 2009. No. 2, pp. 43-76.
51. Ferguson N., Schularick M. Chimerica and the Global Asset Market Boom // International Finance. 2007. No. 3. P. 215-239.
52. Ferguson N., Xu X. Making Chimerica Great Again // International Finance. 2018. No. 21. P. 239-252.
53. Foo N., Lean H.H., Salim R. The impact of China's one belt one road initiative on international trade in the ASEAN region // The North American Journal of Economics and Finance. 2020. Vol. 54. Issue C.
54. Friedberg A. A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. New York, W.W. Norton & Company, 2011.
55. Garrett G. After the GFC: Australia and the Chimerica challenge. Australian Strategic Policy Institute, 2009. P. 8.
56. Gertz B. The China Threat: How the People's Republic Targets America. Washington DC, Regnery Publishing, 2002. 280 P.
57. Glaser B. Terrorist Strikes Give U.S.-China Ties a Boost // Comparative Connections. 2001. No. 3. P. 29-36. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cc.pacforum.org/wp-content/uploads/2017/06/0103qus_china.pdf (25.06.2020)
58. Green M. et al. Analysis of Secretary of State Clinton's Asia Architecture Speech. Center for Strategic & International Studies, January 13, 2010 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/analysis-secretary-state-clinton%E2%80%99s-asia-architecture-speech> (20.08.2022)
59. Greenert J., Schwartz N. Air-Sea Battle. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.the-american-interest.com/2012/02/20/air-sea-battle/> (10.05.2021)

60. Hammes T. Offshore Control: A Proposed Strategy for an Unlikely Conflict. National Defense University Strategic Forum No. 278, June 2012. 16 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-278.pdf> (10.05.2021)
61. Haynes S.T. China's Nuclear Threat Perceptions // Strategic Studies Quarterly. 2016. Vol. 10, No. 2. P. 25-62.
62. Haynes S.T. Dragon in the room: Nuclear Disarmament's Missing Player // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12, No. 1. P. 25-47.
63. Heginbotham E. The U.S.-China Military Scorecard, Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996-2017. Santa Monica: RAND Corporation, 2015. 430 P.
64. Johnson A.I. Is China a Status Quo Power? // International Security. 2003. No. 4. P. 5-56.
65. Kafura C. Republicans, Democrats Split on Increasing US Defense Budget. Chicago Council on Global Affairs, 2020. 8 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2020-12/report_republicans-democrats-split-on-increasing-defense-budget_.pdf (10.02.2022)
66. Kafura C., Smeltz D. Cooperation, Competition, or Confrontation? Republicans and Democrats Split on China Policy. Chicago Council on Global Affairs, 2021. 15 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2021-12/Final%20China%20Brief.pdf> (10.02.2022)
67. Kan S. et al. China-U.S. Aircraft Collision Incident of April 2001: Assessments and Policy Implications. Washington DC: Congressional Research Service, 2001. 38 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL30946.pdf> (20.08.2022)
68. Kissinger H. On China. New York, New York: Penguin Books, 2011. 588 P.
69. Köllner P. Australia and New Zealand recalibrate their China policies: convergence and divergence // The Pacific Review. 2021. Volume 34. Issue 3. P. 405-436.

70. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. No. 1. P. 23-33.
71. Krepinevich A. The Pentagon's Wasting Assets: The Eroding Foundations of American Power // Foreign Affairs. 2009. No. 4. P. 18-33.
72. Krepinevich A. Why AirSea Battle? Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010. 52 P.
73. Lei Yu. China-Australia strategic partnership in the context of China's grand peripheral diplomacy // Cambridge Review of International Affairs. 2016. 29. P. 1-21.
74. Li B. China and the New U.S. Missile Defense in East Asia. Carnegie Endowment for International Peace, September 06, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2012/09/06/china-and-new-u.s.-missile-defense-in-east-asia-pub-49297> (06.05.2020)
75. Li M. Reconciling Assertiveness and Cooperation? China's Changing Approach to the South China Sea Dispute // Security Challenges. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 49-68.
76. Lieberthal K. Is China Catching Up with the US? // *Ethos*. 2010. No.8. P. 12-16.
77. Lissner R. What Is Grand Strategy? Sweeping a Conceptual Minefield // Texas National Security Review. 2018. No.1. P. 52-73.
78. Maizland L. U.S. Military Support for Taiwan: What's Changed Under Trump? Council on Foreign Relations, April 3, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cfr.org/in-brief/us-military-support-taiwan-whats-changed-under-trump> (12.12.2020)
79. Majumdar D. America Reveals 'Great Power' Plans Against Russia and China // The National Interest, February 3, 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/america-reveals-great-power-plan-against-russia-china-15103> (20.08.2022)
80. Masuda M. China's Search for a New Foreign Policy Frontier; Concept and Practice of Harmonious World // China's Shift: Global Strategy of Rising Power / Ed. by Masafumi I. Tokyo: NIDS Joint Research Series, 2009. P. 29-79.

81. Mearshimer J. 2001. The Tragedy of Great Power Politics. New York, W.W. Norton & Company, 555 p.
82. Medcalf R. Australia And China: understanding the reality check // Australian Journal of International Affairs. 2018. Vol. 73. No. 2. P. 109-118.
83. Medeiros E. The US Global Defense Posture Review and Implications for the Security Architecture in the Asia-Pacific Region. Berlin: Waldbrol Group, 2004. 8 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/publications/products/projekt_papiere/Medeiros___US_Global_Defense_Posture_Review_ks.pdf (20.08.2022).
84. Military expenditure by country, in constant (2016) US\$ m., 1988-2017, SIPRI [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/1_Data%20for%20all%20countries%20from%201988-2017%20in%20constant%20%282016%29%20USD.pdf (06.10.2018)
85. Missile Defense. Missile Defense Advocacy Alliance. [Электронный ресурс] Режим доступа: Available at: <https://missiledefenseadvocacy.org/missile-defense-systems-2/> (12.10.2019).
86. Mosher S. Hegemon: China's Plan to Dominate Asia and the World. New York, Encounter Books, 2002. 193 P.
87. Nurkin T. et al. China's Advanced Weapons Systems. London: Jane's by IHS Markit, 2018. 250 P.
88. O'Rourke R. Navy Force Structure and Shipbuilding Plans: Background and Issues for Congress. Washington DC: Congressional Research Service, 2022. 83 p.
89. O'Rourke R. Navy SSBN (X) Ballistic Missile Submarine Program: Background and Issues for Congress. Washington DC: Congressional Research Service, 2010.
90. Paal D. Accommodation Will Not Work. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2011/07/01/accommodation-will-not-work-pub-44827> (26.04.2021)
91. Patalano A. Seapower and Sino-Japanese Relations in the East China Sea // Asian Affairs. 2014. No. 1. P. 34-56.

92. Pillsbury M. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. New York, Henry Holt and Company, 2015.
93. Policy Making Process for Post Cold War China. 2018. Ed. by Wenzhao Tao. Singapore, Springer, 438 p.
94. Political Polarization in the American Public. Pew Research Center, June 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/> (15.08.2021)
95. Pollpeter K. Chinese Writings on Cyberwarfare and Coercion // China and Cybersecurity: Espionage, Strategy, and Politics in the Digital Domain / Ed. by J. Lindsay, T. Cheung, D. Reveron. Oxford University Press, 2015. P. 138-162.
96. Pollpeter K., Ray J. The Conceptual Evolution of China's Military Space Operations and Strategy // China's Evolving Military Strategy / Ed. by J. McReynolds. Washington DC: Brookings Institution Press, 2017. 424 P.
97. Posen B. Restraint: a New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca, Cornell University Press, 2014. 234 p.
98. Ren X. Modeling a "New Type of Great Power Relations": A Chinese Viewpoint // The ASAN Forum, October 4, 2013 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://theasanforum.org/modeling-a-new-type-of-great-power-relations-a-chinese-viewpoint/> (26.08.2022)
99. Risky Competition: Strengthening U.S.-China Crisis Management // Crisis Group Asia Report N°324. May 20, 2022. 34 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/324-us-china-crisis-management.pdf> (26.08.2022)
100. Roberts G. US Foreign Policy and China: Bush's first term. New York: Routledge, 2015. 210 P.
101. Rowden T., Gumataotao P., Fanta P. 'Distributed Lethality'. Proceedings. U.S. Naval Institute, January 2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2015/january/distributed-lethality> (26.08.2022)

102. Rumsfeld D. Transforming the Military // Foreign Affairs, May/June 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2002-05-01/transforming-military> (18.05.2021)
103. Russia, China and the US Missile Defense Review: the shape of strategic competition // The Strategist, January 24, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.aspistrategist.org.au/russia-china-and-the-us-missile-defense-review-the-shape-of-strategic-competition/> (07.01.2021)
104. S. Mahmud Ali. China's Belt and Road Vision. Geoeconomics and Geopolitics. Springer, 2020. 330p.
105. Saalman L. China & The U.S. Nuclear Posture Review. Carnegie Endowment for International Peace, February 28, 2011. 56 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2011/02/28/china-and-u.s.-nuclear-posture-review-pub-42705> (10.08.2020)
106. Saalman, L. Factoring Russia into the US–Chinese Equation on Hypersonic Glide Vehicles. SIPRI Insights on Peace and Security. 2017. No. 1. 11 P [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Factoring-Russia-into-US-Chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles.pdf> (06.06.2020)
107. Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation. Berkeley, University of California Press, 2008. 256 P.
108. Smith S. Community of common destiny: China's 'new assertiveness' and the changing Asian order // International Journal. 2018. No. 3. P. 449-463.
109. Stavridis J. A New Air Sea Battle: Integrated Strike Forces. Washington D.C., National War College, 1992.
110. Steinberg J., O'Hanlon M. Strategic Reassurance and Resolve: U.S.-China Relations in the Twenty-First Century. Princeton, Princeton University Press, 2014. 272 P.
111. Terhalle, M. Containment's deceit: why the United States needs to review its China strategy // International Politics. 2020. No. 57. P. 79-94.

112. The Military Balance: The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. The International Institute for Strategic Studies, 2018. 520 P.

113. Torsvoll E. Deterring Conflict with China: A Comparison of the Air-Sea Battle Concept, Offshore Control and Deterrence by Denial // Fletcher Forum of World Affairs. 2015. 39(1). P. 35-62.

114. Towell P. Defense: FY2010 Authorization and Appropriations. Washington DC: Congressional Research Service, 2010. 116 p.

115. Towell P. Defense: FY2012 Budget Request, Authorization and Appropriations. Washington DC: Congressional Research Service, 2012. 97 p.

116. Towell P. FY2018 National Defense Authorization Act. Washington DC: Congressional Research Service, 2018, 40 p.

117. Towell P. FY2019 Defense Appropriations Act (P.L. 115-245). Washington DC: Congressional Research Service, 2019. 24 p.

118. Towell P. FY2020 Defense Appropriations Act: P.L. 116-93 (H.R. 2968, S. 2474, H.R. 1158). Washington DC: Congressional Research Service, 2020. 22 p.

119. Towell P. FY2020 National Defense Authorization Act: P.L. 116-92 (H.R. 2500, S. 1790). Washington DC: Congressional Research Service. 26 p.

120. Towell P., Belasco A. Defense: FY 2014 Authorization and Appropriations. Washington DC: Congressional Research Service, 2014. 89 p.

121. Trump Uses Heritage Research in Plan to Rebuild America's Weakened Military. The Heritage Foundation, September 13, 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.heritage.org/defense/impact/trump-uses-heritage-research-plan-rebuild-americas-weakened-military> (20.08.2022)

122. Urayama K. Chinese Perspectives on Theater Missile Defense: Policy Implications for Japan // Asian Survey. 2000. No. 40. P. 599-621.

123. Wesley-Smith T. China's Rise in Oceania: Issues and Perspectives // Pacific Affairs. 2013. No. 2. P. 351-372

124. Wittkopf E., Jones C., Kegley Ch. American Foreign Policy: Pattern and Process. Belmont, Thomson Wadsworth, 2008. 661 P.

125. Woolf A. New Nuclear Warheads: Legislative Provisions, Congressional Research Service, February 5, 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/IN10854.pdf> (20.08.2022)
126. Wu R. Survivability of China's Sea-Based Nuclear Forces // *Science & Global Security*. 2011. No. 2. P. 91-120.
127. Zhang B. US Missile Defence and China's Nuclear Posture: Changing Dynamics of an Offence-Defence Arms Race // *International Affairs*. 2011. № 3. P. 555–569.
128. Zhang D. China's Diplomacy in the Pacific Interests, Means and Implications // *Security Challenges*. 2017. No. 2. P. 32-53.
129. Zhang D. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2018. 5. P. 196-207.
130. Zhao T. Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense: How to Help Forestall a Nuclear Arms Race. Carnegie Endowment for International Peace, June 30, 2020. 71 P. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://carnegieendowment.org/files/Zhao_USChina_MissileDefense.pdf (10.08.2020)
131. Zhao T., Li B. Is the United States Complying with MTCR Rules? // *The Chinese Journal of International Politics*. 2008. No. 1.
132. Zhao T., Li B. The Underappreciated Risks of Entanglement: a Chinese Perspective // *Entanglement: Russian and Chinese Perspectives on Non-Nuclear Weapons and Nuclear Risks* / Ed. by J. Acton. Carnegie Endowment for International Peace, 2017. P. 47-76 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://carnegieendowment.org/files/Entanglement_interior_FNL.pdf (05.05.2020)
133. Zhao, T. Conventional Challenges to Strategic Stability: China's Hypersonic Technology and the Security Dilemma // *The End of Strategic Stability? Nuclear Weapons and the Challenge of Regional Rivalries* / Ed. by L. Rubin, A. Stulberg. Washington DC: Georgetown University Press, 2018. P. 183-211.
134. Zongze R. A New Model of Major-Country Relations: The New Driving Force Behind China-US Relations // *China-US Focus*, December 24, 2013

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/a-new-model-of-major-country-relations-the-new-driving-force-behind-china-us-relations> (27.08.2022)

Список иллюстративного материала

Диаграмма 1. Оборонные расходы США 2000-2021 гг., в пост. долл. (2020). С. 32